

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 2 • 2010

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина,

Е.В. Попов

Ответственный секретарь

И.Н. Тимофеев

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

В.Я. Белокреницкий

В.В. Гриб

В.Г. Ледаев

М.В. Стрежнева

Д.В. Стрельцов

Редакционный совет

Т.А. Алексеева

В.Я. Белокреницкий

В.В. Гриб

В.И. Журавлева

М.В. Ильин

В.Г. Ледаев

М.М. Лебедева

В.В. Михеев

О.В. Павленко

В.Д. Соловей

Л.В. Сморгунов

М.В. Стрежнева

Д.В. Стрельцов

Т.А. Шаклеина

А.Ю. Шутов

Международный консультационный совет

Ayşe Ditrîhs

(Университет Анкары)

Akihiro Iwashita

(Университет Хоккайдо)

Zhao Huasheng

(Фуданьский у-тет)

Klaus Segbers

(Свободный Университет Берлина)

Anne de Tanguy

(Сьянс По)

Werner Vath

(Свободный Университет Берлина)

Yu-Shan Wu

(Институт политологии, Academia Sinica)

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В.

Отдел распространения

Лебедева Ю.В.

(495) 953-91-20

Редакция:

Бочарова М.А., Хасанова Г.И.

Адрес редакции:

125057, Москва, а/я 15

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@ibb.ru;

http: lawinfo.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная

Полиграфическая Группа».

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 8,0.

Усл. печ. л. — 8,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 14.04.2010 г.

© Воскресенский А.Д., 2010

© Сравнительная политика, 2010

© Издательская группа «Юрист», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

1. Становление востоковедения как научной дисциплины в России и за рубежом: эволюция методологических подходов 3
2. Предмет и метод политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии 6
3. Проблема пространственной (спатальной) подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения и политической компаративистики 7
4. Специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии 9

ВОСТОК В ПЕРИОД КОЛОНИАЛИЗМА

1. Страны традиционного Востока в международных отношениях в колониальную эпоху 18
2. Рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониальной эпохи 24

ВОСТОК ПЕРИОДА ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

1. Роль стран Востока в международных отношениях периода холодной войны 31
2. Рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны 37

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1. Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе 44
2. Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности 50

ВОСТОК И «НОВЫЕ» ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

1. Межцивилизационные конфликты, сепаратизм, терроризм и этноконфессиональные конфликты 57
2. Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем 64

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

1. Реликтовый феномен конфликтогенного комплекса международных связей в регионе Восточной Азии 72
2. Процесс экономической интеграции в Восточной Азии 79

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Рабочая программа курса «Восток в мировой политике» 87
- Научная жизнь 107
- Обзоры и рецензии 120
- На книжной полке 142
- Об авторах 145
- Информация для авторов 146

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Прочитав данную статью, вы узнаете:

- по каким направлениям развивалось отечественное и зарубежное востоковедение в XX в., какие этапы оно прошло в своем развитии;
- чем современные отечественные подходы к изучению стран Востока отличаются от классических западных подходов, что общего между ними;
- какие методы используют востоковеды-историки и востоковеды-политологи для исследования современных политических процессов на Востоке;
- каковы сравнительные достоинства и недостатки аналитического и спатиального (пространственного) подходов к выделению регионов Востока;
- в чем состоит принципиальное различие между обществами западного и восточного типа.

1. Становление востоковедения как научной дисциплины в России и за рубежом: эволюция методологических подходов

Интерес к Востоку в отечественной науке глубок и постоянен. В нашей стране особое внимание, традиционно уделяемое афро-азиатским странам, объясняется особым цивилизационным положением России как политического образования, возникшего на стыке культур Запада и Востока. Изучение Востока сформировалось в Российской империи в качестве особой научной дисциплины, точнее, предметно-дисциплинарного, по преимуществу историко-филологического комплекса, под западным идейным и философско-политическим воздействием (В.М. Алексеев, В.В. Бартольд и др.).

В советское время отечественное востоковедение трансформировалось из преимущественно историко-филологического в историко-экономический и со-

циально-политический комплекс, надолго обеспечив своеобразие литературы востоковедного профиля. На постсоветском этапе произошло возрождение интереса как к культурно-цивилизационному, так и к геоэкономическому и геополитическому спектру вопросов. В самое последнее время явно наметилась тенденция к комплексному анализу феномена Востока, соответствующая повышению его роли в мировой политике. Особую роль в отечественной мысли последнего десятилетия стали играть дискуссионные теории так называемого нового евразийства, акцентирующие внимание на «особости» России как государства, осуществляющего цивилизационный синтез на глубинном уровне.

В корневой основе «западных» общественно-философских знаний еще на самом раннем этапе были заложены базовые представления о цивилизациях Востока, прежде всего китайской, индийской, ближневосточной, о дихотомии Восток — Запад. В современной западной литературе значительное интеллектуальное влияние имеют исследователи, которые обсуждают вопросы «особости» Востока и его восприятия на Западе (Э. Саид, А. Айзенштадт, Д. Барнетт, Дж. Нидэм, Л. Пай, Дж. Фэрбэнк). Особое значение в современной мировой дискуссии по проблемам дихотомии Восток — Запад занимают концепции «третьей демократической волны» и «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона, который развивает взгляд на современную мировую политику с позиции «столкновения цивилизаций», выделяя в них в качестве набирающих силу «восточные» территориально-цивилизационные комплексы. В самой недавней западной литературе о международных отношениях (Б. Бузан, У. Вэвер, О. Йеда) появляются тенден-

ции к теоретизированию на региональном уровне (концепции региональных комплексов и мезорегионов), что является важным вкладом в дальнейшую концептуализацию этих идей.

История отечественного востоковедения ясно показывает, что в востоковедных трудах раннего периода становления отечественного востоковедения анализ сводился главным образом и прежде всего к описанию официального взаимодействия между правительствами государств, и в страноведческих/востоковедческих исследованиях применялся едва ли не единственный метод — традиционного исторического описания. Метод традиционного исторического описания представляет собой метод анализа, основанный на понимании уникальности всех событий в развитии человечества, в силу чего большинство существующих исторических работ в классическом востоковедении сводилось к описательным дипломатическим историям (рассказам) ретроспективного характера, которые отличались друг от друга только «страной описания» и исторической школой, в рамках которой это описание и было выполнено, т.е. при создании трудов применялись в основном интерпретационные методы и подходы. Вопрос о несообразности исторических объяснений в различных культурных комплексах не решался (хотя и ставился) в этой традиции — главным образом по той причине, что принятая методология сводилась к обобщениям на основе конкретных (уникальных) событий. Авторы, которые проводили исследования в рамках этой традиции, пытались разработать особый вид обобщений, нацеленный на то, чтобы предсказать дальнейший ход событий на основе ограниченного количества современных (либо исторических) событий. Таким образом, тенденция ретроспективного анализа проецировалась на будущее в целях прогностических обобщений на основе исторической интуиции.

Вообще говоря, историко-интерпретационный подход изначально методологически тяготеет к изучению эмпирических свидетельств без формулирования общей теории, но с явно или подспудно выраженными обобщениями. Тем не менее любая общая или структуралистская школа видит свою цель не просто в историческом объяснении, а в том, чтобы наряду с объяснением истории установить закономерности, с помощью которых можно не только рационализировать происшедшее в прошлом, но и интерпретировать то, что происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Именно в этом заключается практическая ценность такого рода подходов для востоковедения и востоковедного регионоведения.

Как представляется, существующие в востоковедческой литературе различные объяснения и интерпретации фактов подспудно предполагают необходимость новых комплексных регионоведческих подходов, что сегодня требует нового и более рафинированного обобщения фактов и данных, с одной стороны, и более высокого уровня концептуального анализа — с другой. Почти полное устранение отечественного востоковедения советского периода от проблематики мировых дебатов о методологических основах гуманитарных и общественных наук и ведение полемики в основном в рамках традиционного и обновленного марксизма (комплекс дискуссий об «азиатском способе производства») привело к недостаточному учету концепций, предлагаемых политическими науками и теориями международных отношений.

В этих теориях каждый участник — будь то нация и государство, правительство, международная или национальная организация, группы давления, или индивидум (дипломат, политик) — представляет собой «единицу» (объект или субъект) взаимодействия и, одновременно, составную часть системы как целого. Соответственно, система как таковая

рассматривается как нечто качественно отличающееся от своих составляющих. При таком подходе не акцентируется внимание на ценностных и психологических факторах, хотя ценностные и психологические факторы, составляющие наряду с другими стержень национальной специфики, могут также анализироваться.

Приступая к изучению востоковедного объекта, исследователь должен прежде всего провести разграничение между конкретными аспектами, присущими данной сфере научного поиска, и аспектами, общими для всех исследований. Кроме того, необходимо определить, в какой степени данный объект исследований позволяет оперировать четкими эмпирическими данными, анализ которых ведется посредством методов, применяемых именно в данной области науки. По этому вопросу сегодня идут острые дебаты в мировом востоковедении. В общественных науках есть множество сфер исследований, которые, как принято считать, носят междисциплинарный (и только в этом смысле — комплексный) характер. Как становится ясно при изучении востоковедческих проблем, многие из используемых в данной субдисциплине методов не имеют непосредственного отношения собственно к самой дисциплине. Следовательно, придется признать заимствование теорий и методологических подходов, изначально разработанных для решения общих либо специфических проблем в естественных науках, социологии, антропологии, экономике, политологии, истории, философии и даже литературоведении и текстологии. Понимание «сухого остатка» этих международных дебатов ставит сегодня на повестку дня вопрос о модернизированном понимании комплексного характера современного востоковедения как части мирового регионоведения, о методологическом синтезе нового типа, а соответственно, о качественном повышении методологического уровня отечественного востоковедения и именно таким путем

выведения его на передовые международные рубежи.

Практическое применение этого заключения приводит к целому ряду немаловажных выводов, имеющих прикладное значение и для самого российского общества. Использование результатов традиционных методов и постановок проблем в востоковедении как научной отрасли регионоведения применительно к реалиям сегодняшнего дня очень остро поставило вопрос о соотношении западной (европейской или американской) и восточноазиатской моделей развития. В российском обществе в последние десять — пятнадцать лет идет активная дискуссия на эту тему. Одно из мнений, которое родилось и укрепилось в ходе этой дискуссии, заключается в противопоставлении этих моделей. Однако успех реформирования традиционных обществ в новых индустриальных странах, а потом его повторение и развитие в ходе реформирования китайского общества в практической области ставит методологический вопрос о соотношении анализа и синтеза при разработке практических рекомендаций по реформированию традиционных или переходных обществ.

Действительно, в последние докризисные годы темпы роста мировой экономики составляли по 2–3% в год, России — 6–7% в год, а Китая — 10–11% в год. Если текущие экономические тенденции сохранятся и после выхода мира из кризиса, то через 10–15 лет, к примеру, одна какая-нибудь крупная провинция Китая будет производить товаров и услуг больше, чем вся Российская Федерация. Традиционные подходы не давали ответа на вопрос, как применить «восточноазиатскую модель» к российскому обществу, по ряду структурных параметров кардинально отличному от новых индустриальных стран и Китая, а по другому ряду параметров схожему с ними. Применение западной модели в чистом виде дало лишь частичный и неоднозначный эффект. Сегодня становится ясно, что нужно актив-

нее использовать опыт стран Востока, а соответственно, необходимо более глубокое и нестереотипизированное их изучение.

Применение комплексных регионально-ведческих методологических подходов, в частности, позволяет поставить вопрос о разделении модели развития на две составляющие — политическую и экономическую. В создании политической структуры общества в России пригодна и жизнеспособна западная модель. В экономической области сегодня есть выбор между латиноамериканской, африканской и восточноазиатской моделями развития, различающимися, главным образом, ролью государства в экономической жизни. Значительную часть опыта, накопленного при реформировании традиционных обществ в КНР, Южной Корее и на Тайване, сегодня можно вполне рекомендовать к дозированному использованию в определенных сегментах российской экономической жизни.

Проблема адекватной адаптации этого опыта самым непосредственным образом связана с методологическими дебатами в востоковедении, которое сегодня на наших глазах превращается в отрасль *мирового комплексного регионоведения* — комплексной, интегральной социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира (т.е. Востока и стран Востока как части системы регионов мира) с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Такое понимание контекста современного востоковедения позволит, с одной стороны, со-

хранить всю богатую базу отечественного традиционного востоковедения, с другой — понимать его в русле современного модернизированного, а не традиционно-го и консервативного, контекста мировой обществоведческой мысли.

2. Предмет и метод политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии

Определение: *Мировое комплексное регионоведение — комплексная, интегральная социально-экономическая дисциплина, изучающая закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира с учетом их исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений.*

В середине XX в. колониальное и зависимое политическое состояние стран Востока сменилось поисками своего собственного суверенного пути развития. После обретения независимости в странах Востока наметились существенные сдвиги — вместо аграрной по преимуществу структуры экономики утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов, а традиционная система общественной жизни после «третьей волны» демократизации начала трансформацию в систему со сложным взаимоотношением традиционно зависимых групп, расширением политической элиты, продвинутым уровнем общих и специальных знаний и даже синтезом «восточных» и «западных» цивилизационных компонентов.

Для стран Востока политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особен-

ностями, спецификой политической культуры определяется специфика их политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока.

Однако прежде чем перейти к определению принципов политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении в сравнении со сравнительной политологией, необходимо определить методологические позиции и в этой связи определить свое отношение к следующим вопросам:

- каким образом пространственно (спатильно) группировать материал в рамках мирового комплексного регионоведения и что дает пространственная группировка материала;

- каковы могут быть методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским;

- как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности;

- как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых закономерностей) в рамках системно-сравнительного подхода;

- как конкретно и рационально сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа);

- каким образом практически дать понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ и, соответственно, построить учебный процесс по этой проблематике как части мирового комплексного регионоведения.

3. Проблема пространственной (спатильной) подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения и политической компаративистики

Пространственное (спатильное) членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического региона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональной совокупности явлений, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной пространственной (спатильной) системе координат.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках. Так, мы выделяем мировые континенты: Америку (Северную и Южную), Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду — подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты (Европа, Азия) и более мелкие таксономические единицы (географические регионы и субрегионы): Северную, Центральную и Южную Америку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Африку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Европу, Северную, Центральную, Восточную, Юго-Восточную, Южную, Юго-Западную и Западную Азию.

Определение: *Международно-политический регион — привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.*

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Беларусь или, в другой интерпретации, страны СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную (или Дальний Восток), Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема «пограничных» государств, не принадлежащих в полной мере ни одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам. Так, некоторые исследователи полагают, что Афганистан принадлежит

не Средневосточному, а Южноазиатскому региону, поскольку эта страна входит в число государств Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран, образующих Ас-

социацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины, — относят к Юговосточноазиатскому региону, при этом исключая из него «пограничные» государства Папуа — Новую Гвинею и Тимор-Лешти. Другие считают, что логика политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Соответственно всем этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы, североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы,

ближне- и средневосточной, центрально-азиатской, южноазиатской, юговосточно-азиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности, и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты. Эти перекрещивающиеся принципы цивилизационно-пространственного членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой выделения наиболее важных международно-политических регионов. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера.

Кроме цивилизационно-пространственной (спатальной), существует и возможность содержательной (аналитической) группировки стран. Она так же, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами спатальная. Однако аналитическая модель при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специ-

фику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей аналитической красоте такая типология, на наш взгляд, плохо применима при практической подготовке регионального/странового специалиста, так как позволяет хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» не могут быть применены в реальной жизни, а значит, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. Спациальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры.

4. Специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии

Из очерченной логики понимания системного сравнительного политического анализа и его «спатальной развертки» в рамках мирового комплексного регионоведения вырисовываются основные принципы сравнения политических систем Востока. Однако дальше начинается самое интересное и одновременно концептуально самое сложное, так как нужно отвечать на вопрос, что же является идеальной моделью, вокруг которой эти типологии построены, и каковы взаимоотношения между политической системой (политическими системами) и политической культурой (политическими культурами).

ми) регионов мира. Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа (т.е. европейская и американская модель), то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной. В рамках такого подхода мировой политический процесс будет просто описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции всех стран и регионов в направлении европейской либо американской модификаций западных либеральных демократий, подобно тому как К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* — концепцией «азиатских способов производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса.

Цитата: «Дилемма общего и частного в науке превратилась в источник нарастающей напряженности с тех пор, как преимущественно европоцентричная общественно-политическая мысль начала претендовать на то, чтобы считаться подлинно глобальной. Признаки идеологической зашоренности большинства современных общественных наук, унаследованной от присущего Западу провинциализма, проявляются в стандартной практике наклеивания универсальных, общечеловеческих ярлыков на исследования, основанные на европейских или американских данных, в то время как сравнительным исследованиям, сфокусированным на каких-либо иных частях света, как правило, придается меньшее значение» (Люсьен У. Пай. Политическая наука и регионоведение: соперники или партнеры?)

Сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах, так и в России, высказывают сомнение в том, что теории современной западной поли-

тической модернизации и демократического транзита после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии. Речь идет не об отрицании этих теорий и концепций, а о необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных подходов. Один из классиков западной политологии, Л. Пай, автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии, не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику:

1. В незападных обществах политическая сфера нечетко отделена от общественных и личных взаимоотношений.

2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни.

3. Большое число разных клик является характерной чертой незападного политического процесса.

4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам политических групп незападных обществ весьма высокую степень свободы в выборе как долгосрочной, так и краткосрочной стратегии.

5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений.

6. Для незападного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.

7. Незападный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.

8. Для западного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.

9. В западных обществах отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.

10. В западных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.

11. В западных обществах очень высока взаимозаменяемость политических ролей.

12. Для западного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.

13. Лидеры западных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.

14. Аморфный характер политического процесса западных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.

15. В западных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.

16. Главенствующим типом лидерства в западных сообществах является харизматический.

17. Западные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров¹.

Таким образом, модель политики в обществах западного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авто-

ритет и влияние зависят, в значительной степени, от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура западной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в западных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу деятельности, и, чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клика. В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой, и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне внутригрупповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. Соответственно, в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее — партию власти), а армия — выступить в роли правительства.

¹ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. № 2. 2003. С. 66–86.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они либо действуют как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, либо в действительности представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно, облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находиться в центре политического (т.е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах незападного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических брокеров.

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие незападных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика незападного процесса, мы можем пойти дальше и определить специфику восточных обществ и специфику политического процесса в обществах восточного типа. Надо сказать, что специфика такого рода хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток).

Прежде всего, определим два подхода к определению специфики восточных обществ в рамках мирового комплексного регионоведения, которые позволят нам определить и специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные запад-

ные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно-частнособственнические отношения;
- доминирует товарное производство;
- отсутствует централизованная власть;
- соответственно, там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название «гражданского общества».

В соответствии с этой концепцией, общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной системы.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть просто наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кас-

товый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководитель которых был тесно связан с государственной системой, либо просто являлся ее низшей частью — особым чиновником). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции (т.е. то, что соответствовало коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту).

Однако в последние десять лет в восточноевропейской политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ. В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, а права индивида по отношению к государству отсутствовали;

- собственность на землю на Востоке была разделена на две части: собственность на землю как на территорию с подвластным населением (т.е. собственность на налог), находившаяся у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект

хозяйства, принадлежавшая землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий, специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом. В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовала стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития. В обществах такого типа всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов). В силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности эти общества нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно, там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе. Кроме того, в обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин, капитализм имел неоднородный и анклавный характер.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного типов.

Общества западного типа характеризуются следующими чертами:

1. В обществах западного типа основополагающим является принцип «технологического/технистического» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно, в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга — философская основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воли индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социоцентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно, в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. То есть в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным

общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают, соответственно, взаимообязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборна, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, при этом власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Общества западного типа основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В обществах западного типа существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Западные общества пропагандируют систему открытого типа («открытое общество»), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «вели-

кие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревнования.

В обществах восточного типа основополагающими являются следующие принципы:

1. Принцип воздержания от волюнтаристской активности: знаменитая концепция древнекитайской политической философии *у-вэй* («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни». В восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в западном смысле этого слова, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писаные и неписаные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. Таким образом, если на Востоке и появляется «деятель» и «великий преобразователь», то он осуществляет «великие деяния» в соответствии с сакрализованным космосом/миропорядком/мирозданием/принципами. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам, политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного, поддержанного традицией или хотя бы не порывающего с ней.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответс-

твии с которым государство — постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно, на Западе город выступал как частногражданская альтернатива государственной власти и основа гражданского общества, а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающееся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и, соответственно, в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник/царь/пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах восточного типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется, скорее, не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у на-

рода, соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность.

Таким образом, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласимся с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческая политическая мысль пока не придумала, мы будем должны признать:

- наличие разных типов обществ (западного и западного, где среди западных существует особый подтип восточных);
- наличие разных видов, моделей демократий: не только европейского и американского типов, а, скажем, азиатского типа (японская, тайваньская и др.), причем демократии «другого» типа могут, по видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской моделей, в связи с отличиями социально-политических структур в этих странах, но при этом все же являться демократиями;
- наличие культурной и социально-психологической специфики, т.е. особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, в формировании которых решающую роль мог сыграть религиозный или какой-либо иной фактор (к примеру, связанный с существованием правовой системы особого рода);
- наличие «других» политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже» западных, а просто другие (подобно тому как мужской пол не лучше и не хуже женского, а просто — другой пол) и, возможно, более приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;

- то, что в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или, точнее — наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности стран Востока, во всей сложности их реального функционирования.

В первой статье вы познакомились с предметом и методом востоковедного регионоведения как особого, комплексного междисциплинарного направления, широко использующего сочетание исторических и политологических подходов для анализа современных общественно-политических реалий стран Востока. Усвоение материала по данной проблематике, в частности при самостоятельном конструировании учебного процесса, должно начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем государств в различных регионах мира (т.е. в разных «спатильных развертках»), типологизированными по разным критериям, а потом уже можно углубляться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах. Таким образом, анализ материала и обучение строятся на разработанном нами спатильно-аналитическом (пространственно-аналитическом) принципе, а не на преобладавшем ранее в регионоведении (и особенно в востоковедении) противопоставлении спатиль-

ного принципа аналитическому, либо на превалирующем в сравнительной политологии противопоставлении аналитического принципа спатиальному.

Этот подход, на наш взгляд, позволит вам получить углубленное представление о специфике функционирования политического мира Востока в мировом комплексном регионоведении, не забывая при этом об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие этапы прошло в своем развитии отечественное востоковедение?
2. В чем состоит предмет мирового комплексного регионоведения?
3. Каковы особенности аналитического подхода к выделению регионов мира?
4. Каковы особенности спатиального подхода к выделению регионов мира?
5. Можно ли сочетать достоинства аналитического и спатиального подходов?
6. По каким критериям выделяют различные регионы Востока?
7. Какие проблемы возникают при сравнении различных регионов мира?
8. В чем состоит специфика политического процесса в западных обществах?
9. В чем состоит специфика политического процесса в восточных обществах?

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, исто-

рия и современность. М. : Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

2. Панарин А.С. Политология: западная и восточная традиции. М. : Кн. дом «Университет», 2000. 319 с.

3. Саид Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 635 с.

4. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред., вступ. ст. Б.С. Ерасова. М. : Аспект Пресс, 1999. 556 с.

5. Хорос В.Г. Модернизация как общемировой процесс // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия / под ред. А.Д. Воскресенского; Моск. обществ. науч. фонд. М. : МОНФ; ИЦНИУП, 2000. С. 320–335.

6. Chen Xiaomei. Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China / Chen Xiaomei. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 239 p. (Электронная версия книги на Google Books. URL: <http://books.google.com>, ограниченный).

7. Fanon F. Black Skin, White Masks / Frantz Fanon. N.Y.: Grove Press, 1991. 232 p. (Электронная версия книги на Google Books. URL: <http://books.google.com>, ограниченный).

8. Fanon F. Peau Noire, Masques Blancs / Frantz Fanon. Paris: Éditions du Seuil, 1975. 188 p.

9. Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age / Andre Gunder Frank. Berkeley: California Univ. Press, 1998. 337 p.

10. Pye L.W. Asian Power and Politics : The Cultural Dimensions of Authority / Lucian W. Pye, Mary W. Pye. Cambridge, Mass. : Belknap Press, 1985. xiii, 414 p.

11. Pye L.W. The Confrontation between Discipline and Area Studies / Lucian W. Pye // Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? / Ed. by Lucian W. Pye. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1975. Pp. 3–22.

ВОСТОК В ПЕРИОД КОЛОНИАЛИЗМА

Прочитав данную статью, вы узнаете:

- на какие этапы следует разделить период колониализма;
- в каком направлении шла колониальная экспансия европейских держав на различных исторических этапах;
- в чем особенность колониальных систем, созданных Османской империей и Россией;
- как происходил раздел сфер влияния колониальных держав в Китае;
- в чем проявился рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониальной эпохи;
- как повлияла Вторая мировая война на мировую систему колониализма.

1. Страны традиционного Востока в международных отношениях в колониальную эпоху

Мир в канун Нового времени, которое одновременно является и началом колониальной эпохи, был еще во многом глубоко разобщенным. Центральное место в системе занимали государства, расположенные на западном побережье Европы. В европейской политике и тогда, и позднее боролись тенденции к доминированию одной силы и к противодействию такому господству (говоря современным языком, однополярная система против многополярной). Претензии на доминантное положение сначала выдвигали правители Испании и Австрии, императоры Священной Римской империи из немецкой династии Габсбургов, а затем Франция при «короле-солнце» Людовике XIV и его наследниках. Однако объединенная мощь противостоит (антилидеров) оказывалась в конечном итоге сильнее, и фланговые державы европейской регионально-политической системы, такие как островная Англия, ориентированные на море Нидерланды (Голландия), север-

ная Швеция, а с начала XVIII в. огромная восточноевропейская империя Россия, успешно препятствовали консолидации власти сильнейшим из континентально-европейских центров.

К европейской системе вплотную примыкала ближневосточная, состоящая из главного компонента — Османской империи. В начале XVI в. турки присоединили к своей империи всю Грецию, Албанию, большую часть Балкан, нанесли поражение Венгрии и в 1529 г. осадили Вену. В 1517 г. турки захватили подконтрольные до того Египту священные для мусульман города Мекку и Медину, турецкий султан провозгласил себя халифом правоверных мусульман. Незадолго до этого в исламском мире усугубился раскол на ортодоксальное большинство — суннитов — и шиитское меньшинство. Сторонники шиитской традиции, центром которой долгое время был Ирак, с 1502 г. установили власть над Ираном (Персией) благодаря успеху в борьбе за власть шаха Исмаила из тюркского рода Сефевидов. Соперничество Ирана и Турции, приобретя религиозно-политический характер, приводило обе державы время от времени в соприкосновение с европейской политикой. Однако Ближний и Средний Восток в XVI–XVIII вв. сохранял черты обособленной региональной системы.

Связанной с ней частью, восточным ответвлением оставалась в этот период суннитская в основном Индия, а также Афганистан и Средняя Азия. В 1526 г. выходец из среднеазиатской Ферганы Бабур основал в Дели власть новой династии, ставшей в середине — конце XVI в. при его внуке Акбаре мощной державой, получившей в историографии название империи Моголов или Великих Моголов.

Вполне самодостаточной политико-региональной системой МО была даль-

невосточная с центром в Китае. В первой половине XV в. правившая там империя Мин достигла вершины могущества. Китай организовал серию крупных морских экспедиций, но затем «отвернулся» от моря, оставшись центром обширного геополитического пространства, которое включало не только Центрально-Восточную Азию, но и Корею, Японию, часть Вьетнама и других стран Индокитая.

В социально-экономическом плане передовые страны Востока (Китай, Индия, Иран, Османская империя) находились накануне и в начале эпохи модерна на стадии развития, которая мало отличалась от той, что была достигнута на Западе, в странах Западной Европы.

Вместе с тем именно им суждено было начать в середине II тысячелетия н.э. уверенный подъем и осуществить эффективное объединение всего планетарного пространства, включая не только Евразию, но и Новый Свет, т.е. страны Западного полушария, а также Тропическую Африку, Австралию и Океанию.

Восхождение Запада не было, однако, одномоментным. Оно по времени заняло несколько столетий и протекало неравномерно. Столь же постепенным в несколько этапов было и подчинение Востока — Ближнего, Среднего и Дальнего, а также Африки.

Хотя торгово-экономический аспект являлся, безусловно, существенным в истории колониализма, он был не единственным — имели значение факторы престижно-символического, военно-силового и идейно-религиозного характера.

Начальный этап связан с активностью на морях, расположенных на Пи-

Это важно. Подходя к периодизации колониализма с такой точки зрения, можно выделить следующие пять этапов:

1. Создание заморских колоний и колониальных форпостов с начала XVI по середину XVII в.
2. Начальный этап формирования и эволюции основных (заморских и территориально интегрированных) империй с середины XVII до середины XVIII в.
3. Первый этап колониального освобождения, расширение рамок и границ колонизации (середина XVIII — середина XIX в).
4. Этап активных колониальных захватов с середины XIX по начало XX в.
5. Начало освобождения от колониальной зависимости после Первой мировой войны, возвратные тенденции межвоенного периода и завершение процесса деколонизации во второй половине XX в.

ренейском полуострове католических королевств — Испании и Португалии. В конце XV в. португальские корабли достигли оконечности Африки, вышли в Индийский океан и достигли западного побережья Индии. Им удалось создать в морской акватории между Восточной Африкой, Аравийским полуостровом и Индией (базы в портах Каликут, Гоа и др.) заморскую мини-империю, вступив в войну с Османской империей и арабами под флагом религиозной борьбы.

Португалия с 1580 по 1640 г. входила в состав Испании. Только после Вестфальского мира 1648 г. (по окончании Тридцатилетней войны) испанские короли из дома Габсбургов оставили претензии на доминирование в Европе и вне ее и тем самым признали равные права на колонии не только за Португалией, но и за своими бывшими владениями Нидерландами (Голландией), а также Англией и Францией. Последняя к тому времени превратилась в крупнейшую державу континентальной Европы.

Англия и Нидерланды начали колониальные завоевания не с финансируемых монархиями военно-торговых экспедиций и осуществляемых в государственных целях колониальных приобретений, а с образования частных торговых компаний (купеческих сообществ).

Фактории английской и голландской Ост-Индских компаний конкурировали друг с другом в Индии, причем с 1630-х гг. ослабленная внутренними междоусобицами и кровавыми революциями Англия уступала голландцам. Воспользовавшись войной между Португалией и Испанией, голландцы выбили в 1640 г. португальцев из Цейлона, лишили их контроля за Малаккским проливом, Молуккскими островами и обосновались на главных индонезийских островах Суматре и Яве, основав в качестве опорного пункта колонию в Батавии (нынешняя Джакарта).

Реакция стран Востока на появление европейцев у их берегов была неодинаковой. Исламский мир в лице Османской империи реагировал на вторжение в их воды португальцев весьма остро, и вся первая четверть XVI в. прошла в мусульмано-христианских стычках и столкновениях. Османская империя, вплоть до поражения от европейцев в 1571 г. в морском сражении при Лапенто, теснила венецианцев и генуэзцев в Эгейском и Ионическом морях, но затем отвела свои галеры в восточную акваторию Средиземноморья, отказавшись от модернизации флота.

В Индии португальцы, а затем голландцы и англичане застали в середине XVI в. подъем Могольской империи. У императора Акбара (1562–1605) и его ближайших преемников европейцы вызывали интерес как носители иной культуры и религии, но угрозу в них не видели. Им позволяли иметь опорные пункты, торговые фактории в ряде прибрежных городов.

Китай в XVI–XVII вв. осторожно отреагировал на появление европейцев. Открытость Китая для них была весьма ограниченной, хотя обосновавшаяся при дворе императора миссия иезуитов пользовалась одно время большим влиянием.

На Филиппинах, в отсутствие сильного государства, испанцам удалось обратить в католичество почти все население. Воспользовавшись ослаблением централизованной власти в Японии, европейс-

кие миссионеры (католики и протестанты) добились там в начале XVII в. немалых успехов. Укрепление государства при правителях (сёгунах) из рода Токугава привело к «закрытию» Японии для заморских иностранцев более чем на два столетия.

Из регионов Востока менее всего оказалась защищена от европейцев слабая с точки зрения развития урбанистической цивилизации Юго-Восточная Азия. Однако и там влияние европейцев не распространялось далее торговых факторий, портовых гаваней, ограничиваясь чаще всего участием в морской торговле. Исламская индоокеанская система на первом этапе оказалась мало поколебленной, а сухопутные империи Востока только укрепились за счет новинок в военном деле, которое они перенимали у европейцев.

На втором из выделенных нами этапов, с середины XVII до середины XVIII в., происходило активное формирование ряда европейских колониальных империй и упадок других. Этот этап может быть с определенным правом назван французским. Королевская Франция обрела сферы влияния в Африке, Индии и Северной Америке. После войны за австрийское наследство в 1740–1748 гг., в ходе которой Франция и Англия боролись за влияние на местных правителей в Индии, положение первой казалось предпочтительнее.

Достаточно сильными к середине XVII в. оставались заморские позиции Голландии. В руках двух первых колониальных империй через 250 лет после начала заморской экспансии оставались обширные владения в Центральной и Южной Америке. В Африке Португалия контролировала побережье на западе континента и сохраняла небольшие владения в Азии. Испания удерживала власть над Филиппинами.

Своеобразной европейской империей была Россия, раздвигавшая свои границы не по морю, а по суше. К середине XVII в. русские землепроходцы достигли берега Тихого океана и Забайкалья. Одновремен-

но Российское государство продвинулось на юг в сторону Кавказа.

Турецкую (Османскую) империю нужно считать другой территориально интегрированной империей того периода, причем империей традиционно восточного типа. Смежность с Европой обусловила подключение Турции к европейской политике, хотя в ней она оставалась чужеродным телом.

Третий этап колониальной экспансии с середины XVII по середину XVIII столетия можно характеризовать как преимущественно английский. Открылся он Семилетней войной 1756–1763 гг., в результате которой Франция уступила Англии свои позиции в колониях — в Северной и Центральной Америке и на юге Азии, в Индии. Война открыла путь для монополии британской Ост-Индской компании в деле установления колониальной власти в Индии. Уже к концу XVIII в. англичане подчинили своему влиянию и финансовому контролю весь север Индии, хотя номинально власть осталась за представителем Могольской династии.

Попытка Франции при императоре Наполеоне взять реванш за поражения середины XVIII в. окончились провалом. Воспользовавшись своим морским превосходством и ослаблением Голландии, попавшей под власть Наполеона, Великобритания установила контроль над рядом важнейших голландских колоний в Индийском океане. В 1795 г. она захватила Малакку, в 1796 г. — о. Цейлон. Затем она вступила в борьбу с Голландией за контроль над Индонезией (с центром на острове Ява). В 1811 г. англичане путем прямого вторжения утвердили полную власть над ней, но с 1814 г. под влиянием изменившейся международной обстановки в Европе постепенно возвратили ее Голландии. Англия окончательно ушла из Индонезии в 1824 г., оставив за собой контроль над Сингапуром, основанным в 1819 г., Малаккой и малайскими султанатами.

В 1820-х гг. британская Ост-Индская компания распространила власть и влия-

ние практически на всю Индию. В результате войны 1814–1816 гг. в сферу контроля британских властей, с тогдашним ее центром в Калькутте, попал Непал. Первая англо-бирманская война 1824–1826 гг. положила начало превращению Бирмы в английскую колонию. В 1840-х гг. Компания присоединила к своим владениям северо-запад индийского субконтинента — области Пенджаб и Синд. В зону ее влияния с того времени включается и Афганистан, хотя попытка завоевать его в 1838–1842 гг. оказалась неудачной.

Системный кризис еще в конце XVII в. стал явственно ощущаться в ближневосточной Османской империи. Турецкие территориальные владения в Европе и на Кавказе в течение следующего столетия, особенно быстро с его середины, сокращались под ударами России и Австрии. Сжатию империи способствовал подъем движения за национальное освобождение в Греции и на Балканах.

Россия в течение всей первой половины XIX в. укрепляла свои позиции на Кавказе, во всем Черноморском ареале, а также на Дальнем Востоке. На тихоокеанском направлении она поддерживала экспансию своих торговых компаний в направлении Аляски и вдоль западного побережья Северной Америки. В революционные для Европы 1848–1849 гг. российский император Николай I, выступая на стороне сил сложившегося международного порядка, оказал помощь австрийской монархии в подавлении восстания в Венгрии, а в 1853 г. нерасчетливо вступил в конфронтацию с Османской империей, которую поддерживали Франция и Англия. В ходе Крымской войны, которая велась не только в Крыму, но и на Балтийском море и Тихом океане, Россия потерпела поражение. Результаты этой осечки, закрепленные Парижским мирным договором 1856 г., заставили империю искать компенсации.

С середины 1860-х гг. Россия начинает кампанию по продвижению в Среднюю (Центральную) Азию, завоевывает и подчиняет Кокандское и Хивинское ханства,

Бухарский эмират. К середине 1880-х гг. с подчинением туркменских племен в основном определяется граница империи на средневосточном направлении. Дальневосточная граница России сформировалась еще раньше, после заключенных с Китайской империей Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров. Расширившись за счет Приамурья и Уссурийского края, Санкт-Петербург в 1867 г. отказался от притязаний на американские (заморские) территории, продав Аляску США.

С середины XIX в. можно вести отсчет нового четвертого этапа колониальной экспансии. Ему способствовал начавшийся тогда экономический подъем в Европе и завершение борьбы за формирование там национальных государств-империй (Италия в 1861 г., Австро-Венгрия в 1867 г. и Германия в 1871 г.). Объединение итальянцев и немцев под одной государственно-династической «крышей», создание австро-венгерской дуалистической монархии ознаменовали окончательный отказ от традиций средневековой системы. В Европе торжествует принцип вторичных великих империй, которые создаются с целью господства на континенте и за его пределами.

Особенно активно к колониальным приобретениям авантюра подключается Франция при Наполеоне III (1851–1871 гг.). Она создает крупный военно-морской флот, основу которого составляют уже корабли на паровом ходу. Благодаря этому Франция усилила свое присутствие не только в Африке (Алжире, Тунисе и т.д.), но и на Дальнем Востоке. Участвуя вместе с Великобританией во второй опиумной войне (1856–1860), она добилась торговых привилегий от правительства Китайской (Цинской) империи и захватила южную часть Вьетнама (Кохинхину) с центром в г. Сайгон.

Действуя в ряде случаев заодно с Францией и одновременно конкурируя с ней, к расширению и упрочению своих колониальных позиций в тот же период приступил и тогдашний лидер в морских и

колониальных делах — Великобритания. Усилив наступление на местные порядки в Индии, англичане в 1857–1859 гг. столкнулись с восстанием широких слоев — от знати, по преимуществу мусульманской, до крестьян и простых горожан. Оценив серьезность вызова и подавив ожесточенное сопротивление, Лондон ликвидировал Ост-Индскую торговую компанию (зadolго до этого такая судьба постигла аналогичные голландскую и французскую компании) и установил прямое управление Индией от лица короны.

В последней трети XIX в. погоня за колониями со стороны ведущих европейских государств приобретает невиданный размах. Главным объектом колониального дележа стала Африка. В 1869 г. на территории Египта, где Франция пользовалась преобладающим влиянием, был построен Суэцкий канал. Оценив коммерческое и геополитическое значение канала и воспользовавшись ослаблением Франции в результате поражения в войне с Германией 1870–1871 гг., Англия приобрела в Египте решающие экономические, а затем и политические позиции, а в 1882 г., подавив восстание египтян, фактически превратила его в подконтрольную область, не изменяя вместе с тем ее статуса наместничества Османской империи.

С середины 70-х годов уже республиканская Франция, оправившись от последствий поражения от Германии, возобновила участие в гонке за колониями. В 1881 г. она аннексировала Тунис, формально остававшийся до того османской провинцией. Затем, опираясь на старинный опорный пункт в Сенегале, на западе Африки, французы развернули действия по подчинению слабых западноафриканских, в основном мусульманских, государств, расположенных вдоль побережья Гвинейского залива, в бассейнах впадающих в него рек (Вольта, Нигер, Конго и др.) и оазисов к югу от пустыни Сахара. Деля контроль за побережьем с англичанами и португальцами (их владения рас-

полагались чересполосно), Париж сумел создать огромную зону своего колониального господства — французскую Западную и Экваториальную Африку.

Устремившись с запада на восток, французы в самом конце 1890-х гг. достигли Судана, где встретили англичан, устанавливающих там, в формальном с союзе с Египтом, свои порядки. Конфликт удалось разрешить мирно, в духе конкурентного сотрудничества, которое установилось между колониальными государствами в конце XIX в.

Сложившийся концерт колониальных государств санкционировал раздел Африки, предоставив каждому из его участников определенную долю в общем пироге. Не проявлявшая до 1890 г. интереса к колониальным захватам Германия в дальнейшем перешла от «реальной политики» канцлера Бисмарка к «мировой» и закрепила контроль над Юго-Западной Африкой (нынешней Намибией) и Танганьикой на юго-восточном берегу.

Наиболее сильно раздвинули свои колониальные владения в Африке англичане. Еще в начале XIX в. они отобрали у Голландии контроль над Капской колонией. В 1830-х гг. Великобритания ввела запрет на рабовладение, в результате чего английские власти в Кейптауне (столице Капской колонии) вступили в конфликт с местным белым населением, состоявшим в основном из потомков голландцев, так называемых буров, привыкших к использованию рабского труда. Буры ушли с побережья вглубь материка и основали там независимые республики. Открытие на юге Африки в 1870-х гг. богатейших алмазных копей привело к новому обострению в отношениях между англичанами и бурами. Последние в 1899–1902 гг. вели вооруженную борьбу с англичанами, но были вынуждены уступить, их республики вошли в состав британской Южной Африки, где в 1910 г. образовался на правах доминиона Южно-Африканский Союз.

В конце XIX в. в еще одну сферу конкурентного сотрудничества колониаль-

ных держав превратился Дальний Восток. Главным объектом их устремлений был слабеющий цинский Китай. Франция в 1884 г. вторглась в Северный Вьетнам (Аннам), который защищала китайская армия, и, разгромив китайцев, заставила их отказаться от верховной власти над Вьетнамом. Присоединение к нему соседних Камбоджи и Лаоса позволило создать крупнейшую французскую колонию в Юго-Восточной Азии — Французский Индокитай. Англичане в ответ в 1885 г. присоединили к своим индийским владениям Верхнюю Бирму. В буфер между Британской Индией и Французским Индокитаем превратилось сохранившее самостоятельность тайское королевство Сиам.

Ослабление Китая привело к попыткам разделить его на сферы влияния. Причем в этом процессе помимо европейских государств приняли участие США (объявившие себя, впрочем, в самом конце XIX в. сторонниками политики «открытых дверей») и Япония. Осуществив после 1868 г. (так называемой реставрации Мэйдзи) существенные реформы в области модернизации экономики и вооруженных сил, Япония уже в начале 1870-х гг. приступила к захвату китайских островных территорий, а в 1894–1895 гг. одержала верх над Китаем в войне, поводом для которой послужило антикитайское восстание в Корее. После ее окончания и пересмотра по настоянию европейских государств крайне невыгодного для китайского правительства мирного Симоносекского договора началась раздача Пекином концессий, т.е. прав на экономическое освоение, и сдача в аренду прибрежных китайских территорий. Права получили Англия, Франция, Россия и Германия. Япония установила фактический контроль над Кореей, власть над островом Тайвань и Пескадорскими островами.

Конкурируя между собой, колониальные державы действовали сообща, подавляя направленное против засилья иностранцев восстание ихэтуаней (боксерское)

в 1900 г. На территории ослабленного после неудачного восстания Китая велась Русско-японская война 1904–1905 гг., в которой японцев поддержала Англия. Заключенный при посредничестве США Портсмутский мир давал преимуществу Японии в освоении китайских территорий (Ляодунского полуострова) и способствовал превращению Кореи в 1910 г. в японскую колонию.

Таким образом, Япония к началу XX в. превратилась в единственную в Азии колониальную империю нового типа. Историко-культурная близость не снимала остроты противоречий между ней и ее соседями в условиях охватившей мир борьбы за экономические и стратегические преимущества. Военная мощь Японии, хотя и недооценивалась поначалу (в частности, Россией), заставила считаться с ней. Особенно большие опасения вызывало господство Японии в Азиатско-Тихоокеанском бассейне. Но внимание от него отвлекли события в Европе, где назревала Первая мировая война.

Это важно. *Конец XIX — начало XX в. может считаться подлинным пиком западного, прежде всего западноевропейского, господства в мире — политическом, экономическом и культурном. Между 1900 и 1920 гг. государства — империи Запада (не считая России и Японии) обладали непосредственным контролем над максимально большим территориальным и демографическим мировым пространством.*

К 1920 г., после территориально-политических перетасовок, вызванных Первой мировой войной, под контролем Запада оказалась еще большая, близкая к половине доля территории и населения. Удельный вес России (Советской) в населении увеличился почти до 14%, а площадь — до 20%. Население под контролем японского государства выросло после мировой войны до 4% мирового, в то время как подвластная ему площадь осталась незначительной (меньше полупроцента).

была Великобритания. Особое значение для нее имела власть над Индией, самой населенной из ее колоний (более 300 млн человек). На втором месте по размерам контролируемого за пределами метрополии народонаселения стояла Франция. К 1920 г., после доставшейся дорогой ценой победы в войне, французская империя расширилась за счет Леванта, а также Западной Африки, но в целом, как и в случае с английской колониальной империей, прирост контролируемых площадей и населения был относительно небольшим.

В соответствии с мандатной системой Лиги Наций (межправительственной организации, созданной во многом для решения колониально-национального вопроса) арабские земли бывшей Османской империи попали в основном в высшую группу подмандатных территорий (наиболее развитых). С 1922 г. формально независимым (при сохранении военных баз Англии и ее контроля над Суэцким каналом) стал Египет, который с 1914 г. находился под протекторатом Англии.

Еще в 1918–1919 гг. была признана независимость эмирата Йемен, но без южной части, с контролируемым Великобританией стратегически важным портом Аден. В 1936 г. между Англией и Египтом был подписан новый договор о союзе, более благоприятный для египетской стороны. Египет по предложению Лондона был принят в Лигу Наций и признан многими государствами.

В 1926 г. на Аравийском полуострове в итоге междоусобной войны произошло объединение областей Неджда и Хиджаза под властью Абдель Азиза ибн Сауда, а в 1932 г. создано королевство Саудовская Аравия. Побе-

2. Рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониальной эпохи

Наиболее крупной по населению и площади имперской державой в начале XX в.

да ибн Сауда стала возможной во многом благодаря поддержке США и наперекор намерениям Англии, которая хотела видеть во главе объединенной Аравии правителя Мекки Хусейна. В том же году независимость обрел Ирак, главой которого как полунезависимого королевства с 1922 г. был сын Хусейна Фейсал.

Отделенная от Палестины Трансиордания с 1922 г. превратилась по договору с Англией в подмандатное королевство во главе с братом Фейсала Абдаллахом. На другой стороне реки Иордан, в Палестине, ситуация усложнилась после начавшейся туда миграции евреев. В 1931 г. евреи составляли 17% палестинского населения, но с 1933 г. после прихода национал-социалистов к власти в Германии приток евреев возрос. В 1939 г. их доля в палестинском населении превысила одну треть (около 10% составляли арабы-христиане). Британская политика в Палестине строилась на попытке учета интересов арабов и евреев, что оказалось делом исключительно трудным.

Наряду с процессами постепенной и противоречивой деколонизации (главным образом в британской зоне) ближе к концу межвоенного периода на Ближнем и Среднем Востоке проявились и обратные тенденции к расширению ареала прямой власти европейских держав. Италия (где с 1922 г. установился фашистский режим Б. Муссолини) приступила к расширению своих колониальных владений в Африке. Укрепившись, помимо Ливии, захваченной ею у Турции еще в 1911–1912 гг., в Эритрее и южной части Сомали, итальянцы развязали в 1935–1936 гг. прямую агрессию против христианской Абиссинии (Эфиопии) и в конце концов присоединили владения эфиопского негуса (императора) к своей колониальной империи.

Во многом аналогичные процессы возвратно-колониалистского типа происходили в период между мировыми войнами на Дальнем Востоке. Окончательные итоги Первой мировой войны в этом регионе были подведены на Вашингтон-

ской конференции по морскому праву и другим вопросам в конце 1921 — начале 1922 г. Одна из целей конференции состояла в том, чтобы умерить аппетиты Японии. По решениям конференции Китай (правительство Северного Китая в Пекине) восстанавливал суверенитет над полуостровом Шаньдун. Несмотря на определенные уступки, Япония закрепила за собой стратегическое предпочтение перед США и Англией в Тихом океане, согласившись в то же время на пониженный по сравнению с ними потолок общих военно-морских вооружений.

Стабилизация положения в АТР, нормализация советско-японских и советско-китайских отношений сменились обострением обстановки в 1925–1927 гг. в Китае, связанным с ожесточенной борьбой между Компартией и Гоминьданом (Националистической партией). Победа националистов способствовала консолидации Китая, но и тогда северные и северо-западные регионы (Маньчжурия и Синьцзян) сохраняли самостоятельность, поддерживая особые отношения с Москвой, которая в то время не имела связей с Нанкином, столицей гоминьдановского Китая.

Отдельным от Китая государственным образованием с 1921 г. стала Внешняя Монголия. Провозглашенная там Монгольская Народная Республика приступила к «некапиталистическому развитию», ориентируясь на прямую, в том числе военную, поддержку Москвы. Признания Китая и мирового сообщества МНР добились только в 1945 г.

На рубеже 1920–1930-х гг. капиталистический мир вступил в период затяжной и глубокой депрессии. Кризис не обошел стороной и Японию, где на этом фоне усилились милитаристские настроения. В конце 1931 г. после прихода к власти в Токио Кабинета, близкого по взглядам к фашистским, милитаристским кругам, Япония силами Квантунской армии (расположенной на полуострове Ляодун, по-японски Квантун) оккупировала

Маньчжурию. Там было провозглашено создание независимого от Китая Маньчжурского государства.

Агрессивные действия Японии заставили СССР и гоминьдановский Китай в середине 1930-х гг. пойти на нормализацию отношений. Поддерживаемая Москвой, компартия Китая взяла курс на временное сотрудничество с нанкинским правительством. Укрепление единства Китая и его сближение с СССР вызвало беспокойство Японии. Ее агрессивные круги искали пути и направления экспансии. Летом 1937 г. японские войска развернули наступление в глубь Центрального Китая. Китайская армия оказала агрессору ожесточенное сопротивление, но японская военная машина была явно сильнее. Новоявленные колонизаторы широко использовали тактику массового террора, устроив резню мирного населения в Нанкине, во время которой погибло, по оценкам, не менее 300 тыс. человек.

После проверки боем силы советских войск в 1938 и 1939 гг. (в упорных и неудачных для японцев боях на острове Хасан и на реке Халхин-Гол), военные круги Японии сделали выбор в пользу южного и юго-восточного направления экспансии. Токио широко рекламировал планы создания под своей эгидой «восточноазиатской зоны совместного процветания».

В 1933 г. к власти в Германии пришло правительство нацистской (национал-социалистической) партии во главе с А. Гитлером. В 1933–1936 гг. Германия предприняла шаги по изменению условий Версальского мирного договора, мешавших ей вооружаться. Насильственно присоединив Австрию в 1938 г. и создав «Большую Германию», Гитлер добился на конференции в Мюнхене англо-французского согласия на подчинение ему также и Чехословакии. Лишь в марте следующего 1939 г., после полной ее оккупации и перехода на сторону Гитлера Венгрии, в столицах «мюнхенских умиротворителей» осознали, что тактика уступок не дает ре-

зультатов. Весной того же года начались переговоры о сближении между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой. Они закончились безрезультатно, и, стремясь не остаться без союзников, Москва заключила в конце августа договор с Германией (московский пакт Молотова — Риббентропа).

Не опасаясь поддержки, которую обещали Польше западные союзники, Германия вторглась 1 сентября на ее территорию и в стиле блицкрига (молниеносной атаки) оккупировала западную и центральную ее части. СССР в середине сентября ввел войска и присоединил к себе восточные области Польской Республики. Зимой 1939–1940 гг. он вел войну против Финляндии, одержав в ней верх ценой тяжелых потерь, а летом 1940 г. присоединил прибалтийские государства, входившие до 1917 г. в состав Российской империи.

Нападение Германии на Польшу считается актом начала Второй мировой войны. Англия и Франция, объявив Германии войну в знак протеста против вторжения, действительно помочь Варшаве не смогли. «Странная война» в Европе длилась до апреля — мая 1940 г., когда фашистская Германия, начав с оккупации Дании и Норвегии, заставила капитулировать Бельгию, Люксембург и Нидерланды. Вторгшись во Францию, немцы уже в июне вынудили ее подписать акт о капитуляции. На юге Франции было создано марионеточное государство с центром в Виши, а в Лондоне стало функционировать правительство Свободной (позже — Сражающей) Франции.

Неожиданно быстрый разгром европейских союзников оставил Великобританию один на один с фашистской Германией. В мае 1940 г. ее военное правительство возглавил У. Черчилль, давний противник политики умиротворения. Битва за Англию, которую Берлин вел, нанося мощные воздушные удары по Лондону и другим крупным английским городам, а также атакуя с подводных лодок

морские коммуникации, жизненно важные для островного государства, продолжалась до декабря 1940 г. (менее интенсивно — вплоть до мая 1941 г.), не принесла ему успеха. Осенью 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали Тройственный пакт, позволивший им продолжать планирование и осуществление агрессивных действий.

Наиболее кровопролитные бои Второй мировой войны развернулись на германо-советском фронте после нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. Провал немецких планов в стиле блицкрига овладеть европейской частью СССР, а затем неудача их стратегии прорыва на Волгу и Кавказ предопределил победный для Москвы исход войны с Германией, которая продолжалась до мая 1945 г. Ввиду своей тотальности, масштабам жертв и накалу борьбы война получила в нашей историографии название Великой Отечественной.

Из стран Востока дальновидную политику проводила Турция. Наученная горьким опытом Первой мировой войны, она постаралась остаться в стороне от разгоравшегося в Европе пожара. Дружественные отношения с Москвой, сложившиеся в начале 1920-х гг., в дальнейшем заметно ухудшились. С началом успешно для Германии начатой войны в Европе Анкара стала придавать особое значение связям с Германией, но даже в период продвижения фашистов на советском фронте в 1941–1943 гг. она отказалась вступить в войну на их стороне.

Другая страна Среднего Востока, Иран, накануне Второй мировой войны демонстрировала явную прогерманскую ориентацию. Там с 1925 г. утвердился новая шахская династия Пехлеви. Иран при новом правителе, Реза Шахе, не только восстановил урезанный в предшествующий период суверенитет, но изготовился, опираясь на тесные связи с фашистской Германией, укрепить позиции в регионе. Однако в результате образования советско-английского антигитлеровского сою-

за эта политика привела в августе — сентябре 1941 г. к банкротству режима, отказу монарха от престола в пользу сына, совместной временной оккупации Ирана силами Великобритании на юге и СССР на севере.

Прогерманские настроения испытала и элита соседнего с Ираном Афганистана, восстановившего полный суверенитет после третьей англо-афганской войны 1919 г. Она не пошла в прогерманских симпатиях так далеко, как иранская, и, удержавшись на нейтральных позициях, приняла после июня 1941 г. сторону антигитлеровской коалиции.

В Индии накануне Второй мировой войны также нашлись влиятельные политические силы, стремившиеся опереться на «третью силу» в лице участников антибританской коалиции. Наиболее радикальную позицию занял один из молодых лидеров Конгресса С.Ч. Бос. В начале 1941 г. он при помощи германской разведки через Афганистан и СССР добрался до Берлина. В 1943 г. Бос был переправлен немцами в Японию и встал во главе образованного японцами в Сингапуре правительства «свободной Индии».

Двойственность позиции, занятой странами Востока в годы Второй мировой войны, объяснялась тем, что, с одной стороны, они оказались заложниками в борьбе, непосредственно не затрагивающей их интересы, а с другой — тем, что они пытались использовать ее для ускорения процесса получения ими независимости.

Дуализм особенно сказывался на Дальнем Востоке, где Япония опиралась на широкое недовольство колониальными порядками. Неслучайно единственное сохранившее независимый статус государственное образование Юго-Восточной Азии — королевство Таиланд (ранее — Сиам) выступило на ее стороне, заключив еще в 1939 г. договор о дружбе с Японией.

Безболезненно прошло установление контроля Японии над французским Индокитаем. Местные французские власти, подчинявшиеся правительству Виши,

с готовностью пошли на сотрудничество с японцами. В августе 1940 г. французское правительство и Япония подписали соглашение о создании японских военных баз, а в июле 1941 г. Токио и Виши подписали договор о совместной обороне Индокитая.

Нападение на американский флот на базе в Пёрл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г. и начало воздушных и морских боев с силами США принесли японцам явные успехи. В феврале 1942 г. они оккупировали британскую Малайю, оттеснив английские (в основном англо-индийские части) в южную его часть (султанат Джохар) и на острове Сингапур. Осадив почти 90-тысячную британскую армию в крепости Сингапур, японские силы 15 февраля приняли ее капитуляцию. Затем, встретив лишь незначительное сопротивление английских, голландских и американских гарнизонов, они установили контроль над почти всей голландской Индонезией (острова Ява, Суматра, Калимантан и др.) и американскими Филиппинами. В марте японские войска в ходе наступательных операций против английских дивизий овладели столицей Бирмы Рангуном.

К лету 1942 г. Япония захватила все главные колонии и базы Великобритании, США и Голландии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Под впечатлением от этих внушительных успехов высшее японское командование решило установить контроль над центральной частью Тихого океана с целью перерезать морские пути сообщения между США и Австралией. Стратегический разворот японцев оказался, однако, неудачным. В июне 1942 г. они потерпели первое чувствительное поражение от американцев в битве у острова Мидвей. Зимой 1943 г. японский флот постигла новая крупная неудача у острова Гуадалканал вблизи Австралии.

Несмотря на это, наступательный порыв Японии не был остановлен. Вновь обратившись к Азии, она попыталась компенсировать свои слабости опорой на азиатский национализм. В 1942–1943 гг.

на занятых ею территориях Малайи, Китая, Индокитая и Индонезии японские власти провели экспроприацию иностранной собственности под лозунгом борьбы с влиянием неазиатских держав.

Японское доминирование воспринималось в различных странах Азии по-разному. В Китае, на Филиппинах и в Малайе к нему в целом относились враждебно. Но в Бирме, голландской Индонезии и Французском Индокитае приход японцев первоначально воспринимался с энтузиазмом. Только впоследствии жесткость японского оккупационного режима привела к разочарованию местных национальных сил.

Особенно заметны симпатии к японцам на первых порах были в Бирме, которой японцы в 1943 г. предоставили фиктивную независимость. Укрепившись в ней, японские силы вышли к границам с британской Индией. В начале 1944 г. они начали (совместно с частями правительства «Свободной Индии») наступление на индийскую провинцию Ассам, но были отброшены назад.

Исход Второй мировой войны к тому времени был предрешен победами советских войск под Сталинградом (зима 1942–1943 гг.) и на Курской дуге (лето 1943 г.). Определенное влияние на ход войны оказали также неудачи германских и итальянских войск в Северной Африке. Плацдарм для ведения германским вермахтом наступательных операций в этом регионе создали их союзники-итальянцы. Вступив в мировую войну на стороне Германии в июле 1940 г., фашистская Италия предоставила в ее распоряжение свои базы в Ливии. Там, а также в соседнем Тунисе была развернута мощная группировка немецких войск. Умелые тактические действия против англичан, защищавших Египет, привели летом 1942 г. к серии германских побед. Однако осенью немецкие войска были разбиты английскими на подходах к Каиру. В ноябре на побережье Северной Африки (в Марокко) высадился крупный десант вооруженных сил США. Немецкие и итальянские части оказались

в кольцо, и началось их медленное отступление на исходные позиции с последующей капитуляцией в мае 1943 г. на острове Бон в Тунисе.

Симпатии политических сил и общественного мнения стран Северной Африки в годы войны не принадлежали безраздельно союзникам по антигитлеровской борьбе. Однако правящие круги (речь идет, прежде всего, о Египте) сохраняли лояльность союзникам, хотя и вынуждены были терпеть нарушения государственного суверенитета. На последнем этапе войны, когда стали определяться контуры послевоенного мира, обозначились новые линии противоречий. Одним из главных в повестке дня стало решение колониального вопроса, в котором были кровно заинтересованы массы населения и политическая элита азиатско-африканского мира.

Со времени после окончания Второй мировой войны (а она формально завершилась 2 сентября 1945 г. подписанием на борту американского авианосца «Милуоки» акта о капитуляции Японии) начался этап современной политической истории, который характеризуется неуклонным освобождением от колониальной зависимости и других ее форм, ранее почти всецело подчиненных внешним силам стран и народов Востока.

Во второй статье вы познакомились с основными этапами эволюции мировой колониальной системы. Если в колони-

Это важно. В ходе Второй мировой войны на базе коалиции Великобритании, СССР и США начал формироваться новый международный порядок, получивший впоследствии название Ялтинско-Потсдамской системы МО.

Первый кирпич в новое здание заложил подписанный еще 12 июля 1941 г. СССР и Великобританией договор о совместных действиях в войне против Германии. За ним последовали подписание США и Англией так называемой Атлантической хартии, присоединение к ней Москвы (август — сентябрь), проведение Лондонской и Московской (сентябрь — октябрь) конференций трех держав. Военно-экономическая помощь союзников помогла СССР сдерживать натиск гитлеровских войск на первом этапе войны, хотя Москву не устраивало промедление с открытием на западе Европы «второго фронта».

Между тем на южном фланге развернувшихся военных действий СССР и Англия действовали согласованно. В ноябре — декабре 1943 г. в Тегеране состоялась первая из конференций лидеров трех государств (СССР, США, Англия), определивших контуры нового международного порядка. Вторая из них в феврале 1945 г. прошла в Ялте, а третья, уже после капитуляции Германии, в Потсдаме в июле — августе.

Одновременно со встречами в верхах лидеров стран победителей шел процесс создания новой системы мировых отношений, предусматривающей участие не только ведущих, но и всех других субъектов международного права. Декларация о намерениях образовать после войны организацию победивших государств была подписана СССР, США, Англией и Китаем еще в январе 1942 г. В апреле — июне 1945 г. в американском городе Сан-Франциско состоялась Учредительная конференция по созданию Организации Объединенных Наций, был принят Устав ООН.

альную эпоху страны и народы традиционного Востока приняли в нем участие в основном как объекты колониальной экспансии европейских держав, то на завершающих ее этапах они стали проявлять себя и как главные субъекты межгосударственных отношений (Япония), и как активные участники мировой политики — Китай, Турция, Иран. К концу колониализма многие страны стали позиционировать себя и как полноправные элементы новой системы международных отношений. К числу последних следует отнести возникающие национальные единицы, находящиеся на стадии утверждения полноправного статуса (Египет,

Ирак и др.) или освободительной борьбы (Индия, Индонезия). Вместе с тем роль Востока в мировой политике в целом была еще недостаточно выявленной в связи с общей слабостью развития их технико-экономического и военно-политического потенциалов. Исключением в этом отношении была лишь одна Япония, потерпевшая крах в итоге Второй мировой войны.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие можно выделить политико-региональные системы международных отношений на Востоке в колониальную эпоху?
2. Назовите основные этапы эпохи колониализма и особенности каждого из них.
3. Какое государство Азии стало к началу XX в. единственной колониальной державой нового типа?
4. Назовите крупнейшие колониальные державы в начале XX в. и обозначьте основные ареалы их колониального господства.
5. С чем связана относительно не выраженной роль стран Востока в мировой политике на завершающих этапах колониальной эпохи?

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Л.Б. История традиционного Востока с древнейших времен до начала XX века. М. : МГИМО, 2004.

2. Алаев Л.Б. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М. : Росмэн, 2007.

3. Васильев Л.Б. Всеобщая история. Восток и Запад в Средние века. Т. 2. М. : Высшая школа, 2007.

4. Васильев Л.Б. История Востока. Т. 2. М. : Высшая школа, 2005.

5. Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2004.

6. Васильев Л.Б. История Востока. Т. 2. М. : Высшая школа, 2005.

7. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2004.

8. История Востока. Восток в Новейшее время (1914–1945 гг.) / отв. ред. Р.Г. Ланда. М. : Восточная литература, 2006.

9. Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2004.

10. Сидоров А.Ю., Клеймёнова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939. М. : МГИМО-Центрполиграф, 2006.

11. Системная история международных отношений : в 4 т. События и документы. Т. I / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Научно-образовательный форум по международным делам, 2000.

12. Ferguson N. Empire. The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N.Y., Basic Books, 2002.

13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., Vintage Books, 1989.

ВОСТОК ПЕРИОДА ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

В этой статье вы прочитаете о том,

- каким образом шли процессы образования независимых государств после Второй мировой войны;

- какие события предшествовали послевоенному расколу ряда колоний, получивших независимость (Кореи, Индии, Китая);

- с чем связан рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны;

- какие тенденции протекают в политической сфере в государствах Большого Востока;

- в чем особенность процессов регионализации на Востоке и какие конкретные контуры приобретают эти процессы в настоящее время.

1. Роль стран Востока в международных отношениях периода холодной войны

Вторая мировая война сыграла роль мощного стимулятора процессов освобождения стран Азии и Африки (в особенности регионов Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока) от колониальной и полуколониальной зависимости.

Положение в ЮВА осложнялось из-за того, что Франция и Голландия пытались вернуть себе позиции прежних хозяев в Индокитае и Индонезии. Париж создал Французский Индокитайский Союз, куда вошли Вьетнам, Лаос и Камбоджа с восстановленными монархическими режимами, и оттеснил противостоящие ему силы промосковского Вьет-Миня на крайний север страны.

В декабре 1948 г. голландские войска захватили столицу провозгласившей независимость еще в сентябре 1945 г. Индонезии Джокьярту и арестовали ее правительство. Их действия вызвали волну протестов в мире и сопротивление наци-

ональных политических сил. Не получив поддержку западных союзников, Голландия отступила, смирившись с образованием в августе 1950 г. Республики Индонезия.

Вернувшиеся в Бирму в 1944 г. британские власти стремились укрепить там позиции антикоммунистических сил. В январе 1948 г. власть в Бирме была передана национальному правительству, которое вплоть до 1950 г. вело борьбу с партизанскими отрядами коммунистов и национальных меньшинств.

Еще до Бирмы английские колониальные власти ушли из Индии. Раскол в национально-освободительном движении привел к тому, что в августе 1947 г. на индийском субконтиненте возникло два независимых доминиона — Индия (Индийский Союз) и Пакистан. По количеству жителей независимая Индия была почти в пять раз больше. Пакистан состоял из двух территорий, на северо-западе и востоке субконтинента.

Процесс консолидации двух государств, суть которого состояла, помимо определения границ, в подключении к ним полусамостоятельных индийских княжеств, занял около двух лет. Спор вокруг судьбы самого северного из наследственных владений, княжества Джамму и Кашмир, привел к вооруженному конфликту между Индией и Пакистаном. Стабилизировать ситуацию на субконтиненте удалось лишь к 1950 г. В начале 1948 г. независимой стала еще одна колония Великобритании в южной части Азии — остров Цейлон, который в качестве доминиона, как Индия и Пакистан, вошел в состав Содружества.

В первый послевоенный период позиции англичан в регионе БСВ были преобладающими. Англия сохраняла контроль над Суэцким каналом, а также военные

базы в королевствах Египет, Ирак и Трансиордания (с 1949 г. Иордания). Франция к 1945 г. утратила контроль над подмандатными территориями, Сирией и Ливаном. Для США основными были два вопроса — судьба Палестины, где они поддерживали стремление сионистов к образованию еврейского государства, и укрепление позиций своих нефтяных компаний в Саудовской Аравии. Стремясь избежать тяготившей его ответственности, Лондон в 1947 г. обратился за помощью в ООН, а в мае 1948 г. объявил о своем отказе от мандата на Палестину. Вслед за этим была провозглашена независимость Израиля, которую признали США и СССР. Ряд арабских государств вступили в войну с Израилем, но были побеждены к концу года, а в первой половине 1949 г. заключили с ним соглашения о прекращении военных действий. Часть населенных арабами палестинских областей перешла под контроль Иордании, Египта и Сирии.

После войны на первый план вышло противостояние между двумя новыми сверхдержавами — США и СССР. Основной ареной их столкновения на Востоке стал Азиатско-Тихоокеанский регион. Используя поддержку временно занимавших северо-восточные районы Китая советских войск и администрации и действуя с 1946 г. в условиях углубляющегося раскола между СССР и США, коммунисты во главе с Мао Цзэдуном развернули боевые действия против Гоминьдана и смогли установить полный контроль над материковой частью Китая. Первого октября 1949 г. в Пекине было провозглашено создание Китайской Народной Республики (КНР). Националисты смогли удержать власть на острове Тайвань (Формоза), где обосновалось правительство «Китайской республики».

Еще раньше участь расколотой страны выпала на долю Кореи. В 1948 г. на юге полуострова образовалась Республика Корея (Южная Корея), а на севере — Корея Народно-Демократическая Рес-

публика (Северная Корея). По взаимному решению советские и американские войска были выведены соответственно из северных и южных районов к середине 1949 г.

Однако через год после этого, в конце июня 1950 г., войска Северной Кореи перешли демаркационную линию и через три дня заняли столицу Южной Кореи г. Сеул. США использовали ООН для создания многонациональных сил под флагом этой организации с целью защиты своего союзника. Американско-ооновские войска к осени не только восстановили равновесие, но и продвинулись на север, заняв столицу КНДР г. Пхеньян. Тогда в конфликт включилась КНР, огромная армия которой, действуя как отряды «китайских добровольцев», пересекла границу и оттеснила противника на крайний юг полуострова. В начале 1951 г. силы ООН под американским командованием перешли в наступление и оттеснили северокорейские и китайские войска к довоенной демаркационной линии. С июля 1951 г. начались переговоры о перемирии, хотя война не прекращалась еще два года. Корейская война 1950—1953 гг., «протянувшись утюгом» по полуострову, оказалась самой тяжелой по гуманитарным последствиям среди всех войн второй половины XX в.

Приход коммунистов к власти в Китае заметно отразился на ситуации в Индокитае, прежде всего во Вьетнаме. Войска Вьет-Миня перешли в наступление и заняли весь Северный Вьетнам и часть Южного. Весной 1954 г. они окружили французов в районе крепости Дьенбьенфу и после ожесточенных боев заставили их капитулировать.

Важной вехой послевоенного урегулирования ситуации на Востоке стало проходившее в Женеве в мае — июле 1954 г. совещание представителей (главным образом в ранге министров иностранных дел) СССР, КНР, Англии, Франции и стран бывшего французского Индокитае — Демократической Республики Вьетнам (Северного), государства

Вьетнам (Южного), Лаоса и Камбоджи. Совещание подвело черту под военными действиями в регионе. Франция признала полный суверенитет Лаоса, Камбоджи и Вьетнама. На совещании рассматривался также вопрос о Корее, но никаких решений по нему не приняли.

После мирной конференции в Сан-Франциско в сентябре 1951 г. американские войска покинули Японию, которая вернула себе статус суверенного государства. США заключили с Японией договор о безопасности и в соответствии с ним создали на японских островах сеть военных баз.

Наступившей в середине 50-х годов паузой в противостоянии Запада и коммунистического Востока воспользовались страны Азии и Африки для осуществления собственных внешнеполитических проектов. По инициативе пяти государств Южной и Юго-Восточной Азии (Индии, Индонезии, Пакистана, Бирмы и Цейлона), собравшихся в конце 1954 г. в индонезийском г. Богора, в апреле 1955 г. в другом городе того же государства — Бандунге — состоялась крупная конференция азиатско-африканских стран. На ней присутствовали 29 делегаций, в том числе Японии, Северного и Южного Вьетнама. Главную роль на конференции играли Индия, Индонезия и КНР. Китайская делегация во главе с премьером госсовета Чжоу Энлаем стала подлинным героем Бандунга. Чжоу потеснил в глазах мировой общественности индийского премьера Дж. Неру и президента Индонезии А. Сукарно. Конференция заявила о приверженности десяти принципам мирного существования и международных отношений. Они включали, помимо отказа от вмешательства во внутренние дела других стран, уважение права каждого государства на индивидуальную и коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН.

Этим самым размывался принцип неприкосновенности к блокам и военно-политическим союзам, хотя и декларировалось несогласие с использованием соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав.

Это важно. Бандунгская конференция может считаться предтечей, но не началом Движения неприсоединения. Прокладывая дорогу к ДН, она акцентировала внимание на единстве целей стран Азии и Африки, их нежелании участвовать в игре, которую могли навязать им глобальные соперники с Запада во главе с США и «северного Востока» (СССР и Восточной Европы).

Основоположниками Движения неприсоединения были лидеры Индии (Дж. Неру), Египта (Г.А. Насер) и Югославии (Й.Б. Тито). Летом 1955 г. в резиденции последнего на острове Бриони в Адриатическом море состоялась первая их встреча. За ней последовали и другие. В результате в сентябре 1961 г. в столице Федеративной Социалистической Республики Югославии г. Белграде прошла первая конференция неприсоединившихся государств, в которой участвовали делегации 25 стран, главным образом Азии и Африки.

С середины 1950-х гг. начался новый — африканский — этап освобождения от колониальной зависимости народов Большого Востока. В конце 1954 г. Франция восстановила монархию в протекторате Марокко и предоставила внутреннюю автономию Тунису. Через два года Марокко и Тунис добились полной независимости. В начале 1956 г. независимость на фоне обострения англо-египетских противоречий получил Судан.

Вслед за тем на процессы деколонизации стали оказывать воздействие последствия международного кризиса из-за Суэцкого канала. Правительство Арабской Республики Египет во главе с Насером добилось ликвидации британских военных баз на своей территории и летом 1956 г. объявило о национализации кана-

ла, которым владела частная англо-французская компания. Англия и Франция, действуя совместно с Израилем, попытались решить дело силой оружия. Они высадили десанты военно-воздушных и военно-морских сил в зоне канала и заняли г. Порт-Саид. Эти шаги, а также предпринятые еще до них военные акции Израиля вызвали острую негативную реакцию со стороны СССР и США. По разным причинам обе крупнейшие державы энергично осудили тройственную агрессию против Египта и потребовали ее прекращения. Оказавшись без поддержки Вашингтона, Лондон и Париж отступили, война была прекращена. Полную эвакуацию своих войск из зоны Суэцкого канала англичане и французы завершили в конце 1956 г., а израильтяне — в начале следующего года.

Ослабление позиций Франции и Англии на Дальнем и Ближнем Востоке совпало с внутривнутриполитическими осложнениями в метрополиях, повороту к интеграции в рамках Европы и отказу от привилегированных позиций на Востоке.

1960 г. считается годом освобождения Африки. Тогда была провозглашена независимость 16 государств, главным образом французских, расположенных в Западной и Экваториальной Африке. Наиболее тяжело достался Франции уход из Алжира. Там исторически сложился крупный анклав выходцев из Европы. Начавшаяся в конце 1954 г. освободительная борьба переросла в кровопролитную гражданскую войну, травмировав как французское, так и алжирское общество. Только в 1962 г. Париж согласился на прекращение огня и независимость Алжира.

Колониально-протекторатная власть Англии, а также Франции и ряда других европейских метрополий, прежде всего Бельгии с крупнейшей колонией Конго, завершилась в середине 1960-х гг. В 1963 г. была образована Организация африканского единства (ОАЕ), членами которого вскоре стали около 40 новых государств.

После бурных событий конца 50-х — начала 60-х годов в Африке маятник меж-

дународных кризисов на территории Большого Востока качнулся вновь в сторону Юго-Восточной Азии. К 1960 г. усилились попытки Северного Вьетнама (Демократической Республики Вьетнам), во главе которого стоял Хо Ши Мин, объединить страну силовым путем. Южно-вьетнамский режим оказался слабым и коррумпированным. Но, исходя из геополитических соображений, США встали на путь всесторонней помощи этому режиму. С 1964 г. началось их прямое участие в войне во Вьетнаме. К 1968 г. численность американских войск в Южном Вьетнаме достигла 550 тыс. человек. Они вели тяжелую и бесперспективную войну против партизан, прибегая к жестоким карательным методам в отношении местного населения.

ДРВ пользовалась поддержкой СССР и КНР. При этом Советский Союз был главным донором Ханоя. Напряженные советско-китайские отношения усложняли международно-политическую ситуацию в регионе, одновременно способствуя тому, что региональный конфликт, в котором были задействованы обе сверхдержавы (одна прямо, а другая косвенно) не вышел за локальные рамки.

Вьетнамскую эпопею можно считать последним аккордом войн периода холодной войны на Дальнем Востоке. Наряду с вьетнамским, существенно увеличилось там влияние Китая, который резко отмежевывался от опеки СССР.

Возвышение Египта и других обретших независимость арабских государств, став характерной чертой международных отношений на Ближнем Востоке, поставил в центр их политики отношения с Израилем. Только успех в войне с израильтянами мог гарантировать лидерство Каиру. Это подтолкнуло его на подготовку военных действий против Израиля с опорой на советскую помощь. Но Израиль первым в начале лета 1967 г. развернул боевые действия против Египта, одновременно атаковав позиции Сирии и Иордании. Продолжавшаяся всего шесть дней (с 6 по

10 июня) война принесла безоговорочную победу Израилю.

Это важно. Характерной особенностью места Востока в международной политике на первом послевоенном этапе можно считать слабое распространение собственных идейно-политических проектов. Ориентация на универсальные общественные ценности сочеталась с распространением национализма светского типа, аналогичного по форме, а отчасти и по существу идейным течениям в Европе в XVIII–XIX вв.

Условным водоразделом между первым и вторым этапом холодной войны можно считать десятилетие 70-х годов, особенно первую его половину, которая ознаменовалась разрядкой напряженности в отношениях между СССР и США и известной стабилизацией системы МО (Ялтинско-Потсдамской), сложившейся после окончания Второй мировой войны. В это десятилетие также происходило смещение центра тяжести международной политики с Дальнего Востока и Европы на Ближний и Средний Восток.

Поворотным пунктом, сместившим ось мировой политики в сторону Ближнего Востока, можно считать арабо-израильскую войну осени 1973 г. и произошедшее после ее окончания резкое повышение мировых цен на нефть. Результаты войны можно считать противоречивыми. Израиль добился еще одного военного успеха, но столкнулся с возросшей силой противника. Арабские страны продемонстрировали сплоченность и прагматизм. Потерпев неудачу в военном конфликте, они использовали новое оружие — контроль над жизненно важными для Запада нефтяными ресурсами.

Запад пошел на политические уступки, отказавшись поддержать радикальную позицию Израиля в вопросе урегулирования его разногласий с арабским миром. Дипломатии США удалось добиться подписания двусторонних соглашений между Израилем и его противниками о разъединении войск и временном

урегулировании ситуации. В 1977–1979 гг. президент Египта А. Садат решительно

развернул курс египетской политики в сторону Запада и заключил с Израилем в Вашингтоне мирный договор. Египет при этом оказался в изоляции от остального арабского мира.

С 1975 г. обострилась обстановка в Ливане.

Там начались столкновения между христианами и мусульманами. В развернувшуюся гражданскую войну (кончилась лишь в 1991 г.) вмешались Сирия и Израиль. Все большую роль в региональной политике стал играть Ирак.

Ситуация к концу 70-х годов складывалась неблагоприятно для освободившихся стран Азии и Африки, пытавшихся кратчайшим путем, опираясь на опыт советской и китайской индустриализации, проложить себе путь к модернизации и прогрессу. Впрочем, и у тех новых государств, которые выбрали «прокапиталистическую» ориентацию, дела тоже шли не лучшим образом. В некоторых из них утвердились диктаторские режимы, где имели место чудовищные злоупотребления властью.

После укрепления своих региональных позиций в результате победы над Пакистаном в войне 1971 г. и образования на месте его восточной провинции нового государства Бангладеш Индия активизировала участие в Движении неприсоединения. Сокращение возможностей Китайской Народной Республики проецировать вовне свою идейную и политическую мощь способствовало зарождению вблизи от него региональных проектов взаимодействия, а также закреплению за Индией роли лидера стран «третьего мира», слабразвитых в экономическом отношении, но вставших на путь развития, т.е. в прямом смысле слова развивающихся.

В то же самое время индийский вариант альтернативного пути терял привлекательность в условиях разрядки напряженности на глобальном уровне, так как строился на основаниях, однотипных с теми, что лежали в основе идеологий капиталистического и социалистического пути развития. Иное обоснование имела идеология исламизма (исламского фундаментализма), появившаяся еще в период между мировыми войнами, но заявившая о себе в полный голос в 70-х годах XX в.

Исламизм, обладая определенным структурным сходством с фашизмом и нацизмом, выступал в целом как союзник «держав оси» накануне и во время Второй мировой войны. В послевоенное время, в связи со смещением оси мировой политической жизни влево, исламизм потерял свою привлекательность и ушел в тень. Кризис левой идеологии, обнажившийся в 1960–1970-х гг., придал ему новую силу.

Исламизм одержал свою первую крупную победу в Иране, где абсолютное большинство мусульман составляют последователи шиизма. Антимонархическая революция, начавшись с массовых выступлений в 1978 г., увенчалась полным успехом в феврале 1979 г. Шах Ирана бежал из страны, а во главе ее встал лидер исламской оппозиции известный богослов имам Р. Хомейни.

Пытаясь раздвинуть ареал распространения радикальных исламистских идей, имам сделал акцент на их пропаганде среди шиитов в соседних странах, в первую очередь в Ираке. В известной мере как реакция на такой курс в Багдаде летом 1979 г. произошел государственный переворот, в ходе которого после физического уничтожения противников к власти пришел С. Хусейн. Начатая в сентябре 1980 г. война Ирака с Ираном продолжалась почти восемь лет (до июля 1988 г.) и была первой в послевоенной истории, которая мало вписывалась в логику холодной войны. США и СССР достигли молчаливой договоренности не вмешиваться активно в это региональное противостояние.

Китай после смерти Мао Цзэдуна и прихода к руководству страной в 1978 г. умеренно-реформаторски и прагматично настроенных деятелей во главе с Дэн Сяопином в основном отказался от поддержки левацких группировок в государствах дальней периферии. Вместе с тем он постарался укрепить позиции по периметру границ.

В ходе государственного визита Дэн Сяопина в Америку в январе 1979 г. между странами были установлены дипломатические отношения (начало этому процессу положил в 1972 г. визит президента Р. Никсона в Пекин). Геополитика при этом торжествовала над идеологией, ослабляя привлекательность идейно-политической оппозиции на коммунистической основе. Тем не менее остаточные явления левой революционности в конце 70-х — начале 80-х годов XX столетия еще давали о себе знать.

Среди стран, выбравших так называемый некапиталистический путь развития, Афганистан обладал той отличительной чертой, что был непосредственным соседом Советского Союза, примыкая к его среднеазиатскому региону. Военное вмешательство СССР в Афганистане в декабре 1979 г. имело далеко идущие последствия — произошел срыв политики разрядки. Американцы превратили соседний с Афганистаном Пакистан в прифронтовое государство, добившись глобализации регионального конфликта. Активную поддержку антисоветским силам в Афганистане оказал исламский мир во главе с Саудовской Аравией и Египтом, а также Китай. Афганская война с участием советских войск завершилась в феврале 1989 г. после их вывода в соответствии с договоренностями, достигнутыми в апреле 1988 г. в Женеве.

Война, которую СССР вел в Афганистане, была одним из факторов, определивших ослабление его внутренней силы и способствовавших окончанию холодной войны.

2. Рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны

Успех в Афганистане (вывод советских войск) помог усилению исламистского политико-идеологического проекта. В нем приняли участие не только афганские моджахеды, их пакистанские единомышленники и военные инструкторы, но также выходцы из арабских стран (Саудовской Аравии, Египта, Алжира) и Индии (Кашмира). Завершение войны с «коммунистами» в Афганистане хотя и растянулось на три года (исламская оппозиция победила только в апреле 1992 г.), но привело к расширению ареала выступлений исламистов. Они при этом выступали с идеологической программой, альтернативной и западной, и советской моделям модернизации. Свои идеалы исламизм черпал в прошлом, апеллируя к фундаменту религии, к морали и духу времен пророка Мохаммеда и праведных халифов. Практически идеология строилась на постулатах введения исламского закона (шариата) как высшего принципа легитимности и (или) построения подлинно исламского государства (теодемократии, нового халифата), где власть освящена авторитетом крупнейших богословов и высших слоев духовенства.

Антимодернистские идеологические принципы пользовались популярностью у представителей тех слоев населения, которые оказались на обочине процесса развития. Наиболее быстро они распространялись в кризисных с точки зрения этого процесса ареалах. Именно в такой регион превратилось советское пространство в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Ослабление и распад СССР были вызваны глубинным системным кризисом. Череда внешнеполитических неудач сочеталась с нарастанием неблагоприятных явлений в различных частях многонационального по составу советского государства. Кризис структуры внешних договоров и обязательств наиболее болезненно проявился в Восточной Европе и привел

(вслед за внутривнутриполитическими сдвигами там) к самороспуску летом 1991 г. противостоящей НАТО Организации Варшавского договора. Этому предшествовало усиление центробежных тенденций в Союзе ССР, отдаление от центра стран Балтии, поиски нового места другими союзными республиками, в том числе РСФСР. Провал попытки государственного переворота в августе 1991 г. привел к установлению в Москве режима двоевластия, который закончился с самоликвидацией СССР в декабре того года и возникновением 15 новых независимых государств, в том числе главного правопреемника Советского Союза — Российской Федерации.

Восемь из этих новых государственных образований принадлежат Азии. Это три республики Южного Кавказа (Закавказья) — Азербайджан, Армения, Грузия — и пять республик Центральной (Средней) Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В результате число суверенных государств Азии приблизилось к 50. Колониальная суть советской системы господства на азиатской периферии может быть поставлена под вопрос. Однако очевидно, что СССР явился наследником Российской империи, которая принадлежала к числу колониальных, отличаясь от других европейских империй тем, что была не заморской, с четким разделением на метрополию и колонии, а сухопутной, территориально интегрированной.

Завершение холодной войны совпало с окончанием эры колониализма. После ухода португальцев из Африки в середине 1970-х гг. там оставались только остатки «вторичной» белой колонизации, голландской и британской по происхождению. К ним относился режим апартеида в ЮАР и правление белого меньшинства в Южной Родезии. Англия не признала независимость южнородезийского режима Я. Смита, но при поддержке ЮАР он смог продержаться 15 лет, с 1965 по 1980 г. Под влиянием партизанского

движения внутри страны и мирового общественного мнения европейцы по происхождению уступили власть представителям черного большинства, победившим на выборах в парламент новой республики Зимбабве.

Сходная эволюция происходила в ЮАР. Режим расовой сегрегации, который также не был признан Англией, просуществовал, несмотря на сопротивление местного африканского населения и его политических организаций, до середины 80-х годов. Затем начался его демонтаж. В 1989 г. президентом стал Ф. де Клерк, вступивший в переговоры с ведущей оппозиционной силой — Африканским национальным конгрессом. В следующем году из тюрьмы после 27-летнего заключения вышел лидер АНК Н. Мандела. Снятие запрета с деятельности этой организации и проведение всеобщих выборов в 1994 г. привело к ее победе на выборах и избранию Манделу новым президентом страны.

В 1990 г. стала независимой Намибия, территория Юго-Западной Африки, которая после Первой мировой войны из германской колонии превратилась в протекторат Южно-Африканского Союза. Несмотря на отзыв мандата ООН на управление Намибией, ЮАР контролировала положение там вплоть до периода сдвигов в своем внутреннем устройстве.

Прямым следствием окончания холодной войны стал отзыв кубинских войск из Африки, за которым последовало относительное урегулирование ситуации в Анголе, падение режима М.Х. Мариамы в Эфиопии, выделение в 1993 г. из ее состава Эритреи.

В конце 1990-х гг. были подведены последние итоги эпохи классического колониализма. Под юрисдикцию Китая в 1997 г. вернулся Гонконг (Сянган),

который в течение 99 лет был колонией Великобритании, а в 1999 г. китайской стала одна из старейших колоний в мире, остров Макао (Аомынь или Аомэнь). Завоеванный Португалией еще в 1557 г., он олицетворял собой эру существования когда-то огромной заморской империи, принадлежавшей небольшой стране на Пиренейском полуострове. Символично, что Португалия была первой среди колониальных морских держав на Востоке и ушла отсюда последней.

Следует иметь в виду, что не все заморские территории стали независимыми. Некоторые острова и архипелаги в Индийском и Тихом океанах, тяготеющие с историко-географической точки зрения к Азии и Африке, остаются под юрисдикцией традиционных метрополий. К наиболее крупным и значимым из них относятся расположенные в Индийском океане французский остров Реюньон и британский архипелаг Чагос, где на арендованном у Англии острове Диего-Гарсиа сооружена стратегически важная военная база США.

Это интересно. В Азии в начале XXI столетия насчитывалось 45 признанных мировым сообществом государств, а в Африке — 53. Учитывая, что общее число государств в мире равно 196, на два «восточных» континента приходится половина из них — и чуть более половины они составляют среди 192 государств — членов ООН. По сравнению с началом XX в. представленность Азии и Африки в категории обладающих суверенитетом стран повысилась в пять раз.

О росте политической зрелости и влияния государств Большого Востока говорит и тот факт, что большинство из них ныне принадлежит по форме правления к республикам. Абсолютных монархий, которые составляли подавляющую часть государственных образований в начале XX столетия, осталось всего пять (крупнейшая среди них — Саудовская Аравия), а вместе с конституционными и символическими (Япония) монархиями — около 10.

Республиканская форма не означает непременно господство свободы на основе закона и демократии с конкуренцией политических партий, но определенные элементы демократической процедуры (периодически происходящие выборы, избрание тем или иным способом главы государства и т.п.) она, безусловно, предполагает.

Рост значения стран Востока в период после окончания холодной войны объясняется еще двумя обстоятельствами общего характера — демографическими и экономическими. К первым относится увеличение доли этих стран в мировом населении, а также среди жителей городов мира и среди постоянных и трудовых мигрантов.

Это интересно. По расчетам ООН, на 2005 г. численность людей на планете возросла до почти 6,5 млрд человек. При этом в Китае она ненамного превысила 1,3, а в Индии — 1,1 млрд. В двух этих государствах Азии, вместе взятых, проживало почти 40% жителей Земли. Доля Азии и Африки в начале XXI столетия достигла ровно 75%, т.е. из каждых четырех землян трое принадлежали региону Большого Востока. Сто лет назад к нему относились только каждые двое из трех.

Благодаря усилившимся позициям в мировой экономике государства Востока, прежде всего наиболее крупные и мощные, такие как Китай, Япония, Индия, а также государства «второго ряда» — Республика Корея, Индонезия, Турция и др. — приобретают все более существенное значение для мировой политики и всей глобальной международной системы. Увеличивается в силу экономических факторов, в частности роста государственных доходов от вывоза нефти, и роль восточных государств-смутянов, таких как Иран и Ливия, а также возрастает самостоятельность, а временами и оппозиционность господствующим в центре международной системы настроениям и намерениям со стороны, например, Саудовской Аравии, Малайзии и других стран.

Включение Востока в процессы глобализации не исключает противоречий и конфликтов интересов между ним, как в основном менее развитым регионом и группой развитых государств в экономической и иных сферах. В политической области при сохраняющемся доминировании интеграционных тенденций временами отчетливо звучит нота диссонанса, проявляется тенденция к формированию новой оппозиции из числа отвергнутых западным сообществом, в первую очередь США, стран-изгоев (Ирана и др.) и сохраняющих определенную дистанцию от центра глобализации, или глобализма, крупных государств Евразии — России, Китая, отчасти Индии.

Возрастание значения Востока очевидно и в такой важной сфере международных отношений, как военная (военно-политическая) с ее проекциями на безопасность и оборонную готовность. Следует подчеркнуть, что за вторую половину прошлого и начало нынешнего

века военизированность большого числа государств Азии и Африки многократно возросла. На первых порах это было обусловлено борьбой за независимость, стремлением укрепить суверенитет и целостность образовавшихся государств. В дальнейшем большое значение имело участие в войнах по доверенности в условиях раскола мира на два лагеря, а также появлением собственных амбициозных международно-политических проектов, наконец, формированием невидимого нижнего этажа мировой политики с центром в исламском мире.

Наряду с заметным сокращением после Второй мировой войны военных расходов в Европе наблюдался их рост в Азии и Африке. Еще более заметным оба этих процесса стали по окончании холодной

войны. В современную постбиполярную эпоху на Восток приходится значительная часть прироста вооружений и расходов на оборону. В этой части мира находятся основные «точки воспламенения» и очаги тлеющих конфликтов.

В современную эпоху наряду со своего рода универсальной глобализацией получили импульс процессы регионализации. Следует, по-видимому, различать два вида региональных (на базе территориальной близости и смежности) взаимодействий — один из них не противоречит глобализации и дополняет, усиливает ее, другой направлен на ее ослабление, подрыв доминирующей ныне формы западной глобализации, неразрывно связанной с вестернизацией и американизацией стиля и образа жизни. Достаточно многочисленные и разнообразные антиглобалистские движения выступают против господствующего варианта стяжения мира, подчеркивая своекорыстный характер его проводников и лидеров.

Вместе с тем большинство проектов регионального взаимодействия и созданных на их базе организационных структур относится к числу органично сочетающихся с глобализацией и являющихся, по существу, формой ее проявления. Наиболее явно это видно на примере Европейского Союза. Зародившись в разгар холодной войны, интеграция европейских государств прошла долгий путь эволюции, увенчавшись прорывом в период после ее завершения.

Восток пока не может явить примеров подобного рода глубокой интеграции. Она, вероятно, возможна лишь как итог длительных и плотных связей между территориально смежными народами и государствами, основанных на прецедентах и правилах современной рыночной экономики, демократии в политике, толерантности в культуре и свободы в обществе.

В то же время контуры региональных объединений и идейно-целевых межгосударственных (с определенной точки зрения — региональных) организаций про-

слеживаются и на Востоке. Часть из них охватывает не только восточные, но и соседние страны, а часть носит явный или неявный конкурирующий характер по отношению к основному глобализационному процессу.

Наиболее известный из азиатских интеграционных проектов — АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) — возник в 1967 г. на базе военно-политического блока СЕАТО (Договорной организации ЮВА) после урегулирования споров между Индонезией и Малайзией. Продолжая существовать под западным, прежде всего американским, «зонтиком» безопасности, страны АСЕАН сделали упор на развитии экспортных отраслей. После присоединения богатого нефтяными запасами султаната Бруней в 1984 г. в составе блока оказалось две нефтеэкспортирующие страны (первой была самая крупная по населению в ЮВА мусульманская на 90% Индонезия). К началу 90-х годов АСЕАН добился немалых успехов в деле интеграции, став, по сути, ядром системы «открытого регионализма» в АТР. После завершения процесса урегулирования ситуации в Камбодже страны АСЕАН пошли на расширение организации за счет бедных, едва оправившихся от потрясений военных лет государств Восточного Индокитая (Вьетнама, Камбоджи, Лаоса) и Мьянмы (Бирмы). Правление военных в последней едва не стало препятствием на пути ее приема в АСЕАН. Несмотря на формальную интеграцию, четыре страны с низкими доходами остаются во многом чужеродным телом в составе организации. За исключением быстро развивающегося Вьетнама с населением свыше 80 млн человек они не вносят заметного вклада в его торговлю и экономические успехи. Доля внутренней для АСЕАН торговли после приема в 1995 г. четырех государств Индокитая снизилась с 25 до примерно 20%, а их экспорт в мировом равен почти 10%.

АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) как региональная полифун-

кциональная организация имеет наилучшие шансы, чтобы при благоприятных внешних обстоятельствах со временем подтянуть уровень развития периферии к ядру и на этой основе укрепить единство стран достаточно однородного в культурном, историческом, расовом и этническом отношении ареала, весьма крупного по количеству жителей (более полумиллиарда человек), богатого природными ресурсами и обладающего преимуществами географического (на карте морских коммуникаций) положения.

Из-за ослабления в последнее время международно-политической роли организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) значение АСЕАН усилилось. Наиболее известная из ее интеграционных инициатив — Асеановский региональный форум (АРФ). Он объединяет широкий круг государств, включая прилегающие к региону страны Восточной Азии, Океании и Южной Азии, а также такие далекие от него государства, как Россия. Регулярно проводятся на базе АСЕАН встречи между представителями Азии и объединенной Европы. Наконец, растущее значение имеют обмен мнениями и согласование позиций в формате «АСЕАН плюс три», т.е. КНР, Япония и Республика Корея, «АСЕАН плюс Китай», «АСЕАН плюс Индия».

Опираясь на наиболее динамичную из экономик всей восточной части Азии, Пекин постоянно укрепляет свои экономические позиции в регионе к югу от своих границ. Он продемонстрировал возможности успешного альянса с гигантским торгово-экономическим организмом бывшей английской колонии Гонконг (Сянган). КНР удалось в конце 2000-х гг. улучшить политические отношения с Тайванем, что, несомненно, укрепило их экономические взаимосвязи. Тесным является «невидимое» сотрудничество Пекина с другими странами ЮВА, где весьма сильные позиции в экономике занимают этнические китайцы (хуацяо). Особенно су-

щественна в этом смысле роль богатого островного государства Сингапур, где этнические китайцы составляют большинство жителей.

Весьма трудной проблемой для Пекина, помимо непреодоленной аграрности, является интеграция его периферийных удаленных от приморской зоны регионов. Их коренное население не принадлежит к ханьцам — в северо-западном Синьцзяне это тюрки-мусульмане, в основном уйгуры, а также казахи и киргизы, в Западном Тибете — тибетцы-буддисты (ламаисты), в юго-западной провинции Юньнань — народности, близкие к этносам Индокитайского полуострова. Необходимость подтянуть удаленные от моря регионы в полной мере осознается нынешним руководством КНР. Оно активизировало усилия по интеграции Синьцзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов. Крупные капиталовложения позволили преобразить традиционные центра Синьцзяна Урумчи и Кашгар, серьезно увеличилась в этом труднодоступном крае протяженность железных и шоссейных дорог. В 2006 г. завершилось строительство железной дороги в Тибете до столицы Лхасы, проложенной на высоте в 4—5 км над уровнем моря. Происходящее на наших глазах освоение глубинных районов Китая можно считать глобализацией по-китайски, которое встречает определенное сопротивление коренного населения. Объективно, впрочем, процесс модернизации представляется неизбежным, и вопрос лишь в том, какими методами он осуществляется и к каким результатам для местного населения приводит.

Столкнувшись в начале XXI в. с потребностью сохранить высокие темпы роста экономики, обеспечить, в частности, энергетическую его составляющую, КНР проводит многовекторную внешнюю политику, маневрируя и меняя акценты в зависимости от изменений экономической и политической конъюнктуры в прилегающем к нему регионе, по периметру своих границ, и вне смежного пространства. Традиционная раздвоенность ориента-

ции Китая на море и на сушу проявилась на данном историческом этапе, с одной стороны, в уже упоминавших проектах укрепления взаимосвязей с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии, а с другой — во взаимодействии с Российской Федерацией и новыми государствами Центральной Азии.

Успех переговоров о северной и северо-западной границе Китая привел в 1995 г. к подписанию в Шанхае (втором после Пекина по значению китайском городе) соглашения между пятью государствами, имеющими общие границы: КНР, РФ, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Встречи в рамках Шанхайской пятерки стали регулярными, и от обсуждения вопросов безопасности границ на них перешли к экономическим проблемам. С 1993 г. КНР превратился в импортера сырой нефти, и у нее обозначился интерес к огромным нефтегазовым ресурсам России и Казахстана. В 2001 г. к пятерке присоединился Узбекистан — и образовалась Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Помимо символического значения, связанного с повышением значимости Центральноазиатского региона в мировой политике, ШОС приобрела черты достаточно еще слабо скрепленной, но успешно наращивающей узы взаимодействия международной структуры. Показательно вступление в члены-наблюдатели ШОС Индии, Пакистана и Ирана, Монголии, создание специальных механизмов взаимодействия с Афганистаном.

Большинство других региональных организаций, созданных в ареале Большого Востока, носят взаимодополняющий современную глобализацию характер. Среди них нужно выделить как наиболее значимые Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союз стран Магриба.

Восток сохраняет громадное значение для мировой политики как основной инициатор и участник крупных, в целом эффективно функционирующих форумов,

таких как Организация Исламской Конференции (ОИК, 57 стран, более 10 встреч на высшем уровне), Движение неприсоединения (117 государств, 14 конференций глав государств и правительств), Организация африканского единства (ОАЕ). Об определенном единстве восточного макрорегиона свидетельствует состоявшаяся в 2005 г. в Индонезии торжественная встреча в верхах, посвященная 50-летию юбилею Бандунгской конференции стран Азии и Африки.

* * *

Прочитав третью статью, вы получили представление об особенностях процессов освобождения стран Азии и Африки от колониальной зависимости в послевоенный период и о том, в каких формах проявляется рост значения стран Востока в системе международных отношений в постбиполярную эпоху.

Растущая роль Востока в мировой политике следует из все более активного участия составляющих этот макрорегион государств в процессах глобализации, регионализации и многосторонней дипломатии. На смену усеченной биполярной глобализации периода холодной войны по ее окончании наступила эпоха более полного, достаточно всеобъемлющего стяжения мирового политико-экономического и культурно-гуманитарного пространства. При этом страны Востока в своем большинстве оказались тесно включены в глобализационный процесс.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем значение Бандунгской конференции 1955 г.?
2. Какие страны участвовали в военных акциях против Египта в 1956 г.?
3. Какой год считается годом освобождения Африки?
4. В какой период послевоенной истории происходило смещение центра тяжести международной политики с Дальнего Востока и Европы на Ближний и Средний Восток?

5. С каким арабским государством Израиль подписал 1977–1979 гг. серию мирных соглашений?

6. Какие новые государственные образования образовались в Азии в результате распада СССР?

7. Какие события ознаменовали собой завершение эры колониализма на Африканском континенте?

8. С какими причинами связан рост значения стран Востока в период после окончания холодной войны?

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М. : Международные отношения, 2003.

2. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия». Мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Факультет мировой политики МГУ им М.В. Ломоносова, 2006.

3. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2002.

4. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года : в 2 кн. М., 2000.

5. Китай в мировой политике / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2001.

6. Ланда Р.Г. История арабских стран. М. : Восточный университет, 2005.

7. Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М. : Восточный университет, 2004.

8. Наринский М.М. История международных отношений 1945–1975. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2004.

9. Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-РОССПЭН, 2004.

10. Системная история международных отношений : в 4 т. События и документы. Т. III / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Научно-образовательный форум по международным делам, 2003.

11. Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : МГИМО-Просвещение, 2004.

12. Ядерное оружие после холодной войны / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М. : МЦК-РОССПЭН, 2006.

13. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y. Touchstone, 1996.

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Прочитав эту статью, вы узнаете о том,

- в каком направлении идет глобальный процесс геоэкономической диверсификации экономического роста;

- в чем заключаются особенности социально-экономического развития стран Востока;

- в чем для стран Востока проявляется актуальность проблемы перехода на высокотехнологичный путь развития;

- каковы особенности взаимоотношений стран Юга и Севера в постбиполярную эпоху;

- как проявляются на Востоке процессы регионализации.

1. Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе

Диверсификация экономического роста и выход азиатских стран на первые места по объему экономики

За последние четверть века произошло восстановление Азии как основного мирового экономического центра. Здесь находится подавляющее большинство стран, которые показывали устойчивые темпы роста, превышавшие среднемировые. За этот период основной прирост мирового ВВП был достигнут именно благодаря азиатским государствам. Мы наблюдаем возвращение к ситуации двухсотлетней давности. В 1820 г. на долю США, Западной Европы, Канады и Австралии приходилось 25% общемирового на-

ционального продукта, а на долю Азии — 58%. В 1950 г. цифры были обратными: на Запад приходилось 56% мирового дохода, а на Азию — 19%. Уже в 1992 г. доля Азии составила 33%, а Запада — 45%, а в начале века их доли почти сравнялись. В соответствии с прогнозами Гарвардского университета, к 2025 г. на Азию придется 55–60% общемирового валового национального продукта, а на Запад — 20–30%.

Диверсификация экономического роста ведет к сокращению удельного веса развитых стран, в том числе США, в мировом производстве. За полвека доля Соединенных Штатов в мировом ВВП упала почти в полтора раза. Она сократилась даже в постбиполярный период, хотя это был период крайне медленного роста в Западной Европе, стагнации в Японии и резкого падения производства в Восточной Европе, тогда как для Соединенных Штатов эти 15 лет были в целом благоприятными. Сейчас доля США в мировой экономике не превышает показателей, достигнутых перед Первой мировой войной (немногим более 20%).

Это важно. Азиатские страны вышли в лидеры мирового производства, заняв места со второго по четвертое. Сейчас по размерам ВВП по паритету покупательной способности Китай обогнал Японию и вышел на второе место в мире (по данным аналитиков ЦРУ, 7,04 трлн долл. в 2007 г.). Индия вышла на четвертое место (почти 3 трлн долл.), обогнав Италию, Великобританию и Германию. К группе лидеров подтягиваются Бразилия (1,84 трлн долл.) и Южная Корея (1,2 трлн долл.), а с некоторым лагом — Индонезия (846 млрд долл.). В соот-

ветствии с прогнозами экспертов Гарвардского университета, до 2025 г. азиатские государства будут продолжать показывать самые высокие темпы роста во всем мире. По средним оценкам большинства исследователей, через 8–10 лет КНР по абсолютным цифрам ВВП догонит, а может быть, и превзойдет Соединенные Штаты, а Индия практически сравняется по этому показателю с Японией уже через 4–5 лет.

Постиндустриальный и индустриальный пути развития. Разновекторность социально-экономического развития стран Востока

Гораздо более неоднозначными являются политэкономические процессы. В течение последней четверти века на Севере (зона развитых держав) стал появляться новый социально-экономический строй, пока не получивший единого названия (существуют термины «посткапиталистическое», «постэкономическое», «постиндустриальное» общество и т.д.). Не останавливаясь подробно на всех переменах, особо отметим, что возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики — «экономика, основанная на знаниях».

В ходе нынешней перестройки экономики в развитых странах кардинальным образом меняется характер междunarодного разделения труда. Развитые страны из поставщиков готовых изделий превращаются в экспортеров квалифицированных и капиталоемких услуг (включая финансовые) и технологий (поскольку технологическая рента становится все более осязаемым компонентом прибылей, то исследования и внедрение инноваций являются одной из важнейших сторон деятельности компаний, базирующихся в развитых странах). Сохраняют за собой они и поставки наиболее сложных и точных изделий. Развивающиеся страны из поставщиков сырья и продовольствия становятся экспортерами готовых изделий (наряду с тропическим и субтропическим сырьем и продовольствием). Если, образно говоря, раньше мы делили

мир на «город» (Север) и «деревню» (Юг), то теперь его надо делить на «офис и лабораторию» (Север), «город» (Восточная и Южная Азия, Латинская Америка) и «деревню».

Зона Юга в целом, как и Азия, отличается

гораздо более значительной гетерогенностью. Отдельное место занимает Япония, которую исследователи, как правило, относят к Северу. При этом трудно не заметить колоссальные отличия японской модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Большой рывок совершили новые индустриальные экономики Восточной Азии, которые отстают от Севера только в количественном плане. Эти государства совершили прорыв в условиях существования авторитарных режимов, с существенными элементами тоталитаризма. Тайвань, где за полвека доход на душу населения увеличился более чем в 120 раз, не только полностью отверг «коммунистическую» систему, но и отказался от большинства основных элементов западной демократии. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее проявляются в таких странах, как, например, Южная Корея, Индонезия и Таиланд.

Сверхкрупные государства — Индия и Китай — стали превращаться в отдельную подсистему мирового хозяйства. Они обладают собственными закономерностями развития. В этих странах возникает новое соотношение форм собственности, включающее государственную, смешанную государственно-частную, кооперативную, частную и форму, которую условно можно назвать кланово-конфессиональной. Отсутствие доминирующей или быстрорастущей формы собственности определяет определенную автономию государства,

относительную независимость его от различных сил. К тому же здесь требуется сильное государство, координирующее взаимодействие укладов, поддерживающее национальное предпринимательство, связывающее воедино огромную экономику и миллиардное население и довольно широко использующее административные методы. Другая особенность этих стран — сравнительно невысокое вовлечение в международное разделение труда: по самым различным подсчетам, основной прирост производства в этих странах обусловлен внутренним спросом. Следует также отметить особое внимание к проблемам распределения и внешней политике, направленную на превращение из региональных в мировые державы. Наконец, в Китае и Индии в последние годы наблюдаются высокие темпы развития сельской экономики, в которой быстро растут промышленность, инфраструктура и сфера услуг. Поэтому темпы роста городского населения в них оказываются ниже, чем в других развивающихся странах. У этих стран сохраняются и идеологические отличия: в их конституциях отмечается ориентация на построение социализма. Возможно, что эти существенные отличия вытекают из особых закономерностей развития сверхкрупных экономик, до сих пор мало изученных экономистами.

По таким параметрам, как уровень производительности, темпы естественного прироста населения, уровень грамотности и доходов, азиатские гиганты немногим отличаются от других стран Юга. Однако огромные масштабы ВВП, высокие темпы роста, наличие прослойки, хотя и узкой, высококвалифицированных кадров отличают их от основной массы Юга.

В Азии существует также много достаточно благополучных развивающихся стран, которые благодаря стабильной политической обстановке, выгодному географическому положению, наличию дешевой рабочей силы, больших запасов сырья или редких его видов смогли ус-

пешно включиться в международное разделение труда. Особняком стоит группа арабских стран-нефтеэкспортеров, сосредоточенных главным образом в районе Персидского залива, которые смогли обеспечить за счет перераспределения нефтяной ренты повышение душевого дохода до уровня, сопоставимого с развитыми странами.

На Юге появилась и «серая зона», за которую основные мировые центры (в первую очередь США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности, и где не действуют общие закономерности развития системы. Отметим, например, что мировые средства массовой информации вообще не замечают международной войны в Конго (Заире), где в 1998–2001 гг. погибло более 2,5 млн человек.

Происходит как бы сужение мировой системы путем выталкивания из нее малоприоритетных государств (в которых, кстати, проживает около шестой части всего человечества). Попытки вмешательства (как в Сомали) долгое время заканчивались неудачей, поскольку в новой глобальной ситуации никто не готов к существенным финансовым затратам и гибели своих граждан ради прекращения гражданских войн в странах, не занимающих высокого места в приоритетах внешней политики ведущих государств. Мировое сообщество устранилось от какого-либо воздействия на внутривнутриполитические события в этой «серой зоне». После 11 сентября ситуация некоторым образом изменилась, и США были вынуждены ввести войска в Афганистан. Но это пока принесло очень мало дивидендов. Безусловно, «серая зона» расположена, прежде всего, в Африке, но и ряд азиатских стран вошли в нее.

Таким образом, можно говорить, что на Юге (по крайней мере на большей ее части) сейчас наблюдается процесс складывания индустриального способа. В прошлом во всем мире использовалась модель «догоняющего развития» и изменялась на практике концепция «жу-

равлиного клина». Развитые страны были заинтересованы в определенной модернизации стран Востока, и центр мировой системы постоянно испускал на периферию капиталистические импульсы. Основной проблемой, вставшей сейчас перед зоной Юга, стала возможность переноса нового возникающего строя Севера. Учитывая кардинальную роль науки в процессе его образования, необходимо проведение анализа формирования системы современного научного знания в развивающихся обществах Востока, чтобы реально оценить перспективы будущего развития.

Возможности появления на Востоке «экономики, основанной на знаниях»

Наступление европейской техники, науки и образования (и, к сожалению, массовой американизированной культуры) в целом ряде стран Юга вызвало своеобразную реакцию отторжения. Это особенно характерно для стран Ближнего Востока и Тропической Африки. Интересно, что во всех арабских странах количество переведенных за год работ составляет пятую часть числа переводов в Греции и одну двухсотую в Испании, в которой за год переводится работ столько же, сколько было переведено за всю историю арабских стран. В результате здесь не происходит серьезного развития науки, а научные центры и университеты живут абсолютно обособленной жизнью, по существу не вступая во взаимоотношения с обществом и государством. Их связи с международными научными центрами являются более прочными. Можно предположить, что эти макрорегионы не имеют перспектив создания системы науки, в обозримом будущем там не возникнет новых взаимоотношений между наукой и производством, а развитие будет продолжать базироваться на добыче сырья и промышленном производстве, не связанном с высокотехнологическими сферами.

Другая ситуация характерна для стран Южной и Восточной Азии, которым свойственна качественно более высо-

кая степень культурной динамики и научно-технической автономности. Безусловно, данные характеристики обеспечивают способность этих стран вырваться из порочного круга отсталости, осуществить анклавную экономическую модернизацию и не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования, встать на новую ступень научно-технической революции, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афро-азиатском мире.

Новые индустриальные страны Восточной Азии могут в ближайшем будущем перейти в категорию высокоразвитых стран. Здесь существует реальное колоссальное уважение к науке и ученым. Большую роль сыграло государство в лице правящих кругов и социальных институтов (в Восточной Азии оно традиционно гораздо сильнее, чем, например, в Южной Азии). Опыт целого ряда стран региона свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. К сожалению, речь идет о сравнительно не крупных странах (особенно по азиатским масштабам).

Большие сложности стоят перед азиатскими гигантами. В Индонезии, бывшей колонии Нидерландов, в колониальный период не только не развивалась наука, но и не было особых прорывов в сфере европейского образования. Ситуация мало изменилась и в настоящий момент, когда в стране, с населением в четверть миллиарда человек, очень слабо развита наука и технологическое производство. Хотя здесь удалось обеспечить достаточно высокий уровень грамотности, совокупный валовой коэффициент охвата населения начальным, средним и

высшим образованием меньше, чем, например, в Египте или Южной Африке. Заметно отсутствие стремления к изменению ситуации: по доле расходов на образование в ВВП и в государственном бюджете «конкуренцию» Индонезии составляют лишь отдельные африканские страны (Экваториальная Гвинея, Камерун, Мавритания). Даже страны, занявшие последние три места в мире по индексу человеческого развития (Гвинея-Бисау, Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне), имеют лучшие показатели. При этом обращают на себя внимание региональные разрывы: в некоторых дистриктах Индонезии среднее число лет, проведенных в учебных заведениях, составляет 2,2 года. Само население также не склонно расходовать существенные средства на образование детей. Схожая ситуация существует и в плане расходов на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу.

Что касается Китая и Индии (мировых лидеров и по количеству населения, и по темпам экономического развития), то здесь проблемы лежат в другой плоскости. В азиатских гигантах наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатских гигантов.

В Китае особую роль играет государство, которое концентрирует усилия на конкретных задачах, а в последнее время развитие науки и техники признано важнейшей целью КНР. В соответствии с планом «трех шагов», предполагается, что вклад научно-технического прогресса в увеличении ВВП возрастет до 65% в 2010 г. и 80% в 2050 г. (по сравнению с 30% в конце 90-х годов), а доля вложений предприятий в НИОКР составит 60% в 2010 г. и 80% в 2050 г. (по сравнению с 23% в конце 90-х годов).

Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать этатистско-эгалитарной, то в Индии (в которой государство еще в древности было

несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития — элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Несмотря на все попытки улучшения политического, социального и экономического положения нижних страт (и реальные достижения на этом пути), разрывы в социально-экономическом развитии — между различными кастами, городом и деревней, различными регионами — снижаются несущественно. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у среднего бывшего неприкасаемого за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской цивилизационной парадигмы. Особенно они заметны при сравнении страны с Китаем, для которого характерна эгалитарная модель: заметно существенное превосходство КНР в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования (до фантастического рывка Китая в начале века в этой сфере Индия была даже намного впереди).

В техническом плане и Китай, и Индия показали способность осваивать импортные высокие технологии и создавать свои. Более того, азиатские гиганты продемонстрировали способности самостоятельно развивать научные исследования:

автономное создание атомного оружия — наглядный тому пример. Однако в целом азиатские гиганты очень значительно уступают развитым странам и России в сфере фундаментальных исследований.

Колоссальным препятствием для азиатских гигантов в деле создания нового общества является объективная социально-экономическая ситуация в этих странах. Наличие огромного массива неквалифицированного (а в Индии и неграмотного) населения не позволяет им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т. д.); не случайно большинство технологических достижений носит «экспортноориентированный» характер. Здесь также наблюдается ежегодный отъезд десятков тысяч наиболее квалифицированных специалистов (прежде всего, по материальным причинам), что способно уже в ближайшее время вызвать существенное ослабление позиций данных государств в высокотехнологической сфере, а в перспективе привести к резкому ухудшению культурной динамики.

Таким образом, перспективы развития Юга в целом по траектории, намеченной Севером, представляются маловероятными.

Политические последствия распада bipolarной системы

Крушение социалистического лагеря резко изменило конфигурацию мировой системы. Она приобрела формально монополярный характер, имея во главе одного лидера — США. Но эта монополярность приобретает особый характер: с одной стороны, система, которой пытаются управлять мировой лидер, очень велика (около 200 стран). Из теории больших систем известно, что такой множественностью управлять из

одного центра практически невозможно. Поэтому мировой лидер пытается использовать в этих целях международные экономические организации. Однако они, так или иначе, испытывают влияние и других стран и к тому же имеют собственные интересы: т.е. не могут полностью служить только лидеру. В данных условиях тот может контролировать преимущественно внешнеэкономические операции стран — членов системы. Внутриэкономические же и внутривнутриполитические процессы оказываются слабо либо вообще не контролируемы. Отсюда — упор на политические методы (глобализация). Она, ослабляя национальное государство, дает огромные преимущества наиболее развитым странам и их корпорациям. Против же стран, которые не могут контролироваться, возобновляется применение насилия. С другой стороны, формирование монополярной системы сопровождается сокращением относительной мощи лидера по всем показателям — экономическим (доля в мировом ВВП), военным (обладание атомным оружием и ракетной техникой), политическим (регионализация).

В целом при некотором нарастании различий между странами Севера, между ее основными центрами — США и Западной Европой, они в высшей степени заинтересованы в сохранении своего господствующего положения в системе международных экономических и политических отношений, и значительно сильнее, чем когда-либо. Это стало основным фактором, воспрепятствовавшим реализации многочисленных прогнозов, сделанных в начале 90-х годов прошлого века, о том, что конфликт между основными центрами Севера станет главным в мировой системе.

Это важно. Если в прошлом долгое время неуклонно возрастало организованное противостояние Юга сильному экономически, технологически и социально Северу,

то в 80–90-х годах оно ослабевало, а главное — исчез его организованный характер. Основными факторами, объясняющими это обстоятельство с экономической точки зрения, являются постоянное втягивание большинства стран Юга в новое международное разделение труда и их отмечающаяся усиливающаяся дифференциация. В политической сфере главными причинами стали крах социалистической системы и биполярного устройства мира, развал Советского Союза. Юг потерял возможность играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ему существенную выгоду. В результате организации развивающихся стран (Движение неприсоединения, Группа 77 и др.) утратили свое значение, так как в монополярном мире их деятельность оказалась бесполезной.

Потеря организованного характера противостояния развивающихся стран развитым государствам

Характерны перемены в политике азиатских гигантов. Если в 70–80-е годы крупнейшие государства Юга пытались добиться упрочения своего положения в мировой экономике путем совместных действий с другими странами, то в изменившихся условиях они предпочитают действовать в индивидуальном качестве. Так, значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран. Первоначально Дели прилагал усилия хотя бы для сохранения позиций Движения неприсоединения, бывшего одним из краеугольных камней внешней политики страны. Но постепенно Дели осознал, что усиления позиций в зоне Юга недостаточно для вхождения в «высшую мировую лигу», а резко обострившаяся дифференциация среди развивающихся стран препятствует организации какого-либо единого политического или экономического образования. Фактически сейчас Индия потеряла былой статус выразителя интересов освободившихся стран. Крайне осторожные позиции стала занимать и КНР.

В радикальной ломке международных экономических отношений не заинтересо-

ваны и «благополучные» азиатские страны. Помимо того что их развитие может происходить лишь на основе тесных связей с иностранными партнерами, следует учитывать еще одно обстоятельство. Элита данных государств прочно входит в «золотой миллиард» (а вот низы западного общества в него не входят) и теснейшим образом связана с Севером.

Позиция стран «серой зоны»

В подобных коренных изменениях заинтересованы преимущественно страны, попавшие в «серую зону». Однако они (как и их лидеры) не пользуются международным авторитетом и не в состоянии сплотить Юг. Поведение стран-аутсайдеров и отсутствие возможности воздействовать на них (как и отмечавшееся относительное ослабление позиций Соединенных Штатов в мировой экономике) объясняет постоянное применение насилия. Этому способствует и то обстоятельство, что в целом мировой лидер (США) не может оказывать определяющего влияния на процессы экономического развития Азии не только в отношении стран «серой зоны», мало вовлеченных в интернационализацию производства. В отношении крупнейших стран это связано с огромными масштабами их экономики и высокими темпами роста, обусловленными опорой на внутренние факторы развития.

2. Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности

Проблема глобальной безопасности и распространение ядерных технологий в ареале стран Азии

Большие проблемы для лидера создаст и расползание ядерного оружия. В биполярный период «пороговые страны» явно опасались превращения в мини-

ядерные державы, поскольку это явно не отвечало интересам обеих сверхдержав. Пожалуй, вопрос о ядерных программах был наиболее серьезным расхождением между последними и их союзниками из числа «пороговых стран». Безусловно, США в отношении Израиля и Пакистана и СССР в отношении Индии предпочитали использовать дипломатические каналы, но их давление было весьма серьезным. В 1990-е гг. «пороговые страны», не уверенные в прочности своих международных позиций (ЮАР, Украина, Белоруссия, Казахстан), отказались от притязаний на обладание ядерным статусом, но зато другие открыто продемонстрировали свои амбиции: «официальными» ядерными державами стали Индия и Пакистан. В свете последних сентябрьских событий особые опасения вызывает наличие ядерных средств в Пакистане, одном из главных покровителей исламского экстремизма, где уже четверть века произносятся слова, что пакистанское ядерное оружие — «мусульманское» оружие. Полвека происходит непрерывный процесс исламизации Пакистана. Основная власть в стране принадлежит армии. Если в 1950-е гг. офицерский корпус был, пожалуй, наиболее вестернизированным слоем, то с конца 1970-х гг. исламисты постоянно усиливали свои позиции в армии, и сейчас основная часть вооруженных сил — убежденные фундаменталисты. Любая фанатичная организация Пакистана, практически наверняка имеющая своих людей среди тех, кто имеет отношение к ядерному потенциалу Пакистана, может получить доступ к ядерному оружию.

Очень остро стоит проблема военных ядерных программ в Иране и Северной Корее. Правда, в настоящий момент нет доказательств проведения в Иране военной программы (по данным ЦРУ, иранское правительство отказалось от планов создания ядерного оружия). Обогащение урана в этой стране, вероятно, осуществляется в мирных целях (для военной программы необходимо обогащение урана до

90%, а для мирной — 10–15%), что разрешено всеми международными соглашениями. Северная Корея уже испытала плутониевую бомбу (хотя и не очень удачно). Испытывая мощнейшее давление со стороны международного сообщества (включая КНР и Россию), Пхеньян было отказался от военной ядерной программы, но невыполнение США своих обязательств регулярно подталкивает северокорейские власти к продолжению ядерного шантажа.

Само стремление к обзаведению ядерным оружием имеет чрезвычайно серьезные последствия: это не только угроза региональной безопасности, но и подстегивание ядерных амбиций других «пороговых стран», что ведет к подрыву системы безопасности во всем мире.

Процессы регионализации (формирование региональных держав и укрепление региональной интеграции) на Востоке

На положение США в мировой системе противоречивое, но в целом негативное воздействие оказывают процессы регионализации. Под этим термином понимаются два совершенно различных явления — возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. Параллельное существование двух процессов — явление достаточно противоречивое. С одной стороны, региональные державы заинтересованы в придании формального статуса своим отношениям с сопредельными государствами. С другой стороны, наличие региональных отношений первого типа может препятствовать перерастанию их во второй тип, так как это способно нарушить характер отношений в системе ведущая держава — подчиненные (зависимые) государства, что и происходило в биполярный период. Ныне эти процессы могут не противоречить друг другу. В становлении региональной державы, помимо политических, определенное значение, видимо, имеют и другие факторы — экономические, культурные и даже конфессиональные.

Среди региональных держав особо следует выделить крупнейшие полупериферийные страны — Китай и Индию. Они трансформируются в особые подсистемы, чье формирование, как представляется, было ускорено развалом мирового социализма: в жестко контролируемом мире этот процесс встретился бы с гораздо большими препятствиями. В ближайшем будущем они могут стать соперниками США в борьбе за лидерство. История повторяется — соперники появляются на периферии. Но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов.

При обосновании цивилизационных претензий Китая и Индии на лидерство нельзя не отметить расовый фактор, на который постоянно обращают внимание, прежде всего, в Индии (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых», с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что другие крупнейшие державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т.д.) с геополитической и психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Севером. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Для США потенциально опасными являются и другие факторы: а) азиатские гиганты принадлежат к иной экономической системе, а значит, они отнюдь не в восторге от правил игры, навязанных развитыми странами; б) независимый вне-

шнеполитический курс всегда являлся главной целью Китая и Индии, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Гегемония Севера отвергается этими странами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам.

В последнее время азиатские гиганты принимают самое активное участие в процессе регионализации. Индии, например, в какой-то степени удалось даже приостановить негативные центробежные тенденции, возникшие в Южной Азии. В 1985 г. была создана Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). До сих пор ее деятельность принесла относительно мало реальных результатов, в том числе в экономической области. Однако следует учесть, что это — первая региональная организация Южной Азии, находящаяся в самом начале пути.

СААРК пока отличается от других региональных ассоциаций отсутствием консенсуса по проблемам внерегиональных, внутрирегиональных и внутристрановых источников угрозы безопасности. Весомое достижение этой структуры — создание механизма для проведения неформальных встреч и дискуссий лидеров стран. Стремление же развивать внутрирегиональные экономические связи нашло отражение в начавшемся обсуждении возможности создания в ближайшем будущем зоны свободной торговли в Южной Азии. Это позволит резко увеличить торговый оборот и взаимные инвестиции, которые и так возросли за 90-е годы.

Азия, в первую очередь Восточная, является главным внешнеэкономическим приоритетом КНР. На нее приходится более половины внешней торговли Китая. Из этого региона поступает и львиная доля иностранных инвестиций в экономику страны. За последнее время существенно вырос и уровень политических отношений Китая со странами Восточной Азии.

К числу региональных держав, помимо Индии и Китая, можно отнести Австралию и в какой-то степени Южную

Африку. Возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены. В конце XX в. ряды региональных держав пополнились Россией и Бразилией. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло. Довольно трудно рассматривать и Японию в качестве региональной державы. Япония в 1990-е гг. превратилась в главного мирового инвестора и твердо заняла первое место по оказанию экономической помощи (правда, с конца столетия проявилась тенденция к ее сокращению). Но страна не проявляет готовность к политической активизации. Пример Японии показывает неубедительность тезиса о том, что экономическая мощь обязательно трансформируется в геополитическую.

Региональные державы препятствуют реализации планов Вашингтона, особенно в военно-политической сфере. Так, если бы КНР не превратилась в подобный центр, вряд ли Белый дом так долго мирился бы с существованием такой страны-«изгоя», как Северная Корея.

Наличие региональной державы, как правило, ядра крупной цивилизации, способствует и нарастанию культурологического отчуждения. Региональный лидер в определенном аспекте также замыкает на себя внешнеэкономические потоки. Поэтому формирование региональных держав и регионализма налагает существенные ограничения на поведение мирового лидера.

Что касается региональных интеграционных группировок, то они представляют собой добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило в сфере экономики. Вместе с тем устойчивость и стабильность группировки возрастает, если совпадают и политические цели стран, основывающих региональный союз. Имеющийся опыт показывает, что создание

эффективного регионального объединения возможно лишь при относительном равенстве потенциалов, участвующих в нем государств (исключение составляет ЕС, где крупнейшие державы как бы уравнивают/нейтрализуют друг друга). Это означает, что каждая из участниц данной организации отказывается от какой-либо части своего суверенитета в пользу наднациональной организации.

Существуют различия по степени влияния объединений на внешнеэкономические отношения. Такая региональная группировка, как ЕС (или в потенции АСЕАН и «Меркосур»), обладает огромной экономической мощью, позволяющей ей добиваться своих экономических и политических целей. Другой полюс представляет ГУАМ или одно из многочисленных африканских региональных объединений. Слабость каждого из входящих в нее государств, ограниченность экономических связей между ними, а также низкая экспортная квота всего объединения ослабляют их международные позиции. Поэтому за общим понятием регионализм могут скрываться самые различные процессы и явления, а следовательно, от типа и характера регионализма зависит и его влияние на международные отношения.

Сама эффективность региональных экономических группировок нередко привлекает новых членов, тем самым пространственно расширяя этот сегмент мирового хозяйства. Но большая выгода, а зачастую и большая безопасность операций внутри объединения из-за ослабления внешней конкуренции и усиления переговорных позиций ведут к опережающему росту внутрирегиональных связей по сравнению с международными. По достижении определенного момента («критической массы») регионализация может начать сдерживать глобализацию, так как последняя может оказаться менее выгодной и более рискованной.

Возникновение региональных объединений также в целом накладывает оп-

ределенные ограничения на мирового лидера. Во-первых, они достаточно крупны. Поэтому даже мировой лидер при определении своей политики вынужден так или иначе считаться с их позицией. Во-вторых, каждое такое объединение построено на компромиссных решениях своих членов. Поэтому любая серьезная подвижка в политике способна нарушить этот компромисс. Вследствие этого интеграционные объединения вынуждены при любых переговорах занимать более жесткую позицию, чем отдельная суверенная страна. В-третьих, интеграционная группировка коллективно защищает своих членов от иностранной конкуренции. Это стимулирует взаимные экономические связи. В результате законы мирового рынка действуют на членов интеграционной группировки косвенно. При таких условиях держава-лидер с трудом может использовать экономические методы для воздействия на соответствующее объединение. Применение же других методов ог-

циями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Как известно, процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций (именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран). Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. За каждым процессом стоят довольно мощные силы, обладающие большим экономическим и политическим потенциалом. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель, т.е. она может стать препятствием на пути дальнейшего развития глобализации.

* * *

Это важно. Таким образом, в конце XX в. конфигурация мировой системы приобрела формально монополярный характер. Мировой лидер в этой ситуации, используя всевозможные средства, может влиять на поведение других стран. Однако он вынужден действовать в весьма противоречивой обстановке. С одной стороны, в пользу укрепления его позиций действуют сближение и переплетение интересов ведущих развитых стран, выявившееся после распада СССР, а также развертывающаяся глобализация, ослабляющая роль национального государства. С другой стороны, становление и опережающее развитие регионализации ограничивают влияние мирового лидера, вызывая повышение конфликтности. В этом же направлении действует расширение «серой» зоны — пространства постоянно увеличивающегося числа наименее развитых стран, где законы западного общества не действуют. Поэтому мировой лидер может воздействовать главным образом силовыми методами.

Таким образом, изменение характера международного разделения труда приводит к качественному перераспределению ролевых функций между развитыми и развивающимися странами в рамках глобального разделения труда. Многие страны Востока все активнее осваивают роль экспортера готовых изделий, созданных на базе предоставленных развитыми государствами технологий и капиталоемких услуг. Одновременно

раничено двумя вышеотмеченными обстоятельствами.

Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенден-

увеличивается значение регионализации как ведущей тенденции мирового развития, и весьма вероятен переход мировой системы к именно многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением

интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами — культурными, экономическими, политическими и иными.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Покажите на конкретных примерах, в чем проявляется разновекторность социально-экономического развития стран Востока.

2. Как политика отдельных стран Востока в сфере образования воздействует на формирование «экономики знаний»?

3. Каким образом в постбиполярную эпоху мировой лидер пытается обеспечить свой контроль над мировой системой?

4. Почему в 80–90-х годах произошло ослабление организованного противостояния Юга экономически, технологически и социально сильному Северу?

5. В свете угрозы распространения ядерного оружия — в каких странах Востока наиболее остро стоит проблема национальных ядерных программ?

6. Назовите основные региональные державы на Востоке и обоснуйте свой выбор.

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспент-пресс, 2007.

2. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности / отв. ред. А.М. Петров. М. : «Гуманитарий», 2004.

3. Лунев С.И. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М. : Academia, 2001.

4. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. Изд-е 2, доп-е. М. : Восток — Запад, 2007.

5. Современные международные отношения и мировая политика : учебник для вузов / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004.

Дополнительная

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2004.

2. Восток — Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2002.

3. Глерию Широкову: Я хотел бы поговорить с тобой / отв. ред. А.М. Петров. М. : Гуманитарий, 2006.

4. Глобальное сообщество: новая система координат / под ред. А. Неклессы. СПб. : Алетейя, 2000.

5. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

6. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2006.

7. Мировая политика : учебное пособие / под ред. С.В. Картунова. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

8. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.

9. Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиция. М. : Книжный дом «Университет», 2000.

10. Панарин А.С. Политология: о мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.

11. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002.

12. The World We Are Entering. 2000–2050 / Ed. By Immanuel Wallerstein, Armand Clesse. Amsterdam: Dutch University Press, 2002.

Интернет-ресурсы

1. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В.В. Михеева. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm>

2. Системная история международных отношений / под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book3/titul.htm>

3. Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем

Востоке / под ред. А. Арбатова и В. Наумкина. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/9380arbatov4.pdf>

4. У ядерного порога: уроки ядерных кризисов в Северной Корее и Ирана для режима нераспространения / под ред. А.М. Арбатова. Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/76528.htm>

5. Ядерное противостояние в Южной Азии / под ред. А. Арбатова и Г. Чуфрина. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/9328arbatov21.pdf>

6. Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / под ред. А. Арбатова и В. Михеева. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/9359arbatov3.pdf>

ВОСТОК И «НОВЫЕ» ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Эта статья позволит вам получить представление о том,

- в каком направлении идет процесс углубления культурно-цивилизационных различий между развивающимися и развитыми странами на современном этапе;

- какие в Восточной Азии появились концепции развития, альтернативные индивидуалистической западной парадигме;

- в чем особенность проявления проблем терроризма и этноконфессиональных конфликтов в афро-азиатском мире;

- как воздействуют на развитие стран Востока демографический и экологический факторы;

- почему энергетическая проблема стала на Востоке одной из ключевых.

1. Межцивилизационные конфликты, сепаратизм, терроризм и этноконфессиональные конфликты

Нарастание культурно-цивилизационных особенностей на современном этапе

Ранее в основе цивилизационных различий и межцивилизационных противоречий лежали не столько экономические, сколько социально-религиозно-культурные факторы. Тем не менее именно экономические факторы сыграли существенную роль в нынешнем изменении глобальной обстановки. Накануне Второй мировой войны все страны Азии и Африки, включая Японию, неимоверно отставали от Запада по всем экономическим и социальным параметрам. Это отставание и осознание своей «второсортности» обуславливали, с одной стороны, приниженное состояние других автохтонных цивилизаций по отношению к европейской, а с другой — безграничные заимствования, безотносительно к тому, соответствовали ли они местным условиям.

В послевоенные десятилетия положение довольно существенно изменилось. Успехи в экономическом развитии, наряду с рядом политических событий (корейская, вьетнамская, афганская и др. войны), изменили отношение афро-азиатских народов к европейской цивилизации. В экономическом плане они продемонстрировали способность конкурировать на чужих рынках и поддерживать более высокие темпы роста, в том числе и душевого дохода. С военно-политической точки зрения превосходство европейской цивилизации оказалось далеко не бесспорным: в лучшем случае европейско-американским силам удалось сохранить лицо. В техническом плане они показали способность не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования: самостоятельное создание атомного оружия в Китае, Индии и в Пакистане — наглядный тому пример. В данных условиях прежняя приниженность и преклонение перед европейцами исчезли. Более того, в общественном мнении наиболее продвинувшихся стран существует убеждение, что в недалеком будущем они смогут догнать и даже превзойти США и Европу.

В конце века Восток переживал настоящий религиозный ренессанс. На Юге резко усилилось влияние религии на государство и правительство. До середины 50-х годов колониальные власти, состоявшие в преобладающей мере из граждан метрополии, в лучшем случае нейтрально относились к местным религиям, а в худшем — дискриминировали их, поощряя насаждение христианства. Поэтому местные религии сохранялись, так сказать, на бытовом уровне. С провозглашением политического суверенитета правительства местные органы стали формироваться из местных граждан, обладавших тем же ре-

лигиозным сознанием, что и прочие жители данной страны. Более того, под влиянием национализма, растущей массы обнищавших и маргиналов религия стала приобретать воинствующий характер, особенно в исламском мире.

Новые теории развития зоны Юга

В восточной политологии появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Севера «коллективистскому» Югу. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением западных стран после распада биполярной системы на развивающиеся государства в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации, сильную клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но четко показать ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция выполняла в Сингапуре модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя мен-

талитет населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959–1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинении авторитету группы, трудолюбии, семье, сбережениях и образовании. Интересно отметить, что, наряду с «отцом сингапурского экономического чуда», основными теоретиками данной концепции стали представители высшей бюрократии страны, получившие европейское образование: дипломат Томми Кох, бывший посол в США Чан Хенг Чи и бывший посол в ООН Кишори Махбубани.

Томми Кох перечислил 10 основных составляющих «азиатских ценностей»: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы. Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией.

Концепция «азиатских ценностей» получила широкое распространение в Восточной Азии. Особую роль в продвижении данной теории сыграл премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад (1981–2003), способствовавший превращению Малайзии в современное государство с развитой экономикой, одно из самых передовых государств исламского мира. Его характеристика «азиатских

ценностей» весьма близка к взглядам сингапурских коллег: ориентация на коллективизм и семью; уважение к власти; иерархично выстроенное общество; патерналистское, нелиберальное и сильное государство.

Данная концепция обрела множество поклонников в Китайской Народной Республике, в том числе и на самом верху, которые неявно, но настойчиво используют ее для оправдания специфики развития КНР в области демократии и соблюдения прав человека. При этом наблюдается стремление соединить традиционные принципы и социалистическую систему (конфуцианство оказывало существенное воздействие еще на первого лидера КНР Мао Цзэдуна).

Среди противников идеи азиатских ценностей в Восточной Азии следует упомянуть в первую очередь политических деятелей, ориентирующихся на западное сообщество, это Далай-лама, бывший президент Тайваня Ли Дэнхуэй, лидер оппозиции Мьянмы Аун Сан Су Чи, бывший заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим и другие. Западные исследователи, как правило, отрицают значимость данной концепции.

Процессы отчуждения от западной цивилизации

На общем фоне возрождение цивилизационных ценностей, начавшееся после достижения политической независимости, в последние два десятилетия сменилось отчуждением от основ европейской цивилизации. Особенно оно ускорилося с началом исламской революции в Иране. Напомним о провозглашении приоритета исламских ценностей и создании исламских республик (Пакистан, Иран, Мавритания и др.), постепенном возрождении идей превосходства желтой расы в Японии с 1980-х гг. Эксперты отмечают рост политического индуизма и индуистского коммунизма в Индии. Не случайно в республике у власти в 1998–2004 гг. находилась «Бхаратия джаната партии» (Индийская народная партия). Вряд ли в от-

ношении нее можно полностью принять традиционный западный термин «партия индуистских националистов», но она и не скрывает своих самых тесных связей с коммуналистской «Семьей сангха» («Раштрия сваямсевак сангх» — «Союз добровольных служителей нации», «Вишва хинду паришад» — «Всемирный совет индуистов», «Баджранг дал» — «Отряд сильных»), откуда партия и вышла. Появилась ветвь воинствующего буддизма, первоначально в Шри-Ланке, наконец, восстанавливаются традиционные культы в ряде африканских стран. Не менее важны и повседневные «мелочи» — отказ от использования некоторых европейских предметов, слушания музыки, просмотра кинофильмов и пр., наблюдающийся даже в образованных семьях азиатских стран.

Процесс возрождения традиционных ценностей и отчуждения от многих ценностей европейской цивилизации порожден рядом разнородных причин. К ним относятся: существование значительных масс населения в системе традиционных отношений и проживающих ниже черты бедности, особенно в крупных странах, попытки части элиты достичь своих политических целей за счет запугивания образом внешнего врага, эйфория от первых несомненных успехов, размывание абсолютного превосходства европейской цивилизации и пр. Однако, возникнув, эти процессы начинают самовоспроизводиться. Поэтому представляется, что нарастание отчужденности в социально-психологической и религиозно-культурной сферах сохранится на достаточно длительное время. В свою очередь, эти расходящиеся цивилизационные особенности оказывают влияние на формирование механизма развития, методы и формы его деятельности и т.п. В результате возникают не только разнотипные национально-производственные структуры, но и закрепляются цивилизационные отличия.

Представляется, что крайне усилившаяся взаимозависимость мира касает-

ся, прежде всего, экономических и политических реалий. Эндогенные процессы, особенно в культурно-цивилизационной сфере, отличаются все большим своеобразием. Часто обращается внимание на поверхностные факторы. Действительно, мода и вкусовые привычки молодежи едины почти во всем мире. Европейский деловой стиль характерен для бизнесменов любой национальности. Практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам. Однако на глубинном уровне в очень многих регионах нет сходства по существу с тем, что принято считать единичными базовыми нормами западной демократии.

Это интересно. *Наступление европейской техники, науки, образования и массовой (американизированной) культуры в настоящий момент не ведет к созданию одноцивилизационного мира, а, напротив, вызывает на Юге своеобразную реакцию отторжения. Данное отторжение может принять форму исламского фундаментализма, африканского негритуа, воинствующего индуизма и прочее. Даже в Японии происходит оживление традиционных религиозно-культурных представлений.*

Наибольшее отторжение европейских норм и ценностей характерно для исламского общества. Исламский мир представляет собой настоящий суперрегион. «Мусульманская дуга» тянется от северо-запада Африки до юго-востока Азии, проходя и по территории России. В социально-экономическом плане здесь заметна огромная дифференциация. Помимо стран-нефтеэкспортеров и государств, вошедших в число достаточно благополучных стран (среди них есть потенциальные региональные лидеры, как, скажем, Индонезия и Иран), существуют многие мусульманские государства, находящиеся в тяжелом положении. Несмотря на внешнюю помощь, экономический рост здесь не поспевает за ростом населения. Когда не происхо-

дит развития экономики и она стагнирует или деградирует, то вместо формирования новых цивилизационных общностей переживают ренессанс старые культурные пласты, и культурные, религиозные и цивилизационные аспекты становятся ведущими в общественной жизни.

Единство исламского мира проявляется не в экономической, а, скорее, в политической и особенно — в культурной сфере. Исламское общество, в отличие от западного, отдает предпочтение не личным интересам индивида, а «коллективистскому» развитию (одно из значений слова «ислам» по-арабски «покорность»). Не случайно было бы трудно привести пример успешной демократизации мусульманской

страны по западному образцу. Очень многие эксперты в качестве такого образца часто называют Турцию, что вряд ли представляется убедительным. Модель развития Турции, находящейся в тесном цивилизационном контакте с Европой,

тесно связанной с Севером экономическими и военно-политическими связями в течение 60 лет, стремящейся стать членом Европейского Союза в течение 40 лет (в связи с чем специально задавались параметры, отвечающие требованиям Европы), по-прежнему серьезно отличается от западных норм (достаточно отметить постоянные вмешательства армии в гражданскую жизнь, во многом в последнее время связанные с ростом влияния исламистов).

Судя по событиям, происходящим в ряде афро-азиатских стран, в ближайшем будущем число теократических мусульманских государств может заметно возрасти. Во внутренней политике такие государства руководствуются традицией (устной или письменной). Во вне-

шнюю политику они пытаются перенести исламские представления, далеко не всегда совпадающие с международно-ценностными.

Проблемы терроризма

Наращение отчужденности между исламским миром и Севером представляет собой неизбежный процесс. Одновременно исламский мир может попытаться использовать единственное оружие, которым он располагает в этом противостоянии: рост исламского экстремизма и радикализма. По-видимому, современный международный терроризм — лишь внешнее проявление культурного расхождения.

За последнее время международный терроризм превратился в одну из основных угроз глобальной, региональной и национальной безопасности. По всей видимости, это стало одним из негативных последствий проходящего процесса глобализации, прежде всего в информационной сфере. Система современных коммуникаций позволяет устанавливать и углублять взаимосвязи террористических организаций, базирующихся в любых уголках земного шара; планировать совместные акции и координировать действия; добывать фактически всю необходимую информацию (от предположений о закупке оружия до инструкций о создании самодельных бомб); получать финансовые средства; вербовать новых сторонников и боевиков и т.д.

При анализе международного терроризма особо следует выделить пропагандистскую деятельность, которая является его важнейшей составляющей. Главной задачей террористов является не осуществление самих террористических актов (этот метод и механизм), а запугивание населения, принуждение его к неадекватной реакции и давлению на правящие структуры, чтобы те осуществили выгодные террористам шаги. Так, недавние террористические акты в Испании, осуществленные исламистами, привели к смене правящей партии и объявлению новым правительством о выводе

испанских войск из Ирака. Средства массовой информации (прежде всего, телевидение) являются основным проводником идей террористов, поскольку именно через них последние и осуществляют нужное им психологическое воздействие на население.

Террористическая деятельность вышла за пределы национального государства. Многие политики и эксперты пытаются утверждать, что международного терроризма не существует и он якобы основан на национальном принципе. Однако в этом случае очень сложно ответить на вопросы, каким образом уйгурские боевики из Синьцзяна сражались в Чечне, а чеченские бандиты — в Афганистане, каким образом синхронизированы действия исламистских террористов — от Индонезии до Марокко и т.д.? Сейчас же можно говорить о едином исламистском террористическом фронте, который имеет общие базы и тренировочные лагеря, полностью координирует свою деятельность, придерживается единой тактики и стратегии.

Сейчас мы являемся свидетелями двух основных тенденций. Во-первых, политический терроризм (свойственный в первую очередь Европе) и национальный терроризм (борьба за самоопределение — Северная Ирландия, Курдистан, Пенджаб и т.д.) стали иметь меньшее значение. На первый план вышел религиозный терроризм. К сожалению, в рамках всех мировых религий, как и многих национальных, появились свои террористические организации. Наибольшее звучание приобрел, естественно, исламистский терроризм.

Этноконфессиональные конфликты

Одним из главных новых вызовов в постбиполярном мире стала проблема национального и религиозного взаимодействия/отторжения. Этноконфессиональные конфликты называются в качестве основополагающих угроз в доктринах национальной безопасности различных стран, в стратегических концепциях раз-

личных военно-политических и экономических организаций. Этнические и конфессиональные конфликты на Востоке объясняются социально-экономическими, культурно-цивилизационными и историческими факторами. Именно политика европейских колонизаторов, которые в целях укрепления своего положения проводили традиционный курс «разделяй и властвуй», предоставляли привилегии то одним этноконфессиональным группам, то другим, противопоставляя их друг другу, вела к резкому росту напряженности. Нередко меньшинства занимали более привилегированное положение в государственном аппарате и экономике, что вызывало недовольство большинства населения.

Это важно. Этнические и конфессиональные конфликты в Азии часто не совпадают друг с другом, и можно говорить о них раздельно. Этнический фактор играет очень большую роль на Востоке, но религиозные противоречия в целом еще более значимы.

Религиозный ревайализм, тесно связанный с ростом радикализма и экстремизма, наглядно проявляется в буддийском ареале. Данное обстоятельство особо четко показывает глобальные измерения этого феномена, поскольку буддизм традиционно воспринимается как самая мирная и миролюбивая религия. Вместе с тем в Южной Азии, например, буддийская сангха (единое сообщество монахов) становится воинствующей при столкновении с представителями других религий.

Так, в Бутане на рубеже 1980–1990-х гг. под давлением буддистской общины были приняты законы (признание только языка дзонг-кэ, требования носить традиционную бутанскую одежду, прически и соблюдать буддийские обычаи и ритуалы, ограничения на въезд граждан Индии), которые привели к волнениям среди лиц непальского происхождения (индуистов) и их столкновениям

с армией. Власти обвиняют оппозицию (т.е. треть своего населения) в «терроризме», но те полагают, что проводится политика «бутанизации» и идет целенаправленное выдавливание лиц, отличных в религиозном плане. Сейчас в специальных лагерях в Непале и Индии проживают более 130 тыс. беженцев из Бутана. Интересно отметить, что в страну категорически запрещен ввоз любой небуддийской литературы (в том числе и индуистской).

В Шри-Ланке некоторые буддийские священнослужители-фанатики стали, по существу, инициаторами антитамильских погромов в июле 1983 г. Именно после этого конфликт между сингалами и тамилами перерос в гражданскую войну, к 2005 г. унесшую жизни более 70 тыс. человек. В настоящий момент

значительная часть буддийской сангхи в Шри-Ланке ставит знак равенства между этносом и конфессией, низводя буддизм до уровня национальной религии. Любопытно, что в по-

давляющем большинстве индийские северяне сейчас поддерживают в Шри-Ланке тамилы (индуистов), выходцев с дравидского юга Индии, а не сингалов (буддистов), выходцев с «арийского» севера.

Индийскому обществу после завоевания независимости удалось прийти к достаточному единству взглядов на главные внутривнутриполитические и внешнеполитические макропроблемы. Национальное согласие в Индии — не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры. Однако именно конфессиональный фактор не дает возможности полагать, что в Индии выработана исключительно продуктивная модель национального согласия. Мусульманская община Индии — огромный пласт общества — во многом вытолкнута из этого национального согласия, и в отношении ее крайне слабо реализуются основные принципы

политического компромисса. Есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны мусульманских верхов. В Индии постоянно происходят межобщинные столкновения (наиболее крупномасштабные события за последнее время произошли в штате Гуджарат весной 2002 г.). В некоторых местностях страны происходят и преследования христиан.

Реализация лозунга хиндутвы, т.е. установления индусского образа жизни для всех, может вызвать стремление к единообразию, а именно плюрализм является основой индийской цивилизации. Его подрыв как минимум может повлечь за собой серьезные политические последствия, а худший сценарий будет означать начало распада государства.

Еще более рьяно отстаивают свои религиозные принципы мусульманские государства Южной Азии. В Мальдивской Республике, в которой на туризм приходится треть ВВП, в знак солидарности с палестинцами отказывают в выдаче виз гражданам Израиля. В Бангладеш ислам играет значительно меньшую роль, чем в большинстве мусульманских стран. Однако дискриминация индусского населения нередко принимает такие формы, что происходит массовая миграция в Индию (следует, безусловно, учитывать и социально-экономические факторы). Она достигает таких масштабов, что Индия то начинает сооружение непроходимых участков на 4-тысячекилометровой границе с Бангладеш, то объявляет о намерении начать ее минирование.

Религия играет особую роль в Пакистане (не случайно реформация ислама носила в Индии коммуналистский характер задолго до завоевания независимости), который пытается всячески сохранить национальную индивидуальность перед лицом Индии, доминирующей в Южной Азии (в том числе и в культурной сфере). Вот что об этом сказал пакистанский ученый Вахиз-уз-Заман: «Если арабы, турки, иранцы откажутся от ислама, арабы все равно останутся арабами, турки — турка-

ми, иранцы — иранцами. Но что останется от нас, если мы откажемся от ислама?» Теория двух наций основоположника Пакистана М.А. Джинны противопоставляется, таким образом, концепции единой нации М. Ганди. Правда, следует отметить конфессиональные различия — между суннитами и шиитами — в Пакистане.

Усиление исламистского радикализма и экстремизма в Пакистане имеет самые негативные последствия и для внутреннего развития Индии, тем более что, по исламскому канону, иудеи и христиане имеют статус «покровительствуемых», а индуисты, как представители политеистической религии, должны перейти в ислам или быть уничтожены. Рост политического ислама в Пакистане оказывает прямое воздействие, с одной стороны, на мусульманское население страны, а с другой — на индуистские шовинистические силы и приводит к укреплению политического индуизма уже в самой Индии.

Религиозные противоречия особенно негативно влияют на индийско-пакистанские отношения. Более того, в этой сфере отличия между двумя странами существуют в наиболее опасной форме: определенная степень культурно-цивилизационного сходства при наличии различных религий. В условиях глобальной тенденции к усилению религиозного ревайвализма противоречия между Индией и Пакистаном могут лишь углубляться.

В целом религиозный фактор более значим и в Восточной Азии. Мусульмано-христианские столкновения в Индонезии и на Филиппинах, рост политического ислама в Юго-Восточной Азии, определенная дискриминация христианского меньшинства в Северо-Восточной Азии и Индокитае в настоящий момент являются более важными факторами, чем этническая напряженность, которая, безусловно, также существует в регионе. В этом плане несколько отличается Китай, в котором очень остро стоит проблема этнических меньшинств, чьи национальные районы занимают 60% территории страны.

На Ближнем и особенно Среднем Востоке ситуация складывается весьма своеобразная. Религиозный реваншизм именно в этом регионе создает одну из основных угроз глобальной безопасности. При этом на уровне национального государства превалируют этнические конфликты (противостояние пуштунов с таджиками, узбеками и туркменами в Афганистане; курдская проблема, прежде всего в Турции и Ираке; начинающаяся конфронтация арабов с приезжими из Индии, Пакистана, Филиппин и т.д. в нефтядобывающих странах Персидского залива; берберский вопрос в Магрибе). Интересно отметить, что наиболее острые формы противостояния характерны для стран, ранее входивших в Османскую империю, в которой практически отсутствовала национальная дискриминация и не наблюдалось стремления к стиранию этнических различий.

Этнические конфликты превалируют и в Африке, где, правда, существует турбулентная зона по разделу Северной и Тропической Африки. Здесь открыто проявляются религиозные противоречия между арабизированным и африканским населением.

В Африке в постбиполярный период важную роль продолжают играть межгосударственные конфликты, основанные на этноконфессиональных противоречиях. В других частях мира значение конфликтов подобного типа в межгосударственных отношениях снизилось. Следует, правда, выделить уже отмечавшиеся индийско-пакистанские противоречия, конфликты на постсоциалистическом пространстве и палестино-израильский «узел».

Что касается конфликтов на постсоциалистическом пространстве, то их можно условно также «записать» в специфический вариант гражданской войны, поскольку речь идет о бывшей единой территории. Кавказ и Центральная Азия стали геополитически-

ми регионами после распада социалистической формы государственности, объединявшей этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в весьма сложных отношениях друг с другом. Этот распад привел к тому, что исторические противоречия между этносами и бывшими советскими республиками или их субрегионами стали проявляться в открытой форме. Здесь до сих пор не завершились процессы образования наций современного типа и становление их государственности. Произвольно проведенные в советское время границы между республиками привели к тому, что естественные границы расселения народов были рассечены административными, получившими статус государственных. Объединенными в государства оказались национальные, религиозные и культурные общности, весьма далекие друг от друга. Потенциально это создает ситуацию всеобщего регионального конфликта, связанного с возможностью пересмотра существующих границ.

2. Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем

Экологические и демографические проблемы

Не менее острым вызовом является экосистемный кризис. По данным международного доклада «Оценка экосистем тысячелетия» (2005 г.), земная цивилизация уже перешагнула «пределы роста». Наиболее пострадали засушливые территории (90% приходится на долю развивающихся стран), составляющие 41% поверхности суши. Сейчас здесь проживают 2 млрд человек. Таким образом, «перекрещиваются» экологические и демографические проблемы.

Это важно. Наиболее быстро растет рождаемость как раз в самых бедных регионах мира (в Африке в 1970 г. проживало 5% населения Земли, в начале века — 12%, а по прогнозам, к 2025 г. — 20% численности — в условиях, ког-

да из 31 страны с наименьшим индексом развития человеческого потенциала 29 — это африканские страны). В результате резко возрастает «нагрузка на землю», происходит истощение почв и других невозобновляемых ресурсов, обезлесение. 15 из 24 экосистем, отвечающих за жизнь на Земле, серьезным образом деградировали, и большинство из них расположены в развивающемся мире.

В развитых странах появилась новая дисциплина — экологическая этика (область исследований, предметом которой является выработка нравственных основ отношения к природе в процессе ее использования). Его наиболее радикальное направление предлагает человечеству отказаться от господства над природой. Это свидетельствует о том, что на Севере начинается осознание существования экосистемного кризиса в мире, а экологические проблемы могут быть окончательно сняты лишь в глобальном масштабе: в границах национальной территории, да и в рамках континента, их нельзя решить. За последнее время произошел перенос «грязных» производств (а также трудоемких и энергоемких) из США и Европы в развивающиеся страны на основе деятельности ТНК либо долгосрочной контрактации продукции местных предприятий. Но это не привело к решению экологических проблем в зоне развитых государств. В Европе резко улучшилось качество воды и почвы, но климатические катаклизмы случаются все чаще.

Индустриальный путь, по которому идут Китай и Индия, приводит к жесточайшему нарушению экологического баланса. До последнего времени основным первичным источником потребления энергии в Китае и Индии являлся уголь. Но рост потребления этого источника практически невозможен. Так, во время сжигания угля для производства электро-

энергии образуется летучая зола. Азиатские гиганты занимают первые места в мире по этому показателю: ежегодно в КНР образуется более 120 млн т летучей золы, а в Индии — 80–100 млн т. В результате в двух странах идут кислотные дожди,

вызывающие крайне негативные последствия. Более того, другие государства (Япония, Южная Корея, Филиппины) уже зафиксировали на своих территориях кислотные дожди из-за загрязнения окружающей среды, вызванного сжиганием угля в Китае. Именно угольная промышленность КНР и Индии вызывает особое опасение международной общественности. Китай занимает первое место в мире по выбросам (более 10,4 млн т, более 25% от мировых выбросов), а Индия — третье, после США (более 2,5 млн т; 6,3% от мировых выбросов). Азиатские гиганты являются главными в мире загрязнителями почвы, воды и низших слоев атмосферы (США — верхних слоев атмосферы).

Это интересно. *В азиатских странах экологические кризисы случались еще в древности. Вырубка лесов началась в Индии и Северном Китае еще в III тыс. до н.э. (данная причина и засоление почвы привели к гибели древнейшей индийской цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппа, а Китай столкнулся с серьезными экологическими проблемами в V в. до н.э.).*

Обращает на себя внимание негативное отношение всех трех стран к Киотскому протоколу. Западные политики и эксперты подвергают резкой критике политику азиатских гигантов в экосистемной сфере, отмечая, что быстрые экономические темпы развития азиатских гигантов — в условиях слаборазвитых и малоприменяемых ресурсосберегающих и природоохранных технологий — ве-

дут к новому раунду увеличения нагрузки на природу, что может привести к полной деградации окружающей среды. Они полагают, что, если потребление в азиатских гигантах приблизится к уровню развитых стран, то не выдержит мировая экосистема. В свою очередь, в развивающихся государствах отмечают полное нежелание западного общества отказаться от своей экономической модели, основанной на консьюмеризме, т.е. на потребительстве и оценке потребительских благ как господствующих ценностей. Идеи экологической этики никак не реализуются на практике в развитых странах, тем более что активное «преобразование» природы и отсутствие связи человека и природы в единое целое имманентно присущи западному обществу.

Экосистемные проблемы в Азии пока ведут не столько к конфликтам между соседями, сколько к стремлению стран континента оказать содействие друг другу в экологической сфере, поскольку она не признает национальные границы. Такой же координации усилий требует и *распространение эпидемий*, которые регулярно вспыхивают в Азии.

Энергетические проблемы

Чрезвычайно быстрое экономическое развитие азиатских гигантов требует весьма существенного постоянного роста потребления энергии, поскольку лидеры развивающегося мира выбрали индустриальный путь развития. Экосистемные проблемы вынуждают отказываться от традиционного топлива (уголь) и особое внимание уделять нефтяной и газовой сфере. К тому же доля нефти в мировом потреблении энергии достигла в начале века 39%, а газа — 23%. В ближайшем будущем доля газа, без сомнений, будет возрастать, а доля нефти может уменьшиться, но не существенно.

После угля нефть является основным первичным источником потребления энергии в Китае. В начале 2000-х гг. на газ приходилось лишь 2,7% потребления товарных энергоресурсов производ-

ственного назначения, но значение газа очень быстро увеличивается. С 1993 г. Китай превратился в импортера нефти, и его зависимость от поставок нефти из региона все больше усиливается. В 2007 г. КНР импортировала уже 3,2 млн баррелей в день. По мнению Международного энергетического агентства (Париж), к 2025 г. на Китай будет приходиться 9% мирового потребления нефти, справедлив, и через 20 лет КНР будет вынуждена импортировать 7,5 млн баррелей нефти в день. По этому же прогнозу, потребление газа в Китае составит 3,5% мирового потребления газа к 2025 г.

На Индию приходится 12,5% потребления энергии в АТР, а доля газа и нефти составляла 42% потребляемой страной энергии. По оценкам, к концу четверти века эта цифра может превысить 50%. По прогнозу Международного энергетического агентства, в 2025 г. ей понадобится потреблять 5,5 млн баррелей нефти в день и 3,4 трлн куб. футов газа. По оценкам индийского правительства, уже через три года стране придется импортировать 75% потребляемой в стране нефти. С начала века Индия начала импортировать и газ.

Нефть является главным источником энергии в Японии, которая импортирует более 95% от своих потребностей. По данным Международного энергетического агентства, Япония уменьшит потребление в относительном плане (по нефти — с 6,8% мирового потребления в 2005 г. до 5,8%), но в абсолютном — потребление будет по-прежнему очень велико. Всего, по прогнозу, средний ежегодный рост общего потребления энергии до 2025 г. составит в Индии 2,6%, Китае — 1,8%, Японии — 0,3%, а к 2030 г. Индия и Китай будут потреблять около 45% энергоресурсов мира.

У КНР есть определенные возможности нарастить добычу нефти и газа. У Индии таких возможностей меньше, а у Японии — нет никаких шансов. Но для всех стран зависимость от импорта бу-

дет возрастать, что подразумевает рост уязвимости от ценовых потрясений на мировом рынке и нестабильности поставок.

Более того, существует зависимость от одного региона мира — Ближнего Востока. На него приходится 76% общего импорта нефти странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Япония на 88% обеспечивает свои потребности в нефти за счет стран Персидского залива. Зависимость в импорте газа намного меньше (22%), поскольку 51% газа ввозится из Индонезии и Малайзии. На Ближний Восток приходится три пятых импорта Китая и почти весь импорт Индии. Подобная ситуация требует диверсификации ввоза углеводородов, поскольку азиатские гиганты становятся чрезвычайно уязвимыми, особенно из-за роста нестабильности на Ближнем Востоке.

События, развернувшиеся после 11 сентября 2001 г., демонстрируют жесткий вариант развития мировой системы. Иракская война 2003 г. подтвердила, что реальная политика США не имеет никакого отношения к борьбе с международным терроризмом, а направлена на обеспечение своей полной гегемонии в мире. Очевидно, что главной целью США было стремление обеспечить контроль даже не над иракской нефтью (11% мировых запасов), а над всем Ближним Востоком. Это даст гигантские рычаги воздействия на индустриально развитые державы и наиболее быстро развивающиеся страны Азии.

В случае неспособности США и мирового сообщества сдерживать экстремистские настроения в регионе террористические атаки исламистских сил поставят под угрозу маршруты транспортировки нефти и газа, что крайне болезненно скажется на азиатских странах, импортирующих углеводороды.

Если же США поставят под контроль Ближний Восток, это приведет к новой угрозе для азиатских гигантов: Соединенные Штаты будут полностью контролиро-

вать энергетическую безопасность в Азии, что даст им возможность вынуждать страны придерживаться того внешнеполитического и внутривнутриполитического курса, который отвечает интересам Вашингтона.

Существует и третий сценарий в отношении Ближнего Востока: сохранение статус-кво. В результате начнется период неопределенности и периодически вспыхивающих спорадических конфликтов. Но в дальнейшем весьма вероятно, что события будут развиваться по первому или второму варианту.

Потенциал России и начало сотрудничества в энергетической сфере

Все три сценария требуют от азиатских гигантов настоятельно искать альтернативу региону, откуда импортируются углеводороды. Очень много внимания было уделено Центральной Азии. Оценки запасов нефти и газа в регионе, особенно в Каспийском море, крайне противоречивы. По всей видимости, внимание нужно обращать исключительно на разведанные доказанные запасы. Мировой уровень советской геологоразведки дает основание полагать, что наиболее рентабельные месторождения были известны к 90-м годам, и открытые в постсоветский период запасы нефти находятся очень глубоко, что и не вызвало интереса в советский период. Новых грандиозных открытий сделано не было. Так что в перспективе никакого превращения бассейна Каспийского моря в «новый Персидский залив» не произойдет.

Подобное не означает, что можно игнорировать возможности региона по добыче углеводородов, но питать особые надежды не следует. Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что углеводородные ресурсы России нередко недооцениваются. В то же время потенциал РФ несравненно превышает потенциал Центральной Азии. На 13% территории Земли, в стране, где проживает менее 3% населения мира, сосредоточено около 13% мировых разведанных запасов нефти и 34% запасов природного газа. Ежегод-

ное производство первичных энергоресурсов в России составляет более 12% от мирового производства.

Россия за последние годы занимает по добыче нефти первое-второе место в мире вместе с Саудовской Аравией. В начале 2005 г. Министерство экономического развития и торговли РФ в своей среднесрочной программе социально-экономического развития на 2005–2008 гг. пересмотрела цифровые положения энергетической стратегии, принятой правительством 22 мая 2003 г. (согласно стратегии в 2010 г. будет добыто 490 млн т нефти и 665 млрд куб. м газа). Теперь по основному варианту должен произойти уже в ближайшие годы рост объемов добычи нефти до 500 млн т в год, а второй, или целевой, вариант предполагает увеличение объемов добычи нефти до 530 млн т за счет увеличения ассигнований на геологоразведку и интенсивную разработку месторождений.

Более скромные успехи достигнуты в газовой сфере. В прогнозе социально-экономического развития РФ на 2007–2009 гг., опубликованном Минэкономразвития России, отмечалось, что в 2007 г. в РФ будет добыто 668 млрд куб. м природного и попутного газа, в 2008 г. — 683 млрд куб. м, а в 2009 г. — 658 млрд куб. м природного и 47 млрд куб. м попутного газа. Прогноз оказался излишне оптимистическим: в 2007 г. произошло даже падение добычи газа (на 0,8%), но пальму первенства у России в добыче и экспорте газа не оспаривает ни одна страна.

Запасы натурального газа в Восточной Сибири и Дальнем Востоке весьма велики. Именно их следует оценивать в первую очередь, поскольку газопроводы из этого региона в Китай, Японию и Южную Корею будут экономически значительно более выгодными, чем газопроводы из Западной Сибири и Центральной Азии. Обращает на себя внимание постоянный рост доказанных запасов Восточной Сибири и Дальнем Востоке.

Для РФ также крайне важно диверсифицировать направления своего топ-

ливого экспорта. После расширения ЕС на его долю стало приходиться более 50% внешнеторгового оборота России, а основой российского экспорта являются именно энергоносители, преимущественно углеводороды. Европейский Союз опасается зависимости от России в данном вопросе и постоянно ищет альтернативу российским товарам. Россия тоже должна искать новые маршруты нефте- и газопроводов — в восточном и южном направлениях, чтобы не оказаться заложницей Европы.

Долгое время потенциал России в энергетической сфере не был востребован азиатскими гигантами, в первую очередь по политическим соображениям. Так, еще в 1972 г. Москва предложила Токио построить нефтепровод из Западной Сибири до порта Находка, но японское правительство под нажимом Китая отвергло это предложение.

За последнее время сотрудничество начало развиваться, хотя очень медленно. Японские компании стали инвестировать в нефтегазовый сектор России. Начали прорабатываться возможности построения газопровода из России в Японию по дну моря по аналогу с «Голубым потоком» в Турцию. В 2001 г. индийская государственная нефтегазовая компания ONGC Videsh Limited заключила соглашение с «Роснефтью» об инвестировании 1,7 млрд долл. в разработку проекта «Сахалин-1». Начались переговоры о возможности поставок углеводородов по транспортному коридору «Север — Юг» (Россия — Иран — Индия). В 2003 г. российское правительство подтвердило решение построить экспортный нефтепровод из Восточной Сибири на Дальний Восток «Ангарск — Находка» с ответвлением в Китай на Дацин, а окончательное решение о его создании было принято в конце 2004 г. В соответствии с решением правительства основным импортером нефти становится Япония.

В октябре 2004 г. в Пекине в рамках официального визита Президента РФ

Владимира Путина в КНР было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, предусматривавшее широкий спектр направлений сотрудничества, в том числе проработку вопросов, связанных с организацией «Газпромом» поставок природного газа из России в Китай. Для руководства работой по выполнению соглашения создан совместный координационный комитет, совместная общая рабочая группа и рабочие группы по основным направлениям сотрудничества.

К сожалению, на пути развития сотрудничества РФ с азиатскими гигантами в энергетической сфере существуют многочисленные барьеры. Парадокс ситуации заключается в том, что углеводороды из Сибири вывозятся в Европу, а не в Азию, которая является по крайней мере не худшим партнером, чем Европа; западные инвесторы проявляют большую активность, чем азиатские; инфраструктура Восточной Сибири и Дальнего Востока не развита, несмотря на огромный экономический потенциал.

В этом плане включение в макрорегион азиатской части России и Центральной Азии и всестороннее развитие энергетических связей позволит азиатским государствам добиться:

- диверсификации импорта газа и нефти, что позволяет повысить энергетическую безопасность;
- обеспечения большей независимости от действий мирового лидера;
- получения надежного поставщика в долгосрочной перспективе;
- роста коммерческой выгоды;
- улучшения экологической обстановки;
- углубления региональной интеграции.

Развитие кооперации с азиатскими государствами даст России возможность:

- развития крайне запущенной инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока;

— повышения жизненного уровня населения;

— налаживания континентального сотрудничества;

— превращения российского макрорегиона в реальные ворота в АТР;

— диверсификации направлений своего топливного экспорта.

Вместе с тем существуют две тенденции в политике государств АТР. С одной стороны, есть силы, стремящиеся к созданию макрорегиональной энергетической интеграции. С другой стороны, Соединенные Штаты подталкивают к созданию водораздела между импортерами и экспортерами углеводородов, и им удалось добиться определенных результатов. В декабре 2006 г. в Пекине состоялась первая встреча министров энергетики основных нефтепотребляющих стран (США, Китай, Япония, Индия и Южная Корея). Подобное разграничение импортеров и экспортеров негативно скажется на интеграционном развитии Азии. По-видимому, развитие ситуации в равной степени возможно по любому сценарию.

Одновременно в Азии наблюдается как конкуренция за доступ к энергоресурсам, так и стремление к совместным действиям. Китай, Япония и Индия часто воспринимают друг друга как соперников. Так, ответом Индии на проведение в Пекине в ноябре 2006 г. форума сотрудничества «Китай — Африка» стала организация в ноябре 2007 г. в Дели первой индийско-африканской конференции по углеводородам. Индийские эксперты и журналисты не скрывают, что Индия крайне заинтересована в доступе к центральноазиатским ресурсам и своим главным конкурентом считает КНР (интересно, что Россию Индия рассматривает как перспективного партнера в Центральной Азии). Вместе с тем экономическая конкуренция не перерастает по этому направлению в политическую, и существует в целом осознание взаимных интересов. Началось сотрудничество тех же Китая и Индии по конкретным проектам

в третьих государствах в энергетической сфере, а в январе 2006 г. было подписано специальное соглашение о сотрудничестве государственных компаний двух стран.

* * *

Создание многополярного и многоцивилизационного мира, по-видимому, является основным магистральным путем современного общества. Как было отмечено, цивилизационные особенности оказывают влияние на особенности моделей развития стран Востока. Вместе с тем, бесспорно, в мире существует и тенденция к созданию сложной системы межгосударственных отношений, построенной на общности экономических и политических интересов, а равно и на осознании заинтересованности в снижении остроты «общечеловеческих» проблем (экология, демография, «третий мир», предстоящая нехватка продовольствия и сырьевых ресурсов), хотя пока она проявляется, скорее, в виде деклараций о намерениях.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В какой период, кем и по каким причинам была выдвинута концепция «азиатских ценностей»?
2. Какая цивилизация демонстрирует наибольшую степень отторжения европейских ценностей?
3. Что является важнейшей целью террористической деятельности? (Приведите конкретные примеры.)
4. Какие виды конфликтов, этнические или конфессиональные, представляют на Востоке более острую проблему?
5. Какие страны Востока в силу особенностей выбранной ими модели развития создают серьезные проблемы для мировой экологической ситуации?
6. В чем проявляется проблема безопасности маршрутов транспортировки нефти и газа для азиатских стран, импортирующих углеводороды?

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект-пресс, 2007.
2. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности / отв. ред. А.М. Петров. М. : «Гуманитарий», 2004.
3. Лунев С.И., Широков Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М. : Academia, 2001.
4. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, доп. М. : Восток — Запад, 2007.
5. Современные международные отношения и мировая политика : учебник для вузов / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004.

Дополнительная

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2004.
2. Восток — Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2002.
3. Глерию Широкову: Я хотел бы поговорить с тобой / отв. ред. А.М. Петров. М. : Гуманитарий, 2006.
4. Глобальное сообщество: новая система координат / под ред. А. Неклессы. СПб. : Алетейя, 2000.
5. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
6. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2006.
7. Мировая политика : учебное пособие / под ред. С.В. Кортюнова. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
8. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.
9. Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиция. М. : Книжный дом «Университет», 2000.
10. Панарин А.С. Политология: о мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.

11. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002.

12. The World We Are Entering. 2000–2050 / Ed. By Immanuel Wallerstein, Armand Clesse. Amsterdam: Dutch University Press, 2002.

Интернет-ресурсы

1. Human Development Report 2007/2008. Fighting Climate Change: Human

Solidarity in a Divided World. UNDP. New York: Palgrave Macmillan, 2007 — URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_20072008_EN_Complete.pdf

2. World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Edited by Robert A. Denemark. New York: Routledge, 2000. URL: <http://books.google.ru/books?id=SjpKFSq9VD0C&pg=PR19&lpg>

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Эта статья позволит вам получить представление о том,

- каковы основные тенденции последних лет в военно-политической сфере в восточноазиатском регионе;
- с какими новыми вызовами сталкивается регион в постбиполярную эпоху;
- как развиваются внешнеэкономические связи региона;
- по какому пути идут процессы региональной экономической интеграции.

1. Реликтовый феномен конфликтогенного комплекса междунациональных связей в регионе Восточной Азии

Проблемы региональной системы безопасности в постбиполярную эпоху

Система безопасности в регионе Восточной Азии основывается фактически на организационном фундаменте времен холодной войны. В основе данной системы лежат двусторонние договоры США с союзниками в регионе: Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Таиландом, Тайванем. В стратегических концепциях Вашингтона этот формат получил название «системы оси и спиц»: осью являются сами Соединенные Штаты, договоры которых со стратегическими союзниками в регионе уподоблены «спицам». Подобная система является антиподом «сетевого» стратегического союза, организационная структура которого построена на принципах равноправного участия и коллегиальности при принятии решений. Классическим примером последнего является блок НАТО.

Особенность отдельных союзнических договоров в рамках «системы оси и спиц» хорошо прослеживается на при-

мере японо-американского военно-стратегического союза, занимающего в рамках данной системы ключевое положение. Уровень стратегического интегрирования Японии в америкоцентристскую систему безопасности продолжает оставаться на порядок ниже, чем у стран НАТО, в отличие от которых Япония официально отказывает США в размещении на своей территории ядерных средств, воздерживается от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, участвует в военных действиях лишь при непосредственной угрозе своему суверенитету.

Исторически «система оси и спиц» базируется на принятой Пентагоном политике о потенциальной возможности перехода некоторых стран данного региона на статус «враждебных». За счет перекрытия зон ответственности в рамках двусторонних договоров с союзниками США пытаются обеспечить дополнительный «запас прочности» америкоцентристскому комплексу региональной безопасности: изменение ситуации, сопровождаемое модификацией подходов отдельных стран-союзников к военно-стратегическому партнерству с Вашингтоном, не ставит под угрозу общую стабильность ситуации в регионе, обеспечиваемую за счет «многослойного» характера «системы оси и спиц».

После завершения периода холодной войны в Восточной Азии произошли существенные изменения геометрии «полюсов силы» в международных отношениях, отражающие новые реалии, сложившиеся в постбиполярном мире. В результате распада СССР США остались единственной

военной сверхдержавой, в связи с чем реальные очертания приобрела угроза складывания такой системы международных отношений, в которой приоритет имели бы экономические и военно-политические интересы Вашингтона. Широкое распространение в 90-е годы прошлого века получила теория «унилатеризма», или «однополярности», в которой США признавались единственным полюсом силы, способным диктовать свои условия остальному миру.

Однако с начала 2000-х гг. проблема «унилатеризма» стала постепенно терять свою актуальность в связи изменениями в геометрии «полюсов силы», связанными с появлением новых «центров силы» (в лице, например, стран BRICs, под которыми подразумеваются Бразилия, Россия, Индия и Китай, т.е. страны с быстро-растущей экономикой) и формированием реальной многополярности.

Применительно к региону Восточной Азии данный процесс проявил себя в виде фактора борьбы за лидерство в регионе сразу нескольких держав, претендующих на статус «полюсов силы», а именно США, Китая и России, а также Японии, продолжающей, несмотря на ослабление своих глобальных экономических позиций, оставаться крупнейшим игроком на авансцене международных отношений в регионе. В этой связи насущность для региона, помимо фактора макрополитической стабильности, обеспечиваемой за счет америкоцентристской системы безопасности, приобрели также факторы китайско-американского и японо-китайского соперничества в экономической и военно-политической плоскостях, фактор влияния России, а также механизмы многостороннего взаимодействия при решении конкретных проблем региона (безопасности на Корейском полуострове, терроризма, морского пиратства, оборота наркотиков и т.д.) Кроме того, в отражении глобальных тенденций в пользу усиления роли невоенных аспектов влияния в международных отношениях в регио-

нальных комплексах безопасности происходит дальнейшая актуализация понятия «мягкой силы», под которой понимается культурная и идеологическая экспансия государств, а также конкуренция представляемых ими образов и мировоззренческих ориентиров.

Дополнительным фактором нестабильности в регионе является наблюдаемое здесь в страновой и субрегиональной плоскостях большое разнообразие по признакам уровня экономического развития, социально-культурного и этноконфессионального фона, масштабов (государств, территорий, населения), государственного строя и политических систем. Фактор «несходства» нередко препятствует установлению взаимопонимания и налаживания взаимодействия как при решении политических и военно-стратегических проблем, так и организации экономической интеграции.

Среди имеющихся в регионе специфических проблем, оказывающих свое воздействие на общую картину в сфере безопасности, следует упомянуть тайваньскую проблему и проблему урегулирования на Корейском полуострове. Эти проблемы оказывают негативное воздействие на общий климат международных отношений и не поддаются решению в краткосрочный период времени.

Источниками постоянной военно-политической напряженности являются имеющиеся здесь территориальные конфликты. Территориальная проблема так или иначе проявляет себя в отношениях между Японией и Китаем, Японией и Россией, Китаем и Южной Кореей, Китаем и Вьетнамом, Южной Кореей и Японией, постоянно генерируя взаимное недоверие и настороженность. В этих условиях негативное воздействие оказывает также отсутствие в регионе «медиаторских субъектов», т.е. акторов (государств, страновых объединений, влиятельных международных организаций), способных взять на себя роль посредника в реализации системы всеобъемлющей безопасности.

Фактором, препятствующим налаживанию интеграционного взаимодействия, служит рост националистических настроений в таких странах, как Китай, Южная Корея, Япония, страны Юго-Восточной Азии.

Это явление имеет различные формы проявлений. Одним из них, в частности, является рост антиамериканских настроений. Так, по данным американских социологических служб, к США в 2007 г. «позитивно» относилось лишь 34% граждан Китая, 61% граждан Японии и 35% граждан Южной Кореи.

Другой формой проявления национализма является его «историко-культурный» тип, в основе которого лежит груз исторического опыта с множеством неприятных страниц. Так, в Японии около 70% опрошенных в июне 2007 г. считали Китай «высокомерной страной», 90% — негативно оценивали военный рост КНР. В то же время в Китае около 70% участников опроса в 2007 г. дали в 2007 г. оценку Японии как «националистической» и «недружественной» Китаю страны.

Проявления национализма в отношении Японии со стороны Китая и Южной Кореи во многом связаны с неурегулированностью, по мнению этих стран, многих проблем Второй мировой войны. К числу последних, в частности, следует отнести проблему храма Ясукуни (посещение японскими официальными лицами синтоистского храма, в котором, как считается, покоятся души японских военнослужащих, в том числе и тех, кто был осужден за военные преступления на территории стран, подвергшихся в годы Второй мировой войны японской агрессии); проблему школьных учебников по истории (в некоторых издаваемых при одобрении министерства образования Японии учебниках средней школы по истории отсутствует четкая оценка японского вторжения в азиатские страны в годы Второй мировой войны как агрессии); проблему «комфортных женщин» (корейнок, которых насильно заставляли оказывать сек-

суальные услуги японским военнослужащим в период Второй мировой войны).

Свое влияние оказывает также национализм, окрашенный в «культурно-исторические» тона. Так, например, в Южной Корее в 2007 г. существенное воздействие на настроения граждан оказывала политика США, направленная на международную изоляцию Северной Кореи в связи с проведением Пхеньяном испытания ядерного взрывного устройства в октябре 2006 г. В основе этого подспудно лежало осознание Кореи как единого, но временно разделенного государства, имеющего общую историю и культуру. В той же Южной Корее существенное недовольство вызвала трактовка официальным Пекином древнекорейского государства Когурё исключительно как вассального по отношению к Китаю государства, являющегося не более чем данником Китая.

Результатом указанных конфликтных факторов является достаточно высокий уровень милитаризации стран региона, а также продолжение ими ставки на военные методы в политике обеспечения национальной безопасности. В Восточной Азии продолжается гонка вооружений, активный процесс модернизации вооруженных сил их оснащения новейшими видами оружия, в том числе и основанными на новейших информационных технологиях. Например, только в странах Северо-Восточной Азии совокупный военный бюджет вырос с 135 млрд долл. в 1999 г. до 192,7 млрд долл. в 2005 г.

Среди основных тенденций, наблюдаемых в последние годы в системе стратегической безопасности региона Восточной Азии, следует назвать относительное ослабление российского и американского факторов региональных систем обеспечения безопасности и одновременное усиление КНР, идущее параллельно процессу наращивания Китаем экономической, финансовой и технической мощи.

Активно проводимая Китаем политика технической модернизации вооружен-

ных сил при сокращении численности личного состава создает в регионе принципиально новую геостратегическую ситуацию, в рамках которой США уже не обладают достаточными ресурсами для того, чтобы в одиночку диктовать свою волю. Особенно сильно на изменение этой ситуации воздействуют успехи Китая в деле модернизации своего ракетного и космического потенциала, средств противовоздушной обороны, военно-морского флота, особенно подводного. Шоковый эффект на американское военное командование оказали события ряда последних лет, наглядно продемонстрировавшие достигнутый Китаем технический уровень вооружений. Например, в октябре 2007 г. дизельная субмарина КНР класса «Сонг» подошла незамеченной в район расположения тихоокеанской авианосной группировки США в район прямой досягаемости для ракетного удара в отношении авианосца «Кити Хок». Большим ударом для США, войска которых ориентированы на использование космических систем связи, раннего предупреждения о ракетном нападении, навигации, разведки, целеуказания и т.д., стала демонстрация Китаем возможностей по поражению космических объектов. Например, в январе 2007 г. китайская ракета успешно сбила старый метеоспутник КНР.

В создавшихся условиях США рассматривают подъем Китая как фундаментальный вызов, требующий выработки стратегии сдерживания. В рамках внешнеполитического и оборонного истеблишмента было выработано несколько концепций политики на китайском направлении. Так, Пентагон взял на вооружение стратегию «огораживания», предполагающую перенос центра активности военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий, фундаментальную перегруппировку войск и изменение структуры военных баз с учетом китайского фактора. Одним из главных пунктов базирования военно-морских сил и военно-воздушных сил США на Тихом

океане, в том числе для стратегических бомбардировщиков и самолетов-разведчиков, становится остров Гуам, куда перебрасывается существенная часть группировки морской пехоты США, которая ранее базировалась на Окинаве. В то же время госдепартамент США более активно продвигает концепцию «ответственного акционера», предложенную заместителем госсекретаря США Р. Зелликом. Ее суть заключается в том, чтобы энергичнее вовлекать Китай в систему международной безопасности в Азии на правах активного субъекта, основываясь при этом на общности стратегических интересов и на внедрении западных ценностей в китайскую политическую и экономическую систему.

Для укрепления своих позиций в Восточной Азии США взяли курс на то, чтобы повысить роль своих стратегических союзников в регионе в рамках системы двусторонних договоров безопасности, и прежде всего Японии и Южной Кореи.

Особую роль играют отношения стратегического партнерства с «союзником номер один» в АТР — Японией. В последнее время наблюдаются тенденции усиления военного компонента в принятых Токио по «договору безопасности» союзнических обязательствах, а также постепенного отхода Японии от мирных положений в законодательных актах, закрепляющих ее мирный статус. Речь идет не только о прямом отказе от девятой статьи Конституции, по которой Япония отказывается от войны как средства разрешения международных споров, но и о ряде вытекающих из нее и являющихся ее продолжением нормативных документов, принципов, соглашений.

Следует отметить, что мирный статус Японии предполагает отсутствие в Японии вооруженных сил (армии) как таковых. Не случайно вооруженные силы, которые создавались в послевоенные годы в Японии, назывались «силами самообороны», а ведомство, которое занималось управлением вооруженными силами, бы-

ло лишено традиционного статуса министерства. Оно было понижено «на ступень» по отношению к другим министерствам и называлось Управлением национальной обороны (при этом это управление входило в состав канцелярии кабинета министров).

В 1950–1960-е гг. в Японии были приняты законодательные нормы, запрещающие японским военным оснащать «силы самообороны» наступательными видами вооружений, экспортировать и импортировать определенные виды вооружений и военные технологии, участвовать в разработке космического оружия. В 1955 г. был принят закон о мирном использовании атомной энергии, закрепивший право страны использовать атомную энергию исключительно в мирных целях. Кроме того, в этот же период был законодательно закреплен запрет на отправку войск за рубеж, в том числе в составе миротворческих контингентов.

Используя свой статус невоенной державы и указанные соглашения, Япония в 1950–1970-е гг. смогла существенно укрепить свою экономическую базу, прежде всего в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, сильно пострадавших в годы Второй мировой войны от японской агрессии. При этом девятая статья Конституции стала для Токио удобным средством для достижения весьма амбициозных внешнеэкономических целей — ведь именно благодаря ее существованию было снято недоверие к Японии, и большинство стран региона смогли убедиться, что послевоенная Япония — совсем другая страна, страна, полностью отказавшаяся от милитаристской политики.

Ситуация изменилась под влиянием многих обстоятельств и факторов пример-

но начиная с 1990-х гг. Одна из ключевых тенденций внешней политики Японии заключается в постепенном отказе от опыта невоенной державы и тесно связанных с ним обязательств и договоренностей. В 2007 г. японскими законодателями было принято решение о том, что в 2010 г. будет вынесен на всеобщий референдум проект изменений в Конституцию Японии, в котором девятой статьи уже не будет.

Между тем руководством Японии делается множество, на первый взгляд, незаметных, но последовательных шагов в сторону отмены или отказа от исполнения различных законодательных норм, тесно связанных с девятой статьей. Так, в 2007 г. в Японии на основе Управления национальной обороны было создано полноценное Министерство обороны, что де-юре нарушает принцип отказа от создания армии и системы управления вооруженными силами.

Это интересно. В 2007 г. Япония закупила у Соединенных Штатов 50 истребителей-бомбардировщиков F-22 Raptor, а ранее японским правительством были также осуществлены закупки самолетов-дозаправщиков, которые позволяют в значительной степени расширить диапазон патрулирования японскими ВВС территорий за пределами Японии. Эти самолеты, безусловно, относятся к наступательному классу вооружений, ранее запрещенных для японских вооруженных сил. В 2007 г. Япония объявила также о завершении строительства вертолетоносца авианосца *Нуига* и готовности построить еще три корабля такого класса (решение о том, что на вооружении японского флота должны появиться авианосцы, было принято впервые с времен окончания Второй мировой войны).

От запрета на участие в военных действиях за рубежом Япония стала постепенно отказываться с начала 1990-х гг., когда был принят закон об участии «сил самообороны» Японии в миротворческих операциях. В рамках этого закона были регламентированы случаи, когда японские военные могли быть направлены за рубеж, и в том числе выдвигалось требование, что для участия японских контингентов в ми-

ротворческих операциях последние обязательно должны быть «санкционированы» мандатом ООН. На практике, нужно сказать, участие Японии в военных операциях за рубежом не ограничивалось только миротворчеством под эгидой ООН. Так, японские контингенты принимали участие в операциях в Камбодже, входили с 2003 г. в возглавляемую США иракскую коалицию.

Несмотря на то что японское правительство неоднократно декларировало намерение не экспортировать оружие и отказаться от передачи за рубеж военных технологий, эти меры в Японии также не всегда исполнялись. Еще в 1980-х гг. Токио принимал активное участие в известной «стратегической оборонной инициативе» администрации Р. Рейгана, при этом известно, что вклад японских компонентов в эту программу, и прежде всего компонентной базы спутникового оружия, полупроводников, лазерного оружия, был неоценимым. По последним данным, Япония взяла курс на создание совместной с Соединенными Штатами системы противоракетной обороны и провела недавно успешные испытания ракет-перехватчиков SM-3 американского производства, которые, как предполагается, станут главным компонентом японской системы ПРО. В 2008 г. был принят закон, позволяющий Японии участвовать в разработке космического оружия. При этом еще в 2006 г. в рамках реализации космической программы Япония осуществила успешный запуск ракеты-носителя Н-2А со спутником мониторинга Земли.

Из всего багажа законодательных (нормативных) актов, а также налагающих определенные моральные обязательства на японское правительство парламентских деклараций и заявлений, касающихся укрепления мирного статуса Японии, на сегодняшний день действующими остались, пожалуй, только два положения. Во-первых, это обязательство Японии не превышать однопроцентный уровень военных расходов (не более 1%

по отношению к ВВП страны). При всем этом, однако, Япония по своему военному бюджету занимает, по разным оценкам, от 4-го до 6-го места в мире, т.е. объем средств, которые страна направляет на развитие вооруженных сил, в сравнении с другими мировыми державами остается очень высоким. Во-вторых, Япония остается неядерной державой, продолжая придерживаться так называемых трех неядерных принципов, сформулированных еще в начале 1970-х гг.: не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие. Тем не менее вопрос о «ядерном выборе» Японии остается на сегодняшний день достаточно актуальным, особенно в свете международной ситуации в Северо-Восточной Азии. Такие события, как ядерные испытания, проведенные КНДР в 2006 г., и обострение ситуации в зоне Тайваньского пролива, которые очень болезненно воспринимаются в Японии, могут привести впоследствии к пересмотру официальным Токио своего «безъядерного» статуса.

Нужно отметить, что «новый курс» японской политической элиты, связанный с отказом от мирных положений Конституции и укреплением военного потенциала страны, хоть и неявно, но поддерживается рядом западных держав, и прежде всего Соединенными Штатами. Вашингтон по-прежнему заинтересован в сохранении тесных партнерских отношений с Токио, в том числе в сотрудничестве в военно-политической области. Отсюда — и закупки Японией американской военной техники, и согласие США на пересмотр (в сторону повышения) роли Японии в американо-японском договоре о безопасности, составляющего основу стратегического партнерства двух стран. Если ранее Япония была более зависимой, несамостоятельной стороной в рамках этого договора, то сейчас повышается степень ее вовлечения в военное взаимодействие, и расширяется «зона ответственности». Выражается это в развитии новых форм координации действий с Соединенными Штатами по созданию

совместного командования (на базе ВВС Йокота), расширению акватории совместного патрулирования морских коммуникаций, которая сейчас уже охватывает зону до Тайваньского пролива, переброске Пентагоном в Японию части личного состава вооруженных сил (речь, в частности, идет о восьми тысячах морских пехотинцев, переброшенных на остров Гуам близ КНР).

Вокруг вопроса о возрождении военного потенциала Японии и перспектив отказа от «мирного статуса», закрепленного в Конституции страны, пока продолжается общественная дискуссия. Ситуация здесь не настолько определенная, как может показаться на первый взгляд. Японское общество, по сути, разделилось на сторонников и противников значительно изменившегося за последние годы военно-политического курса. И помимо тех, кто выступает за возрождение Японии как военной державы и укрепление ее военной мощи, здесь сильны также позиции политиков, придерживающихся более прагматичных взглядов и считающих, что будущее экономическое процветание Японии не обязательно требует отказа от «мирного наследия» и невоенного статуса.

«Новые вызовы» в регионе Восточной Азии

Среди «новых вызовов», во всей остроте вставших перед государствами региона в постбиполярную эпоху, следует выделить следующие.

Прежде всего, это угроза распространения оружия массового поражения в регионе, и в первую очередь ядерного. Сюда входит комплекс проблем, связанных с контролем за производством и трафиком расщепляющихся материалов оружейного типа, находящимся в ведении МАГАТЭ, а также вопрос о режиме договоров о полном запрещении испытаний, и системы оповещения запуска ракет. Для Восточной Азии указанные угрозы приобретают особое значение на фоне обострения проблем распространения ядерного оружия,

в частности в связи с проводимой КНДР программой создания ядерного оружия.

Другой вид угроз, специфически проявляющих себя в данном регионе, — это так называемые мягкие угрозы, т.е. угрозы, имеющие невоенный характер. К их числу прежде всего относится экологическая проблема, в частности вопросы, связанные с ухудшением ситуации в связи с глобальным потеплением, опустыниванием, недостатком питьевой воды, загрязнением воздуха, загрязнением окружающей среды промышленными отходами и сбросами сточных вод и т.д. Одной из «мягких угроз» является распространение в регионе инфекционных заболеваний, и прежде всего СПИДа, «птичьего гриппа» и т.д. Чрезвычайную актуальность для многих стран региона также имеет проблема этноконфессиональных конфликтов и противоречий, проявляющая себя в форме сепаратистских движений.

Остро проявляет себя и дефицит энергоресурсов в странах региона, вынужденных решать проблему стабильного обеспечения источниками энергии (см. главу V настоящего пособия). Ситуация носит в регионе особенно острый характер, так как именно сюда происходит передвижение мировой перерабатывающей промышленности. Активный рост промышленного потенциала Китая и Индии сопровождается огромным спросом на энергоносители. На эти страны приходится около 40% прироста мирового потребления нефти и существенная доля дополнительного спроса на уголь. По прогнозам, рост потребностей в энергоносителях к 2030 г. удвоится и в Китае, и в Индии. Усиление спроса на углеводороды со стороны этих стран объективно создает все условия для ужесточения конкуренции с Японией за надежные источники энергоносителей. Свою роль в обострении энергетической проблемы в Восточной Азии играет и увеличение политических рисков, связанное с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке, откуда

в регион поставляется существенная часть импортируемой нефти.

Достаточно остро в Восточной Азии стоит и демографическая проблема, хотя формы ее проявления имеют для разных стран свою специфику. Для Японии, например, наряду с низкой рождаемостью характерен стремительный рост доли возрастов старших возрастов в демографической структуре общества. Так, если в середине 2000-х гг. доля лиц старше 65 лет составляла около 20%, то к 2050 г. она, по некоторым оценкам, достигнет 36%. Результатом этого неизбежно становится существенное снижение доли самодеятельного населения в демографической структуре общества, являющееся в долгосрочной перспективе крайне негативным макроэкономическим фактором. Наибольшую проблему представляет существенный рост финансовой нагрузки на работающее поколение. Эта нагрузка будет в первую очередь проявляться в опережающем росте статьи расходов на социальные нужды, которая становится в национальном бюджете доминирующей. Действие демографического фактора, как предполагается, будет проявляться в виде относительного снижения темпов экономического роста, а также общего ослабления конкурентоспособности японской экономики.

Проблема низкой рождаемости стоит и в ряде других восточноазиатских стран, например, Кореи и Тайване, хотя ее проявления носят менее острый, чем в Японии, характер, в силу пока еще «молодой» демографической структуры. В противоположность этому для Китая, имеющего население около 1,3 млрд человек, демографическая проблема проявляется прежде всего в наличии в неурбанизированных регионах материковой зоны страны огромного количества избыточной рабочей силы. Пока прибрежные районы страны, переживающие период экономического бума, частично поглощают ее, однако сокращение темпов роста чревато обострением проблемы безработицы и серьезными социальными последствиями.

2. Процесс экономической интеграции в Восточной Азии

Усиление внешнеторговой ориентации стран Восточной Азии и рост значения внутрирегиональных связей

Активный экономический рост стран Восточной Азии (Японии, Китая, Тайваня, Гонконга, Сингапура), наблюдаемый на протяжении нескольких десятилетий, сопровождается достаточно радикальным смещением приоритетов их внешнеторговой ориентации. Если ранее (в 60–70-е годы) зависимостью от внешней торговли была характерной чертой лишь японской модели развития, то с начала 80-х годов существенно усилилась экспортноориентированность экономик и других крупных стран региона, и прежде всего Китая, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда, Сингапура и др. Например, для Китая «коэффициент зависимости от внешней торговли», представляющий собой соотношение объемов внешней торговли и ВВП, составлял 51% в 2002 г. и 70% в 2004 г.

Одновременно происходят макроизменения и в структуре торговых балансов. В 70–80-е годы прошлого века торговые экономические связи региона в основном развивались с США и Западной Европой, а в 80–90-е — с Японией, в результате чего сложилась однобокая структура торгового баланса, в котором восточноазиатские страны в основном довольствовались ролью поставщика дешевых потребительских товаров и отчасти — компонентной базы для высокотехнологичных производств стран-партнеров. Однако с начала 2000-х гг. преобладающим для стран Восточной Азии стало значение внутрирегиональной торговли, причем не обязательно на японском направлении. Ее доля в общем товарообороте в регионе Большой Восточной Азии в середине 2000-х гг. составила более 50%.

Качественные сдвиги наблюдаются и в инвестиционной структуре. С начала 1990-х гг. более половины прямых иностранных инвестиций в регионе обеспечи-

вается за счет «внутренних» источников, и прежде всего Японии, Китая, Гонконга и т.д. Роль Китая и Японии как внешнеторговых партнеров друг для друга и других стран региона стала гораздо более значимой, чем роль США и стран ЕС. Например, в 2007 г. для Японии внешнеторговый оборот с Китаем впервые за весь послевоенный период превысил показатель, достигнутый в торговле с США.

Это интересно. В 2004 г. Китай вышел на первое место среди внешнеторговых партнеров Южной Кореи. Если в 1991 г. (год нормализации южнокорейско-китайских отношений) Китай занимал лишь 1% во внешнеторговом обороте Южной Кореи, а США — 26%, то в 2006 г. доля Китая составляла уже 22%, тогда как США — лишь 15%.

Вследствие нарастания экономической взаимозависимости большинство стран региона заинтересованы в эволюционном характере мировых трансформаций, в политической стабильности региона. Внутрирегиональные торгово-экономические связи становятся для многих стран важнее связей с Европой и США, что оказывает существенное стабилизирующее воздействие на внешнеполитический и оборонный курс этих стран.

Проблемные точки и успехи интеграционного процесса

Вместе с тем процесс полноценной экономической интеграции в Восточной Азии сталкивается с существенными трудностями. Среди тех факторов, которые препятствуют реализации интеграционных проектов, необходимо выделить следующие.

Прежде всего, тормозящим фактором выступают существенные различия между потенциальными участниками интеграции, которых не проявлялось в процессе экономической интеграции в странах Европы. В частности, обращает на себя внимание большой разброс среди восточноазиатских стран по уровню экономического развития, формам

государственного и политического устройства, военно-стратегической и внешнеполитической ориентации. Например, в регионе соседствуют демократическая Япония, уровень ВВП на душу населения в которой превышает 36 000 долл., и имеющая авторитарный режим Мьянма, где этот показатель составляет лишь несколько сотен долларов.

Другим важным обстоятельством является тот факт, что в своей политике обеспечения национальной безопасности ряд стран региона, в частности Япония, Южная Корея, Филиппины и Таиланд, ориентируются на союз с США, в то время как такие страны, как Китай, Монголия, Индия² и др., традиционно придерживаются политики нейтралитета.

Свою роль играет и наблюдаемое в регионе разнообразие по культурным, этническим, конфессиональным и иным условиям. Ситуация в Восточной Азии существенно отличается в этом плане от Западной Европы, процесс объединения которой шел под знаком единой христианской культуры. На все это накладываются упомянутые выше территориальные проблемы между отдельными странами, проблема храма Ясукуни и, в широком контексте, проблема исторического наследия Второй мировой войны, а также связанная с ней проблема антияпонских настроений во многих странах региона.

На этом фоне наибольших успехов на пути экономической интеграции достигла лишь Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). С 2003 г. в рамках блока реализована Зона свободной торговли, обеспечивающая низкотарифный режим внешнеторговых операций (пош-

² Принадлежность Индии к восточноазиатскому региону нередко оспаривается, однако с учетом ее масштабов, экономической мощи и политического влияния, а также географической близости к Восточной Азии эта страна, вне всякого сомнения, является активным актором в системе экономических и политических связей региона.

лины снижены до 5%). Поставлена цель создания к 2015 г. «сообщества АСЕАН», предполагающая высокую степень консолидации в сфере экономики, национальной безопасности, социально-культурной политики.

Блок АСЕАН объективно выступает как потенциальный центр экономической интеграции более широкого круга участников, обладающих существенно большим экономическим потенциалом. С 1997 г. запущен механизм региональных совещаний «АСЕАН плюс три» (страны АСЕАН и представители Китая, Южной Кореи и Японии), в рамках которого экономическая проблематика занимает все более заметное место. Объективно формат «АСЕАН плюс три» становится зародышем более широкой интеграционной структуры — Восточноазиатского сообщества.

Это важно. Впервые концепция Восточноазиатского сообщества (ВАС) была выдвинута в начале 1990-х гг. премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом, который искал практические механизмы для реализации лозунга «свести вместе всех азиатов». В качестве концептуальной основы строительства ВАС положен принцип «открытого регионализма», который заключается в том, что региональное сотрудничество между восточноазиатскими странами должно осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, т.е. с упором на интересы глобального экономического сотрудничества. Поэтому двери в дом восточноазиатской интеграции должны быть открыты для самого широкого круга участников, включая «периферийные», с географической точки зрения, страны.

Одной из проблем при строительстве «восточноазиатского сообщества» являются различия в подходах, проявившиеся среди участников этого процесса. Так, для Японии сообщество, помимо институционального механизма региональной экономической кооперации выступает как региональный клуб демократически ориентированных стран, связанных единством исторической судьбы. В этой связи Токио взял курс на максимализацию

круга участников ВАС за счет государств, признаваемых им «дружественными», хотя и не обязательно входящих в географические границы Восточной Азии (Индии, Австралии). Вместе с тем Япония с опасением относится к участию в сообществе России, опасаясь, что в случае российско-китайского сближения в рамках ВАС ей будет труднее отстаивать свои интересы. В то же время для Китая сообщество представляется как чисто региональный форум, т.е. коммуникационный канал для общения восточноазиатских стран с прочими регионами мира, а функциональное его значение заключается в основном в тарифной и инвестиционной либерализации.

В условиях японо-китайского соперничества за лидерство в формирующейся структуре экономической интеграции ее организационным центром, несмотря на

относительную слабость экономических позиций, становится блок АСЕАН. К настоящему времени в русле процесса создания Восточноазиатского сообщества прошло два «восточноазиатских саммита» — в Куала-Лумпуре (декабрь 2005 г.) и филиппинском г. Себу (январь 2007 г.). В саммитах принял участие широкий круг государств: 10 стран — членов АСЕАН, Австралия, Новая Зеландия,

Япония, Китай, Южная Корея и Индия, а также Пакистан, Монголия и Россия в статусе наблюдателей. Однако реального прогресса на пути к организационному оформлению сообщества в постоянно действующий механизм многосторонней экономической интеграции стран Восточной Азии достигнуто пока не было.

Главным направлением экономической интеграции пока остается создание зон свободной торговли путем заключе-

ния двусторонних либо многосторонних Соглашений о свободной торговле (ССТ), а также Соглашений об экономическом партнерстве (СЭП) между отдельными странами восточноазиатского региона. Следует учесть, что если соглашения о свободной торговле (ССТ) оперируют лишь вопросами тарифной политики, СЭП предусматривают еще и меры по либерализации торговли услугами, взаимной защите инвестиций, проведение общей политики по развитию свободной конкуренции, защите прав интеллектуальной собственности, стимулированию рынка государственных заказов и др., а также устранению ограничений на свободное перемещение рабочей силы между участниками соглашения. В процессе отбора партнеров по СЭП на первый план выходят такие факторы, как перспективы для экспортных отраслей экономики, возможности для инвестирования, а также для обеспечения стратегическими ресурсами с целью повышения уровня экономической безопасности.

К 2007 г. в азиатском регионе действовало 60 ЗСТ и шли переговоры по 117 ССТ и СЭП. Наиболее активными участниками процесса строительства различных форматов экономической интеграции являются такие страны, как Сингапур, Таиланд, Япония, Малайзия, Республика Корея. Помимо двусторонних соглашений, активным игроком в процессе интеграции является блок АСЕАН, который уже заключил ряд рамочных соглашений по формированию зон свободной торговли либо ведет переговоры о создании подобных зон с Китаем, Японией и Индией. В перспективе на повестку дня ставится вопрос о создании в Восточной Азии «зоны свободной торговли» с более глубокой степенью интеграции, предполагающей, помимо всего прочего, свободу перемещения капиталов и рабочей силы и формирования единого рыночного пространства.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что интеграционный процесс в Восточной Азии в основном

ограничивается сферой строительства региональных зон свободной торговли, приоритет среди которых имеет двусторонний формат заключаемых соглашений. Дело в том, что интеграционные процессы носят на разных направлениях разносторонний характер, что тормозит либерализацию внешней торговли на общерегиональном уровне. В большинстве заключаемых соглашений, кроме того, предусматривается большое количество исключений из режима льготного тарифного регулирования. Например, Китай занимает традиционно жесткую позицию в вопросах либерализации по банковскому сектору, телекоммуникациям, транспорту. Япония, в которой фермеры составляют традиционную электоральную базу правящей партии, в свою очередь, добивается в заключаемых соглашениях права на сохранение тарифных ограничений по сельхозпродукции. Подсчитано, что в шести странах АСЕАН в ближайшие несколько лет не подлежат либерализации 158 товарных позиций по сельскому хозяйству.

В связи с ограниченным количеством участников двусторонний формат сотрудничества в наибольшей степени отвечает интересам партнеров по либерализации конкурентоспособных отраслей и защите уязвимых секторов экономики. Благодаря такому формату, страны-участники получают возможность успешно наращивать объемы внешнеторгового товарооборота. Кроме того, двустороннее соглашение создает дополнительный стимул для активизации многосторонних торговых переговоров (например, договор Сингапура и Таиланда в рамках АСЕАН открыт для присоединения новых членов).

В то же время существование ограниченных зон свободной торговли сопряжено с рядом существенных минусов с точки зрения интересов международной торговли, главный из которых заключается в том, что нарушение принципа свободной конкуренции за счет создания преференциальных условий для ограниченного

числа стран искажает ценовые ориентиры и отвлекает торговлю от наиболее эффективных поставщиков к странам-партнерам по двустороннему соглашению. Свою негативную роль играют и создаваемые в результате соглашений административные барьеры и иные дополнительные условия для заключения торговых сделок, что весомо увеличивает издержки для бизнеса. Таким образом, двусторонние договоры о преференциальной торговле — это не магистральный путь развития экономической интеграции, а, скорее, вынужденная для восточноазиатских стран мера в условиях кризиса переговоров в ВТО и медленной реализации многосторонних интеграционных группировок.

Среди прочих аспектов экономической интеграции Восточной Азии наибольший прогресс к настоящему времени достигнут в валютно-финансовой и энергетической сферах.

В финансовой области в свете уроков финансового кризиса 1997–1998 гг. в регионе разработаны наиболее эффективные координационные механизмы. После кризиса была создана система «своп-соглашений», т.е. система взаимного предоставления кредитов для валютных интервенций с целью поддержания курса национальных валют стран-участников (Чьенмайская инициатива). В регионе постепенно, хотя и не без трудностей, идет процесс формирования общих финансовых рынков, делаются попытки создания стабилизационного валютного фонда. На интеграционных форумах периодически ставится задача изучения вопроса о введении в перспективе Азиатской региональной валюты (АКЮ). На данном этапе она мыслится прежде всего как виртуальная валюта, курс которой определяется на базе всей корзины валют. Ее функция заключается в том, чтобы обеспечить финансовые власти каждой из стран необходимыми ориентирами для корректировки курса собственной валюты.

Что касается вопросов энергетического сотрудничества, то они занимают все более видное место в деятельности

крупнейших международных организаций региона. Наиболее крупными среди них являются Восточноазиатский саммит, Пятистороннее совещание министров энергетики (США, Китая, Японии, Индии и Южной Кореи) и Азиатско-тихоокеанское партнерство в интересах чистого развития и сохранения климата. На II Восточноазиатском саммите, состоявшемся в филиппинском г. Себу в середине января 2007 г., была разработана и принята декларация стран Восточной Азии по энергетической безопасности, в которой была провозглашена цель содействовать развитию открытых и конкурентных региональных и международных рынков, которые бы обеспечивали на всех уровнях доступные виды энергии. В целом наблюдается процесс политизации сферы международной энергетической безопасности, в рамках которой особую значимость приобретают не столько усилия отдельных стран по поиску новых возможностей, сколько политика снижения потребностей в энергоресурсах, расширяющая свои возможности по мере развития научно-технического прогресса.

Важной областью интеграции в энергетической области стран Восточной Азии становится сотрудничество в сфере энергосбережения. Политика энергосбережения позволяет развивающимся странам сократить потребление энергии и обеспечить высокий уровень энергетической безопасности. Немаловажно и то, что энергосбережение является важной частью задач сохранения окружающей среды и предотвращения мирового потепления, решение которых в нынешних условиях неотделимо от целей экономического развития. Достижение энергетической безопасности предполагает достижение оптимальных показателей рынка по признаку наличия избыточных мощностей, т.е. дополнительного потенциала поставок на случай колебаний спроса. Кроме того, дополнительная «подушка безопасности» может быть создана с помощью кооперативистских механизмов между-

народного сотрудничества, направленных на регулирование и снижение спроса на энергоносители, например путем внедрения энергосберегающих технологий. С учетом осознания того факта, что все эти сложные задачи невозможно решить в одиночку, в восточноазиатском регионе постепенно стало преобладать мнение о необходимости создания прочной системы международного сотрудничества.

Наибольшую активность в развитии международного сотрудничества в сфере энергосбережения в Восточной Азии традиционно проявляет Япония, имеющая заслуженную репутацию «инкубатора технологий» в сфере энергосбережения. Более 30 лет она последовательно проводила политику энергосбережения, и в первую очередь путем развития энергосберегающих технологий, которая позволила ей снизить энергоемкость единицы ВВП более чем на 30%. Международно признанный авторитет Японии дает повод говорить о ней как о «великой энергетической державе», опыт которой в решении собственной энергетической проблемы становится своего рода «путеводной звездой» для стран, лишенных собственной базы энергетических ресурсов, и в первую очередь государств восточноазиатского региона, вступивших на стадию интенсивного индустриального развития. Для самой же Японии, традиционно занимающей нишу «технологического донора» этих стран, задача активизации помощи в сфере энергосбережения приобрела особую актуальность на рубеже двух тысячелетий в условиях лавинообразного повышения мировых цен на углеводородное сырье.

Важнейшим инструментом международного сотрудничества Японии с восточноазиатскими странами в сфере энергосбережения является официальная помощь развитию (ОПР). Основным правительственным органом, координирующим международные проекты помощи в сфере энергосбережения, является Организация развития новых видов энергии и промышленных технологий NEDO (The

New Energy and Industrial Technology Development Organization). На протяжении ряда лет NEDO проводит в странах Азии серию модельных проектов, направленных на повышение эффективности энергосбережения. Каждый из них проходит ряд стадий: предварительную стадию обследования ситуации в какой-либо области, где наблюдается чрезмерно высокий уровень потребления энергии; основную стадию реализации, предполагающую внедрение передовых технологий энергосбережения на одном из предприятий страны-реципиента; наконец, стадию распространения полученных результатов на другие предприятия отрасли. При этом особенностью политики NEDO является то, что для реализации своих проектов она делает ставку на активное привлечение частного японского бизнеса.

Активно проводится политика международной помощи, например, в области солнечной энергетики, где Япония занимает передовые позиции в мире. Во многих азиатских странах, например Таиланде, Малайзии, Вьетнаме, Китае, Мьянме, Монголии и Камбодже, Япония еще с первой половины 1990-х гг. проводит демонстрационные проекты по внедрению электрогенерирующих модулей, включающих блок солнечных батарей и аккумуляторные подстанции. Отдельного упоминания заслуживают модернизационные проекты в угольной промышленности, продукция которой продолжает играть ключевую роль в энергетическом балансе Китая, Индонезии, Вьетнама и других стран региона. В этой сфере Япония проводит целый ряд проектов, в рамках которых обеспечивается более высокая степень очистки и десульфуризации угля, производство угольных брикетов, снижение водопотребления в процессе добычи угля, эффективное сжигание низкокалорийных углей и т.д.

Особое место среди международных усилий Японии в сфере энергосбережения занимают проекты, предпринимаемые в рамках усилий по сокращению

эмиссии парниковых газов. Особенностью подхода Токио к сфере сотрудничества с азиатскими странами в сфере энергосбережения является достаточно тесная увязка предпринимаемых в этой области шагов с принятыми Японией по Киотскому протоколу обязательствами по сокращению эмиссии парниковых газов. По мнению Японии, помощь в сфере энергосбережения создает дополнительные возможности устойчивого развития этих стран и достижения так называемых «Целей развития тысячелетия», выдвинутых ООН в 2000 г., а также способствует решению глобальной задачи борьбы с глобальными изменениями климата. Не случайно одним из трех столпов провозглашенной Токио в 1997 г. японской ОПР, направленной на реализацию киотской инициативы, наряду с сотрудничеством в деле создания потенциала развития и подготовки специалистов в областях, связанных с глобальным потеплением климата, явилось эффективное использование и трансфер японских технологий и ноу-хау в сфере энергосбережения.

Сотрудничество с азиатскими странами в сфере энергосбережения проводится Японией в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, заключаемых на межправительственном уровне. Формат каждого из таких соглашений подбирается в соответствии с особенностями промышленной и энергетической структуры страны-партнера, ее готовности принять японскую технологическую помощь, а также политических факторов (значимость той или иной страны во внешнеполитической доктрине Токио, уровень и характер двусторонних отношений и т.д.). Например, во взаимоотношениях с Китаем и Индией получил распространение формат двустороннего «диалога по энергетике» на уровне правительств двух стран. Кроме того, для привлечения к энергетическому сотрудничеству представителей частного бизнеса, экспертных кругов и общественности стали проводиться двусторонние «форумы по энерге-

тике», хорошо зарекомендовавшие себя в отношениях с Китаем и Вьетнамом.

В связи с ростом значения восточно-азиатского региона в принятой Российской Федерацией долгосрочной стратегии развития энергетической отрасли особое значение для России приобретает стратегическое планирование нефтегазовой отрасли с учетом процессов энергетического сотрудничества в Восточной Азии. Россия намерена уделять странам АТР все большее внимание именно по той причине, что именно этот регион является наиболее активным покупателем энергоресурсов, обеспечивая до 45% перспективного прироста мирового спроса на нефть. По словам главы Минпромэнерго РФ В. Христенко, если в настоящее время более 90% экспортируемых российских энергоносителей поставляется в страны Европы, то к 2020 г. доля стран Азии в российском экспорте возрастет с 3% в 2005 г. до 30% по нефти и с 5% до 25% по газу³. В этих условиях знание реалий восточноазиатского рынка, перспективный анализ динамики потребностей отдельных стран региона позволили бы своевременно вносить коррективы в планы развития добывающих мощностей Сибири и Дальнего Востока.

Сложности процесса интеграции Восточной Азии свидетельствуют о том, что основой этого процесса может стать только экономическая составляющая. При этом наиболее реалистичной представляется перспектива воплощения «мягких» моделей интеграции, которые, в отличие от европейской модели, предполагают сохранение за странами-участниками всех атрибутов суверенитета (право эмиссии, безвизовый режим передвижения граждан и т.д.) Интеграционные процессы, по всей видимости, будут идти в

³ Энергия промышленного роста. 2005. Декабрь. № 2. URL: <http://www.epr-magazine.ru/archive/2005/2-2>

направлении количественного и качественного расширения зон свободной торговли, углубления сотрудничества в валютно-финансовой сфере, наращивания взаимодействия в сферах энергетики, безопасности, экологии и т.д.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что представляет собой «система оси и спиц»?
2. Назовите основные факторы политической нестабильности в регионе Восточной Азии.
3. С чем связано проявление националистических настроений в отношении Японии в Китае, Южной Корее и других восточноазиатских странах?
4. Как реагируют США на экономический и военный подъем Китая?
5. В каком направлении идет в последние годы изменение мирного статуса Японии?
6. Когда и кем была выдвинута концепция Восточноазиатского сообщества?
7. В каком направлении идет процесс экономической интеграции стран Восточной Азии?

ЛИТЕРАТУРА

Монографии

1. Азиатский многоугольник: конфликтность и потенциал интеграции / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. 221 с.
2. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г.И. Чуфрин. М. : Наука, 2004. 282 с.
3. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. М. : Аспект-пресс, 2008 / отв. ред. А.Д. Воскресенский. 512 с.

4. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М. : МГИМО-Университет, 2007. 311 с.

5. Политические системы и политические культуры Востока / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : Восток — Запад, 2007. 830 с.

6. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / отв. ред. А.Д. Воскресенский М. : МГИМО — Университет, 2007. 1040 с.

7. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО — Университет, 2010. 444 с.

8. Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / под ред. А. Арбатова и В. Михеева. М. : Моск. центр Карнеги, 2005. 35 с.

Статьи

1. Байков А. Интеграционные маршруты Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. Т. 6. Номер 1(16). Январь — апрель 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/001.htm>
2. Воронцов А. Основные тенденции развития международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3.
3. Михеев В. Северо-Восточная Азия: энергетические стратегии безопасности / Михеев В., Якубовский В., Бергер Я., Белокурова Г. Рабочие материалы Московского центра Карнеги. № 6. М. : Carnegie Endowment for International Peace, 2004. 51 с.
4. Sanghee L. Realities and Possibilities for a Peace System in Northeast Asia / Lee Sanghee. Wash.: The Brookings Institution, 1 November 2007. 17 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»⁴

РАЗДЕЛ 1. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ

1.1. Место курса в образовательной программе

Курс «Восток в мировой политике» предназначен для студентов бакалавриата последнего года обучения по направлению «Зарубежное регионоведение», специализирующихся на изучении стран Азии и Африки.

Эффективное усвоение материала курса требует предварительного изучения дисциплин «Политическая и экономическая карта мира», «Культурно-религиозные традиции Востока», «Традиционный Восток», «Новая и новейшая история Востока», входящих в учебный план подготовки бакалавра по направлению «Регионоведение». Параллельно данный курс позволяет актуализировать знания, умения и навыки, полученные студентами в ходе изучения специальных страноведческих дисциплин «Политическая география страны/региона специализации», «История страны/региона специализации», «Политические системы стран региона специализации», «Международные отношения и внешняя политика стран региона специализации». Необходимой предпосылкой успешного усвоения материала курса является также знание английского или французского языка в объеме, предусмотренном бакалаврской программой.

Данный курс может быть рекомендован студентам, обучающимся по смежным

направлениям «Международные отношения», «Международная журналистика», «Востоковедение, африканистика» в качестве элективной составляющей их индивидуальных образовательных траекторий.

1.2. Цели и задачи курса. Образовательные результаты

В соответствии с назначением основной целью курса является формирование у регионоведов-востоковедов последнего года обучения обобщающего представления о современной роли стран Востока в мировой политике с учетом всей сложности дискуссионных подходов, применяемых в рамках различных направлений политической науки.

Основной задачей настоящего курса является выработка у студентов объективного, т.е. не только европоцентристского, но и, по преимуществу, неевропоцентристского видения современных мировых процессов, отражающего последние тенденции мировой политической мысли. Курс органично сочетает анализ общих проблем мировой политики и международных отношений с регионоведческим (востоковедным) видением мира, что позволяет решить педагогическую задачу комплексной подготовки выпускников к итоговому бакалаврскому экзамену по регионоведению.

Настоящий курс рассчитан на один семестр (32 часа аудиторных занятий) и состоит из трех проблемно-тематических блоков, каждый из которых вклю-

⁴ РАЗРАБОТЧИКИ ПРОГРАММЫ: д.полит.н., профессор А.Д. Воскресенский, д.и.н., профессор В.Я. Белокреницкий, д.и.н., профессор С.И. Лунёв, к.полит.н., доцент К.А. Ефремова. Программа разработана на кафедре востоковедения МГИМО(У) МИД России в 2009 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

чает четыре лекционных занятия обзорного типа и завершается контрольным тестом. Содержание контрольных тестов не просто повторяет, но дополняет и расширяет тематику читаемых лекций. Таким образом, курс изначально нацеливает студентов на самостоятельное углубление и расширение знаний, полученных за время обучения по специальности за все предыдущие годы, а лекционный

материал служит только путеводной нитью в этом процессе, либо предоставляя обобщения в некоторых сегментах знания на основе современных концепций мировой науки, либо расширяя и углубляя познания студента по тем темам, которые не получали по тем или иным причинам должного освещения в лекционных курсах на предшествующих ступенях обучения.

Образовательные результаты курса:

Знание и понимание	
Знание и понимание: • знание основных теоретических концепций востоковедного регионоведения (Ф. Фэнон, Э. Саид, А.Г. Франк, Л. Пай, Чэнь Сяомэй); • понимание причин возникновения дихотомии «Запад — Восток», знание исторической динамики этого процесса; • понимание места и роли Востока в современной системе международных отношений.	Образовательные методики (формы проведения занятий) • лекции • самостоятельная работа
	Форма проверки знаний • тестирование

КОМПЕТЕНЦИИ	
Аналитические компетенции: • способность к комплексному и ситуационному анализу политических, социально-экономических и культурных процессов в международной среде; • знание политической системы на глобальном, региональном и государственном уровнях; • знание основных глобальных тенденций и учет их влияния на локальные институты.	Образовательные методики (формы проведения занятий) • лекции • самостоятельная работа
	Форма проверки развития (степени овладения) компетенции • тестирование

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА
«ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

КОМПЕТЕНЦИИ	
Системные компетенции: • способность демонстрировать самостоятельное обучение; • способность последовательно оценивать собственное обучение и определять потребности в обучении; • способность учиться у других, заниматься самообразованием; • умение принимать решения в состоянии стресса и ограниченного контроля времени.	Образовательные методики (формы проведения занятий) • самостоятельная работа
	Форма проверки развития (степени овладения) компетенции • тестирование
Коммуникационные компетенции: • представление специализированных неявных знаний; • способность к тесным взаимоотношениям и частому общению.	Образовательные методики (формы проведения занятий) • самостоятельная работа
	Форма проверки развития (степени овладения) компетенции • тестирование

Данный набор компетенций планируется развивать в ходе обзорных лекций и самостоятельной подготовки студентов к компьютерному тестированию, составляющему основную форму промежуточной и итоговой аттестации по курсу «Восток в мировой политике». Учитывая интегральный характер данного курса, представляется, что для более эффективной подготовки к промежуточной и итоговой аттестации студенты могут объединяться в произвольные «кружки взаимопомощи», состоящие из представителей разных языковых групп. Чтобы облегчить взаимодействие в рамках подобных неформальных объединений и подготовить студентов к использованию компьютерной системы проверки знаний, им будет предоставлена возможность обмениваться учебной информацией в рамках виртуальной среды обучения Competentum Magister Plus, задавая вопросы друг другу и преподавателю. Таким образом, даже при отсутствии семинарских занятий преподаватель получит возможность оценить степень сформированности ком-

муникационных компетенций каждого студента.

При перечислении способов формирования и оценки степени сформированности компетенций, предлагаемых разработчиками, следует особо отметить авторский метод компьютерного тестирования, который сам по себе является инновационным. Компьютерные тесты по курсу «Восток в мировой политике», насыщенные мультимедийными элементами (карты, государственная символика и т.п.), имеют не только контролирующий, но и обучающий характер: вопросы сформулированы таким образом, что, даже не сумев предложить правильного ответа, внимательный студент получит значительную долю «фоновой» информации, которая поможет ему улучшить свой результат при повторном или последующем тестировании. Подобный подход объясняет значительный объем тестового материала, который планируется включить в УМК, и отсутствие в тестах стандартных «ключей», позволяющих студенту заучить правильный ответ из учебника вместо того, чтобы найти его самостоятельно в ре-

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

комендованной литературе и электронных справочных источниках (что является одной из обязательных форм самостоятельной работы по данному курсу).

Кроме того, студенты, пропустившие по уважительной причине контрольный тест или желающие повысить свою итоговую оценку за счет выполнения допол-

нительного задания, могут предложить собственный вариант вопросов к тесту, разработанный по заданному преподавателем шаблону на основе рекомендованных источников. Лучшие варианты могут быть впоследствии включены в компьютерную базу контрольных заданий для использования в учебном процессе.

1.3. Критерии оценки знаний и компетенций

**Итоговая оценка по курсу складывается из следующих оценок
по разным видам работы студента**

Вид работы	Знания и компетенции, проверяемые в процессе выполнения данного вида работы	Доля вида работы в итоговой оценке
Конт- рольный тест № 1	• знание основных исторических дат; • знание динамики исторических процессов на Востоке;	30%
Конт- рольный тест № 2	• знание причин и понимание сути исторических явлений на Востоке; • знание политической карты Востока в исторической ретроспективе; • знание выдающихся общественных деятелей и их политической роли;	30%
Конт- рольный тест № 3	• знание национальной специфики отдельных стран Востока; • знание основных определений востоковедного регионоведения; • знание теоретических концепций востоковедного регионоведения;	30%
Проект- ное зада- ние	• знание и умение раскрыть содержание востоковедческих терминов.	10%
Итого:		100%

Текущая проверка знаний студентов проводится с использованием методики компьютерного тестирования. Тестовые задания организованы в три группы, характеризующиеся разной степенью сложности. К первой группе относятся вопросы, нацеленные на выявление базовых знаний регионоведов-востоковедов, полученных ими за весь предшествующий период обучения. Вторая группа объединяет вопросы, позволяющие оценить уро-

вень профессиональной эрудиции студентов, и в основном базируется на материале настоящего лекционного курса. В третьей группе собраны вопросы «на понимание», требующие применения аналитического подхода. Задания преимущественно формулируются в открытой форме, что исключает возможность случайного выбора правильного варианта из предложенного списка и требует от тестируемого самостоятельной работы над ответом.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

Контрольный тест содержит 10 типовых заданий нарастающей сложности, последовательно предлагаемых студенту. В каждом типовом задании содержится несколько конкретных вопросов, охватывающих отдельные страны и регионы Востока. При тестировании компьютерная программа случайным образом выбирает один из вопросов, что исключает

возможность совпадения вариантов теста и позволяет достовернее оценить индивидуальные знания каждого студента. На прохождение теста отводится 60 минут, при этом время выполнения каждого отдельного задания не регламентируется. Повторное возвращение к пропущенному заданию и навигация по тесту не допускаются.

РАЗДЕЛ 2. СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

2.1. Организационно-методические данные курса

Вид работы	Трудоемкость (в акад. часах)
Общая трудоемкость	90
Аудиторная работа	26
Ориентация	2
Лекции	24
Самостоятельная работа	58
Самоподготовка (<i>повторение лекционного материала, самостоятельное изучение рекомендованной литературы, подготовка к компьютерному тестированию</i>)	48
Проектное задание	10
Виды контроля (<i>компьютерное тестирование</i>)	6

2.2. Тематический план курса

Наименование разделов и тем	Дневная форма обучения			
	Количество часов (в акад. часах и/или кредитах)			
	Теоретические занятия	Практические занятия	Самостоятельная работа	Всего часов по теме
Ориентация	2	—	—	2
Раздел 1. Восток в мировой системе международных отношений	8	2	16	26
Тема 1.1. Введение в проблематику курса. Восток — Запад: особенности социально-политической структуры и динамики политических процессов	2	—	2	4
Тема 1.2. Системный подход в международных и региональных отношениях. Тенденции формирования мировой системы отношений и мировой политики, место Востока в этой системе	2	—	2	4

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА
«ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА • 2/2010

Наименование разделов и тем	Дневная форма обучения			
	Количество часов (в акад. часах и/или кредитах)			
	Теоретические занятия	Практические занятия	Самостоятельная работа	Всего часов по теме
Тема 1.3. Восток и Запад: тенденции и противоречия динамики социально-экономического развития	2	—	2	4
Тема 1.4. Проблемы и модели политической модернизации стран Востока в XIX–XXI вв.	2	—	2	4
Контрольный тест 1	—	2	8	8
Раздел 2. Колониализм, деколонизация и независимое развитие стран Востока	8	2	16	26
Тема 2.1. Страны традиционного Востока в международных отношениях в колониальную эпоху	2	—	2	4
Тема 2.2. Рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониального господства	2	—	2	4
Тема 2.3. Страны Востока в международных отношениях периода холодной войны	2	—	2	4
Тема 2.4. Рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны	2	—	2	4
Контрольный тест 2	—	2	8	8
Раздел 3. Современные глобальные вызовы и страны Востока	8	2	16	26
Тема 3.1. Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе	2	—	2	4
Тема 3.2. Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности	2	—	2	4
Тема 3.3. Восток и новые глобальные вызовы: сепаратизм, терроризм, наркоторговля, межкультурные конфликты	2	—	2	4
Тема 3.4. Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем	2	—	2	4
Контрольный тест 3	—	2	8	8

Наименование разделов и тем	Дневная форма обучения			
	Количество часов (в акад. часах и/или кредитах)			
	Теоретические занятия	Практические занятия	Самостоятельная работа	Всего часов по теме
Проектное задание	—	—	10	10
Итого по курсу:	26	6	58	90

2.3. Содержание курса

Раздел 1. Восток в мировой системе международных отношений

Тема 1.1. Введение в проблематику курса. Восток-Запад: особенности социально-политической структуры и динамики политических процессов

Задачи и особенности курса. Актуальность проблематики. Краткий обзор современной литературы по проблематике курса. Регионоведческие аспекты литературы по теории международных отношений и мировой политике.

Международные отношения, мировая политика, мировое комплексное регионоведение — соотношение понятий.

Восток как совокупность территориально-цивилизационных комплексов Азии и Африки. Восток как цивилизационное образование. Дихотомии Восток-Запад, Север — Юг, Центр — периферия. Восток как социокультурное понятие. Восток как географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное понятие.

Особенности структурного подхода к Западу и Востоку. Схожесть доантичных западных и восточных культур. Структурообразующие отношения в западном античном мире. Структурообразующие отношения на традиционном Востоке. Смысл альтернативных структур противостояния власти на Востоке. Особенности динамики исторического процесса на Востоке.

Особенности цивилизационного подхода к Западу и Востоку. Концепция цивилизационной «смеси». Исторические корни «противостояния» Запада и Востока. Концепции «восточного деспотизма» и «азиатского способа производства». Понятия формации и цивилизации. Смысл цивилизационного подхода: идея многоукладности, концепции «исторической эпохи», сопротивления культур («получивилизаций» в терминологии Ф. Броделя), этнической пестроты, «анклавности» капитализма.

Особенности социального строя и политического процесса на Западе и на Востоке

Особенности политического процесса на Западе: концепция эффективности, принцип неопределенности, атомарно-номиналистический принцип, принцип разделения властей, системно-функциональный принцип, теория светской политической культуры, концепция «открытого общества». Особенности политического процесса на Востоке: принцип у-вэй (воздержание от волюнтаристской активности), теократический принцип, принцип консенсуса «служилого государства» (принцип уравнительной справедливости), принцип священной справедливости.

Тема 1.2. Системный подход в международных и региональных отношениях. Тенденции формирования мировой системы отношений и мировой политики, место Востока в этой системе

Системный подход и теория систем. Противоречия и их роль в системе. Основные свойства систем и подсистем. Классификация систем. Качество систем и принципы управления ими. Безопасность как свойство системы. Общие принципы организации и механизмы обеспечения безопасности в системе.

Значение системного подхода для анализа международных и региональных отношений.

Особенности и основные направления системного подхода в МО. Типы международных систем. Законы функционирования и трансформации международных систем. Системы и подсистемы в МО. Критерии выделения региональных подсистем. Регионы и региональные подсистемы. Региональный и глобальный срез МО. Региональные подсистемы и комплексы двусторонних отношений. Региональные подсистемы и межрегиональные отношения и проблемы. Концепция регионального комплекса.

Теории «центра-периферии», «мир-системы», «первого», «второго», «третьего» и «четвертого» миров. Цивилизации и региональные подсистемы. Цивилизационные миры (исламский, индийский, конфуцианский, буддийский) и «культурные ареалы» как региональные подсистемы.

Разобщенность древнего и средневекового мира и понятие «международное сообщество». «Международное сообщество» как предтеча системы международных отношений. Локальные и региональные комплексы международных отношений. Появление современной системы государств в Европе. Европоцентристский мир и «мир Востока». Тенденции расширения ареала европейской политики. Международная (внешняя) политика современных государств. Глобальная и региональная внешняя политика. Региональная внутренняя политика, проблема границ, национального суверенитета и государственной целостности. Понятие региональных подсистем международ-

ных отношений. Региональные подсистемы и регионы. Региональные подсистемы на Востоке: «Большая» Восточная Азия; «Большой» Ближний Восток; Африка.

Тема 1.3. Восток и Запад: тенденции и противоречия динамики социально-экономического развития

Сравнительный анализ динамики и факторов политико-экономического развития ведущих стран Востока и Запада. Проблема поиска репрезентативных показателей. Проблема учета структурных изменений. Проблема измерения мощности и движения экономической системы. Понятие «комплексной мощности».

Экономическое развитие, комплексная мощность и место в системе международных отношений.

Экономическая эволюция стран Востока и Запада в исторической перспективе. «Цена включения» стран Запада в хозяйственную систему стран Востока. Причины стагнации и отставания стран Востока. «Модернизационные» прорывы XIX в.: опыт Японии.

Генезис современного экономического роста: эпоха промышленного переворота. Проблема параметров модернизационного процесса. Стратегия и тактика «колониального проникновения». Особенности экономической эволюции колониальной и полуколониальной периферии.

Новые модели экономической модернизации в послевоенный период. Проблема «догоняющей» стратегии развития.

Современные модели экономического роста развивающихся стран во второй половине XX в. и проблемы центра-периферии.

Тема 1.4. Проблемы и модели политической модернизации стран Востока в XIX–XXI вв.

Модернизация и развитие: истоки возникновения понятий. Модернизация: определение понятия. Социальная и политическая модернизация. Модернизация и вестернизация. Параметры политической модернизации.

Эшелоны модернизации. Модернизация и глобализация. Ловушки модернизации. Модернизация и прогресс.

Модернизация и развитие, концепции развития (development), «недоразвития» (under-development) и зависимости (dependency). Критика теорий развития и модернизации.

Проблема «третьей волны» демократизации (С. Хантингтон) и модернизация в странах Азии и Африки. Особенности политического процесса и политической модернизации в традиционных и посттрадиционных обществах: авторитарные, демократические, социалистические модели. Социальный, социокультурный, экономический контекст политической модернизации. Политическая эволюция стран Востока.

Региональные модели модернизации восточных стран. Китайская модель (КНР), ее особенности, этапы становления и перспективы. Проблемы сочетаемости экономической и политической стратегии модернизаций в КНР. Варианты альтернативных китайских модернизаций (Тайвань), стратегия создания «Большого Китая». Тайваньская модель политических модернизаций: от авторитарной, однопартийной системы к многопартийности и демократии. Сравнительный анализ тайваньского и китайского (материкового) опыта политических и экономических модернизаций.

Японская модель: экономический, социально-политический и культурно-цивилизационный аспекты. Роль традиционных ценностей в модернизации Японии. Альтернативы модернизаций стран Корейского полуострова: РК и КНДР.

Стратегия и особенности региональных моделей модернизаций Юго-Восточной Азии на примере Малайзии, Индонезии, Филиппин, Таиланда. Экономические и социально-политические аспекты. Проблемы модернизационного развития «периферии» ЮВА (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма).

Региональные эволюции политических и хозяйственных систем новых

независимых государств Центральной Азии: Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана.

Модернизационные «прорывы» в Южной Азии. Опыт Индии. Особенности современных социально-политических трансформаций в Индии. Этнорелигиозный фактор и проблемы сепаратизма на пути модернизации.

Региональные и страновые модели модернизаций Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Пакистан, Афганистан). Турецкий опыт модернизации в общеисламской проекции. Проблема сопоставимости. Арабские модели модернизаций. Общее и особенное в развитии и модернизации арабских стран. Израильский фактор на Ближнем Востоке. Арабо-израильские противоречия и проблемы модернизаций Израиля и его арабских оппонентов. Ресурсные модели арабских модернизаций (Саудовская Аравия, ОАЭ). Особенности нефтяной модернизационной стратегии.

Тропическая, Северо-Западная и Северо-Восточная Африка — варианты «догоняющей» модернизации. Региональные характеристики. Южная Африка — сочетание индустриальных и традиционных моделей модернизации.

Модернизация на Востоке: «тупиковая ветвь» или будущее русло мирового цивилизационного синтеза?

Раздел 2. Колониализм, деколонизация и независимое развитие стран Востока

Тема 2.1. Страны традиционного Востока в международных отношениях в колониальную эпоху

Начало европейской экспансии на рубеже XV–XVI вв. Азия и Африка в период перед проникновением европейцев и на первых колониальных этапах. Ислам и имперская государственность. Османская империя. Персия. Могольская Индия. Дальневосточные цивилизации, «закрывание» Китая и Японии для европейцев. Исламская индоокеанская система.

Освоение Ост-Индскими торговыми компаниями индоокеанского пространства (XVII–XVIII вв.). Утверждение Голландии в Индонезии, Англии в Индии, Франции в Индокитае. Освоение Российской империей Сибири и Дальнего Востока, присоединение Кавказа и Средней Азии (XVIII–XIX вв.).

Упадок Османской империи и установление колониального господства в Северной Африке и на Ближнем Востоке. «Открытие» стран Тихоокеанского бассейна. Ослабление Китая (Цинской империи) и раздел на «сферы влияния». Колониальный раздел Африки.

Пик политического господства в системе международных отношений стран Западной Европы, России, Японии и США в начале XX в.

Тема 2.2. Рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониального господства

Первая мировая война и начало процесса деколонизации. Ликвидация колониальной системы Германской империи. Распад Османской империи. Расширение колониальных владений и зоны «протекторатно-мандатной» ответственности Англии и Франции. Формирование системы полувисимых арабских государств на Ближнем Востоке. Ликвидация Российской империи, создание Советской России и СССР.

Межвоенная эпоха мировой депрессии и усиление фашистских, тоталитарных и милитаристских режимов. Кризисные явления в Китае и захват Японией Маньчжурии. Колониальные захваты Италии в Северной Африке. Японская агрессия против Китая. Расширение зоны военно-политического господства Японии в Юго-Восточной Азии на первых этапах Второй мировой войны. Поражение Германии на восточном (советском) фронте и перелом в ходе военных действий. Успехи объединенных военно-морских сил США и Великобритании на Тихоокеанском пространстве. Капитуляция Японии, ее оккупация США и раздел Кореи.

Смешанная реакция в азиатско-африканском мире на столкновение двух коалиций в мировой войне, усиление борьбы за независимость. Обострение кризиса английской колониальной системы после окончания войны и предоставление колониям в Южной Азии и Восточном Средиземноморье независимого статуса. Провал попыток Голландии задержать освобождение Индонезии. Борьба за независимость во Французском Индокитае, образование двух вьетнамских государств.

Завершение борьбы за политическую консолидацию Китая, образование КНР. Война в Корее и закрепление ее раздела на два государства.

Освобождение Африки от колониальной зависимости в середине 1950-х — середине 1960-х гг. и повышение удельного веса афро-азиатского мира в мировой политике.

Тема 2.3. Страны Востока в международных отношениях периода холодной войны

Соперничество экономически развитого, либерально-индивидуалистического «северного Запада» и индустриально-коллективистского «северного Востока» в зоне слабо развитого авторитарно-общинного «южного Востока». Проблема выбора пути развития для освободившихся афро-азиатских государств. Их игра на противоречиях между Западом и Востоком периода холодной войны. Стремление найти «третий путь», средний между капитализмом и коммунизмом. Подъем национализма, движений афро-азиатской солидарности и неприсоединения.

Выход КНР на мировую политическую арену. Влияние советско-китайского раскола на международные отношения и ситуацию в странах Азии и Африки. Китайский фактор и разрядка напряженности в отношениях между США и СССР. Вьетнамская война и последствия поражения в ней США в середине 1970-х годов.

Ближневосточное (арабо-израильское) противостояние в 1960–1980-х гг. Укрепление международных позиций не-

фтедобывающих мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока. Исламская революция в Иране и ирано-иракская война.

Афганская политика СССР. Ослабление и распад социалистической системы, дезинтеграция СССР, появление новых независимых государств в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Тема 2.4. Рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны

Усиление роли Китая в мировой политике и экономике. Проблема Тайваня и отношений с США. Укрепление стратегического партнерства КНР с Россией, создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Усиление международно-политической роли Индии. Развитие отношений в треугольнике Индия — Россия — Китай. Повышение уровня доверительности в индийско-американских связях. Сохранение за Японией позиций ведущей экономической державы мира, укрепление стратегического партнерства с США.

Рост международной роли Республики Корея, Индонезии, Вьетнама, Малайзии. Усиление международно-политического значения мусульманских государств — Исламской Республики Иран, Саудовской Аравии, Турции, Пакистана. Рост авторитета Организации Исламская Конференция (ОИК). Центральное для мировой политики значение израильско-палестинской проблемы.

Появление антизападной и антиглобалистской идеологии джихада (радикального исламизма). Активные действия исламистов в Алжире, Судане, Афганистане, а также в Индии (Кашмире), России (Чечне) и ряде других районов мира. Террористические акты 11 сентября 2001 г. и разгром интернациональными силами во главе с США исламистского режима в Афганистане. Вооруженное вторжение США и их союзников в Ирак. Разногласия в мире по поводу превентивных и односторон-

них действий. Значение ООН в мировой политике и вопрос о повышении роли государств Азии и Африки в решении задач глобального развития.

Раздел 3. Современные глобальные вызовы и страны Востока

Тема 3.1. Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе

Политические последствия распада биполярной системы. Потеря организованного характера противостояния развивающихся стран развитым государствам. Появление «серой зоны». Роль факторов силы в международных отношениях на современном этапе. Процессы регионализации (формирование региональных держав и укрепление региональной интеграции) на Востоке.

Перспективы эволюции системы международных отношений и современные тенденции мировой политики. Глобализация и мировая политика. «Новая» роль национальных государств, наднациональных объединений и цивилизационных общностей.

Разновекторность социально-экономического развития в мире. Транзитные страны и капитализм в развивающемся мире. Перспективы модели «догоняющего развития». Усиление различий между новым индустриальным и отсталым Востоком. Диверсификация экономического роста и выход азиатских стран на первые места по объему экономики. Перестройка в мировом хозяйстве и процессы глобализации. Проблемы «открытости экономик».

Тема 3.2. Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности

Проблема глобальной безопасности и распространение ядерных технологий в ареале стран Азии. Превращение КНР в ядерную державу. Установление режима нераспространения ядерного оружия. Испытание ядерного устройства Индией. Планы создания «исламской бомбы». Ближневосточный «ядерный узел». Проблема «пороговых государств». Присоеди-

нение Китая к режиму нераспространения и запрета на ядерные испытания. Отказ Индии поддержать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Превращение Индии и Пакистана в фактические ядерные державы. Перспективы дальнейшей нуклеаризации и обеспечения глобальной и региональной безопасности.

Значение военного фактора в современной мировой системе. Военно-политические аспекты обеспечения безопасности стран Востока. Военно-политические механизмы и политико-дипломатические мероприятия по обеспечению национальной безопасности.

Основные компоненты обеспечения региональной безопасности в Восточной Азии и изменения их значимости в биполярный и постбиполярный период. Двусторонние отношения и соглашения как фундаментальная база обеспечения безопасности. Многосторонние структуры обеспечения безопасности в АТР. Региональные конфликты (проблема Корейского полуострова и Тайваня).

Асимметрия в Южной Азии и доминирование Индии. Проблемы обеспечения безопасности региона и различные подходы государств. Роль внешних акторов в Южной Азии.

Проблема режимов региональной безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. Ирано-иракская война. Афганский кризис. Военная операция США и ее союзников в Афганистане. Кувейтский кризис и война в Заливе. Новая война в Ираке и глобальная безопасность. Палестинская проблема и ближневосточное мирное урегулирование.

Вооруженные конфликты в Африке.

Тема 3.3. Восток и новые глобальные вызовы: сепаратизм, терроризм, наркоторговля, межцивилизационные конфликты

Возможность создания моноцивилизационного мира. Нарастание культурно-цивилизационной отчужденности на современном этапе и проблемы безопасности.

Политическая мобилизация в сепаратистских и террористических целях. Изменение форм социального протеста на Востоке во второй половине XX в.: от массовых уличных выступлений к вооруженным методам. Влияние внешних факторов и новых технико-материальных условий на формы реализации национал-сепаратистских настроений.

Ареал исламской цивилизации и новые формы политической борьбы. Национальные движения курдов в странах Ближнего и Среднего Востока. Радикальные исламистские течения, фундаментализм и экстремизм. Подъем исламизма в Иране, Пакистане и Афганистане.

Конфликты на стыке исламского и неисламского ареалов. Коммунализм, сепаратизм и национальная безопасность в Индии. Сепаратизм и проблема китайской государственности. Межцивилизационные столкновения на «стыках» буддийского ареала (Шри-Ланка, Мьянма, Камбоджа).

Рост наркоторговли и вовлечение в нее стран Азии. Проблемы безопасности личности и нацменьшинств на Востоке. Проблема «нетрадиционных» угроз безопасности.

Тема 3.4. Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем

Тенденция сокращения душевых показателей обрабатываемой и пахотной площадей и концепция «антропогенной нагрузки на землю». Концепция «несущей способности» территории. Истощение почв и других невозобновляемых ресурсов. Загрязнение атмосферы. Проблемы «всемирного потепления» и промышленных выбросов. Опасности атомной энергетики. Нищета, отсталость, открытая и скрытая безработица в странах Востока.

Азия и Африка в демографических прогнозах. Пессимистические прогнозы (всеобщий кризис, мировая «смута», расширение очагов «неоархаики» в международных отношениях).

Нефтяные и газовые сверхдержавы. Основные импортеры источников энергии. Важнейшие тенденции в развитии энергетики и внешнеэкономических связей в этой области. Энергетические стратегии стран Востока и проблемы энергетической безопасности.

Оптимистические и пессимистические прогнозы мирового развития и развития стран Востока. Представления о неограниченных возможностях развития на базе творческих инноваций (закон «возрастающей отдачи»).

Возможное усиление роли Востока в мире на фоне вероятных тенденций демографической, экономической и политической эволюции.

2.4. Самостоятельная работа

Самостоятельная работа по курсу складывается из повторения лекционного материала и проработки рекомендованной литературы, предназначенной для подготовки к тестам. При самостоятельном изучении материалов по курсу рекомендуется обратить особое внимание на ключевые даты, имена и биографии видных афро-азиатских деятелей в сравнительной ретроспективе. Важно знать не только то, что происходило в том или ином регионе Востока в определенный период, но и уметь сопоставить рассматриваемые события с динамикой межрегиональных и глобальных политических процессов.

При подготовке к тестированию рекомендуется заранее ознакомиться со структурой и содержанием тестов, а также критериями оценки отдельных заданий. Типовой тест включает десять заданий, предметные поля которых представлены ниже:

Задание 1. Укажите страны, отвечающие заданному критерию

В данном задании студенту предлагается ответить на десять вопросов о том, отвечает ли то или иное государство заданному критерию (см. ниже). За исчер-

пывающий ответ на вопрос (выбраны все правильные варианты и ни одного ошибочного) начисляется 2 балла, за неполный ответ (выбрана часть правильных вариантов и ни одного ошибочного) баллы начисляются пропорционально количеству выбранных правильных вариантов, в случае неверного ответа (выбран ошибочный вариант) баллы не начисляются. Набранные в ходе правильных ответов баллы суммируются. Максимальная «стоимость» задания — 10 баллов.

Предметное поле задания (по разделам):

1. Колонии европейских держав (Испании, Португалии, Голландии, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Бельгии) и Японии; протектораты; территории, находившиеся под мандатом Лиги Наций.

2. Принадлежность государства к одной из афро-азиатских региональных группировок (АСЕАН, СААРК, БИМС-ТЭК, ШОС, ССАГПЗ, САМ, ЭКОВАС, СЕЕАК, ВАС, САДК).

3. Актуальность для страны тех или иных вызовов и угроз безопасности (сепаратизм, межэтнические конфликты, межконфессиональные конфликты, религиозный экстремизм, проблемы легитимности правящего режима, «несостоятельность» государства, аграрное перенаселение, недостаток водных ресурсов, недостаток энергоресурсов, ядерное распространение).

Задание 2. Укажите верное соответствие изображенному объекту

В данном задании, включающем две секции по одному вопросу, студенту предлагается выбрать из предложенного перечня, включающего восемь пунктов, единственный правильный ответ, соответствующий изображенному на карте объекту. Одновременный выбор нескольких ответов не допускается. За правильный ответ начисляется 2 балла. Максимальная «стоимость» задания — 4 балла.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

Предметное поле задания (по разделам):

1. Азиатские и африканские империи, европейские колониальные империи в начале XVIII — середине XX в.

2. Региональные и межрегиональные организации Азии и Африки (АСЕАН, СААРК, ШОС, ССАГПЗ, САМ, ЭКОВАС, СЕЕАК, ВАС, АРСИО, АТЭС, ЕврАзЭС, АСЕМ, АС, ЛАГ, ОИК, ОПЕК).

3. Культурно-цивилизационные ареалы и анклавы (махаянский, хинаянский, синтоистский, индусский, суннитский, шиитский, ибадийский, иудейский, бежитский, католический, протестантский, монофизитский).

Задание 3. Восстановите хронологические рамки события

В данном задании, включающем десять вопросов, студенту предлагается указать примерный временной диапазон, когда происходило то или иное событие (с точностью до десяти лет). Каждый вопрос предусматривает всего один правильный ответ, за который начисляется 2 балла. Максимальная «стоимость» задания составляет 20 баллов.

Предметное поле задания (по разделам):

- Колониальные завоевания и подъем национально-освободительных движений народов Азии и Африки в первой трети XIX — первой трети XX в.

- Борьба народов Азии и Африки за независимость и политическое развитие независимых афро-азиатских государств в начале XX — начале XXI в.

- Международные кризисы и конфликты в Азии и Африке (первая треть XX — начало XXI в.).

Задание 4. Назовите имя общественно-политического деятеля

В данном задании, включающем пять секций, студенту предлагается выбрать из списка, содержащего восемь пунктов, имя известного общественно-политического деятеля, сыгравшего заметную роль в судьбах того или иного региона. Каж-

дый вопрос предусматривает всего один правильный ответ, за который начисляется 3 балла.

Предметное поле задания (по разделам):

- Правители, проповедники, философы, реформаторы и революционеры, сыгравшие заметную роль в истории афро-азиатского антиколониального и антиимпериалистического движения.

- Лидеры национально-освободительных движений, тираны и диктаторы середины XX в.

- Наиболее известные главы государств и правительств, лидеры автономий и непризнанных режимов Азии и Африки.

Задание 5. Восстановите правильную последовательность событий

В данном задании, состоящем из двух секций, тестируемому предлагается перегруппировать четыре элемента списка таким образом, чтобы они выстроились в хронологическом порядке. За правильно восстановленную последовательность событий начисляется 5 баллов, неправильные варианты не засчитываются. Максимальная «стоимость» задания — 10 баллов.

Предметное поле задания (по разделам):

- Возникновение древних и средневековых государств Востока, особенности их культурно-исторического развития. Колониальная экспансия европейских держав.

- Процессы национального самоопределения и национального строительства, формирование региональных интеграционных группировок в Азии и Африке.

- Процессы деколонизации и глобализации, их влияние на взаимоотношения развитых и развивающихся стран. Политические кризисы и военные конфликты в современном афро-азиатском мире (вторая половина XX — начало XXI в.).

Задание 6. Отметьте одно или несколько утверждений, позволяющих исчерпывающе ответить на поставленный вопрос

В данном задании, состоящем из двух секций, студенту предлагается выбрать из предложенного перечня, включающего восемь пунктов, одно или несколько утверждений, соответствующих действительности. За исчерпывающий ответ на вопрос (выбраны все правильные варианты и ни одного ошибочного) начисляется 5 баллов, за неполный ответ (выбрана часть правильных вариантов и ни одного ошибочного) баллы начисляются пропорционально количеству выбранных правильных вариантов, в случае неверного ответа (выбран ошибочный вариант) баллы не начисляются. Максимальная «стоимость» задания — 10 баллов.

Предметное поле задания (по разделам):

1. Дихотомия «Восток — Запад», основные характеристики восточного общества как альтернативной общественной модели. Особенности феодальных и капиталистических отношений на Востоке.

2. Основные положения важнейших международных договоров, касающихся колониальных и развивающихся стран. Внешнеполитические и внутривнутриполитические стратегии афро-азиатских государств, претендующих на региональное лидерство.

3. Проблемы безопасности и устойчивого развития стран Азии и Африки на современном этапе.

Задание 7. Отметьте единственно верное утверждение

В данном задании, состоящем из двух секций, студенту предлагается выбрать из предложенного перечня, включающего восемь пунктов, единственный правильный ответ, за который начисляется 3 балла. Одновременный выбор нескольких ответов не допускается. После того как ответ выбран, студенту предлагается письменно обосновать, почему он считает выбранный ответ единственно верным (500–750 знаков). За убедительную аргументацию

каждого ответа дополнительно начисляется до 3 баллов. Максимальная «стоимость» задания — 12 баллов.

Предметное поле задания (по разделам):

1. Причины и последствия европейской колонизации для народов Азии и Африки. Особенности экономического и политического развития стран Востока в сравнении со странами Запада.

2. Идеологические поиски, проблемы и противоречия на путях независимого развития народов Азии и Африки.

3. Проблемы устойчивости политических режимов, кризисы и конфликты в Азии и Африке конца XX — начала XXI в.

Задание 8. Укажите принадлежность цитаты

В данном задании студенту предлагается выбрать из списка, содержащего шесть пунктов, название религиозно-философского или теоретического подхода, которому соответствует цитируемый отрывок. В качестве цитат выбраны наиболее характерные отрывки из оригинальных трудов мыслителей (в том числе из хрестоматий).

Задание содержит три вопроса. Единственно возможный правильный ответ на каждый вопрос оценивается в 3 балла. Максимальная стоимость задания — 9 баллов.

Предметное поле задания (по разделам):

10. Крупнейшие религиозные философы христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма и синтоизма.

2, 3. Крупнейшие представители культурно-исторического, формационного, геополитического, реалистического, неореалистического, либерального, неолиберального и постмодернистского подходов в теории международных отношений.

Задание 9. Обозначьте понятие, к которому относится данное определение

В данном задании студенту предлагается ввести с клавиатуры ПРОПИС-

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «ВОСТОК В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

НЫМИ БУКВАМИ понятие, к которому относится приведенное определение. Каждый пропуск в тексте соответствует одному слову (не словосочетанию). Здесь допускается всего один правильный ответ, за который начисляется 5 баллов. Пожалуйста, обратите внимание на орфографию вашего ответа!

Предметное поле задания:

1. Основные понятия, характеризующие различные формы зависимости афро-азиатских стран от европейских держав и особенности социально-экономической трансформации восточных обществ.

2. Основные понятия, характеризующие различные политические процессы и структурные явления, имеющие место в Азии и Африке.

3. Общемировые социально-экономические процессы на рубеже XX–XXI вв. и реакция на них народов Востока. Азиатские и африканские идеологии конца XIX — начала XXI в.

Задание 10. Подробно раскройте содержание термина

В данном задании студенту предлагается подробно (2500–3000 знаков) раскрыть значение приведенных востоковедных терминов. Данное задание оценивается преподавателем в 0–5 баллов, в зависимости от глубины понимания студентом указанного феномена и его составных элементов. При оценке учитывается не только фактологическая сторона вопроса, но и связность, логичность и грамотность изложения:

0 баллов	—	полное незнание с рассматриваемым явлением;
1 балл	—	смутное представление о рассматриваемом явлении, неумение раскрыть его содержание;
2 балла	—	фрагментарное или частично искаженное представление о рассматриваемом явлении;
3 балла	—	верное, но ограниченное понимание сути и содержания рассматриваемого явления;
4 балла	—	достаточно полное понимание сути и содержания рассматриваемого явления;
5 баллов	—	полное понимание сути рассматриваемого явления, умение раскрыть его историческое содержание и связь с аналогичными явлениями.

Примечание. Если итоговый балл составляет меньше установленного порогового значения (60% от «стоимости» задания, т.е. 3 балла), ответ не засчитывается.

Предметное поле задания (по разделам):

1. Особенности социальной и конфессиональной структуры традиционных обществ Востока.

2. Политические идеологии независимых государств Азии и Африки.

3. Этноконфессиональные группы и религиозно-философские идеологии современных стран Азии и Африки.

РАЗДЕЛ 3. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУРСА

3.1. Критерии оценки знаний

Оценка за контрольный тест выставляется путем суммирования баллов, полученных за каждое выполненное задание, и пересчета полученных баллов в академический рейтинг по шкале переноса града-

ций, применяемой в рамках Европейской системы переноса и накопления кредитов (ECTS Grade Transfer Scale):

— по итогам каждой аттестации формируется рейтинговый список студентов, успешно прошедших контрольный тест;

— список разбивается на пять частей в соответствии со сравнительными (относительно друг друга) результатами промежуточной аттестации студентов;

— 10% студентов, набравших наибольшее количество баллов, получают отметку «А», следующие 25% — отметку «В», следующие 30% — отметку «С», следующие 25% — отметку «D» и последние 10% из числа успешно прошедших тест — отметку «Е».

Итоговая оценка по курсу выводится на основании результатов трех промежуточных контрольных тестов, которые могут при необходимости заменяться и/или дополняться выполнением проектного задания (например, если студент пропустил тестирование из-за болезни или стажировки). Проектное задание, выполненное в качестве дополнения к контрольному тесту, может принести дополнительно до 10 баллов, которые добавляются к результатам соответствующего промежуточного тестирования, повышая тем самым позицию студента в рейтинговом списке. Студенты, чей средний академический рейтинг за три промежуточных теста (с учетом проектных заданий) составляет меньше 70%, считаются не освоившими курс и сдают обобщающий итоговый тест вне рамок учебного расписания.

Примечание. Максимальное значение академического рейтинга за прохождение обобщающего итогового теста составляет не более 69%, независимо от количества набранных баллов.

3.2. Список источников и литературы для самостоятельной подготовки

3.2.1. Источники

1. Статут Лиги наций (1919).

2. Атлантическая хартия (1941).

3. Устав Организации Объединенных Наций (1945).

4. Декларация ГА ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960).

5. Соглашение о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией (1954).

6. Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки (1955).

7. Совместная декларация семидесяти семи развивающихся стран (1964).

8. Каирская декларация о правах человека в исламе (1990).

9. Бангкокская декларация о правах человека (1993).

10. Тегеранская декларация о диалоге между цивилизациями (1999).

3.2.2. Литература

К разделу 1

Обязательная

1. Алаев Л.Б. История Востока: Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М. : РОСМЭН, 2007. 496 с.

2. Васильев Л.С. История Востока : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 511 с.

3. Васильев Л.С. История Востока : учебник для вузов : В 2 т. Т. 2. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 575 с.

4. Системная история международных отношений, 1918–2000 : в 4 т. Т. 1 : События. 1918–1945 / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2000. 516 с.

5. Системная история международных отношений, 1918–2000 : в 4 т. Т. 2 : документы. 1910–1940 / сост. А.В. Мальгин. М. : Московский рабочий, 2000. 243 с.

6. Системная история международных отношений, 1918–2003 : в 4 т. Т. 3 : События, 1945–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2003. 718 с.

7. Системная история международных отношений, 1918–2003 : в 4 т. Т. 4 : Документы. 1945–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2004. 598 с.

8. Хорос В.Г. Модернизация как общемировой процесс // Политическая наука в России: интеллектуальный по-

иск и реальность : хрестоматия / под ред. А.Д. Воскресенского; Моск. обществ. науч. фонд. М. : МОНФ; ИЦНиУП, 2000. С. 320–335.

Дополнительная

1. Алаев Л.Б. История традиционного Востока с древнейших времен до начала XX века : учеб. пособие / МГИМО (У) МИД России, каф. востоковедения. М. : МГИМО — Университет, 2004. 380 с.

2. Вигасин А.А. История Древнего Востока : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. М. : Дрофа, 2007. 223 с.

3. История Востока : в 6 т. Т. 3 : Восток на рубеже Средневековья и Нового времени XVI–XVIII вв. М. : Восточная литература, 1999. 696 с.

4. История Востока : в 6 т. Т. 4 : Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). Кн. 1 / Ин-т востоковедения РАН. М. : Восточная литература, 2004. 608 с.

5. История Востока : в 6 т. Т. 4 : Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). Кн. 2 / Ин-т востоковедения РАН. М. : Восточная литература, 2005. 574 с.

6. История Востока : в 6 т. Т. 5 : Восток в Новейшее время (1914–1945 гг.) / Ин-т востоковедения РАН. М. : Восточная литература, 2006. 717 с.

7. Львова Э.С. История Африки в лицах: Биографические очерки. Выпуск 1. Африка в доколониальную эпоху. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 256 с.

8. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М. : Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

9. Новая история стран Азии и Африки: XVI–XIX века : учеб. для студентов вузов : в 3 ч. Ч. 1 / Ацамба Ф.М., Родригес А.М., Галкина Е.С. и др.; под ред. М.А. Родригеса. М. : Владос, 2004. 400 с.

10. Новая история стран Азии и Африки: XVI–XIX века : учеб. для студентов вузов : в 3 ч. Ч. 2 / Ацамба Ф.М., Родригес А.М., Галкина Е.С. и др.; под ред. М.А. Родригеса. М. : Владос, 2004. 463 с.

11. Новая история стран Азии и Африки: XV–XIX века : учеб. для студен-

тов вузов : в 3 ч. Ч. 3 / Ацамба Ф.М., Родригес А.М., Галкина Е.С. и др.; под ред. М.А. Родригеса. М. : Владос, 2004. 511 с.

12. Панарин А.С. Политология: западная и восточная традиции. М. : Кн. дом «Университет», 2000. 319 с.

13. Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 635 с.

14. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред., вступ. ст. Б.С. Ерасова. М. : Аспект Пресс, 1999. 556 с.

15. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] / гл. ред. А.В. Добровольский. URL: <http://www.krugosvet.ru>, свободный.

16. Chen Xiaomei. Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China / Chen Xiaomei. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 239 p. (Электронная версия книги на Google Books. URL: <http://books.google.com>, ограниченный).

17. Fanon F. Black Skin, White Masks / Frantz Fanon. — N.Y.: Grove Press, 1991. — 232 p. (Электронная версия книги на Google Books. URL: <http://books.google.com>, ограниченный).

18. Fanon F. Peau Noire, Masques Blancs / Frantz Fanon. Paris: Éditions du Seuil, 1975. 188 p.

19. Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age / Andre Gunder Frank. Berkeley: California Univ. Press, 1998. 337 p.

20. Pye L.W. Asian Power and Politics : The Cultural Dimensions of Authority / Lucian W. Pye, Mary W. Pye. Cambridge, Mass. : Belknap Press, 1985. xiii, 414 p.

21. Pye L.W. The Confrontation between Discipline and Area Studies / Lucian W. Pye // Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? / Ed. by Lucian W. Pye. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1975. Pp. 3–22.

К разделу 2

Обязательная

1. Васильев Л.С. История Востока : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 511 с.

2. Васильев Л.С. История Востока: учебник для вузов : в 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 575 с.

3. Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. 526 с.

4. Новейшая история стран Азии и Африки / науч. ред. и сост. С.Б. Дружников; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения. М. : МГИМО — Университет, 2008. 400 с.

5. Системная история международных отношений, 1918–2000 : в 4 т. Т. 1 : события. 1918–1945 / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2000. 516 с.

6. Системная история международных отношений, 1918–2000 : в 4 т. Т. 2 : документы. 1910–1940 / сост. А.В. Мальгин. М. : Московский рабочий, 2000. 243 с.

7. Системная история международных отношений, 1918–2003 : в 4 т. Т. 3 : события, 1945–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2003. 718 с.

8. Системная история международных отношений, 1918–2003 : в 4 т. Т. 4 : документы. 1945–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2004. 598 с.

Дополнительная

1. Булатов А.С. Мировая экономика : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экономистъ, 2007. 860 с.

2. Кальвокоресси П. Мировая политика. 1945–2000 = World Politics 1945–2000 : в 2 кн. Кн. 1. М. : Международные отношения, 2003. XXVII, 594 с.

3. Кальвокоресси П. Мировая политика. 1945–2000 = World Politics 1945–2000 : в 2 кн. Кн. 2. М. : Международные отношения, 2003. VII, 435 с.

4. Новейшая история стран Азии и Африки XX в. 1900–1945 : учебник : в 3 ч. Ч. 1 / под ред. А.М. Родригеса. М. : Владос, 2005. 367 с.

5. Новейшая история стран Азии и Африки XX в. 1900–1945 : учебник : в 3 ч. Ч. 2 / под ред. А.М. Родригеса. М. : Владос, 2005. 320 с.

6. Новейшая история стран Азии и Африки XX в. 1900–1945 : учебник : в 3 ч. Ч. 3 / под ред. А.М. Родригеса. М. : Владос, 2005. 272 с.

7. Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика: учеб. пособие / Моск. психолого-социальный ин-т. М. : Флинта, 1998. 112 с.

8. Энциклопедия стран мира / гл. ред. Н.А. Симония. М. : Экономика, 2004. 1319 с.

К разделу 3

Обязательная

1. Васильев Л.С. История Востока : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 511 с.

2. Васильев Л.С. История Востока : учебник для вузов : в 2 т. Т. 2. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 575 с.

3. Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000 = World Politics 1945–2000 : в 2 кн. Кн. 1. М. : Международные отношения, 2003. XXVII, 594 с.

4. Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000 = World Politics 1945–2000 : в 2 кн. Кн. 2. М. : Международные отношения, 2003. VII, 435 с.

5. Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Торкунов. 2-е изд. М. : Просвещение, 2005. 990 с.

6. Этноты и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / под ред. А.Д. Воскресенского, М.А. Сапроновой; МГИМО (У) МИД России. М. : МГИМО — Университет, 2005. 576 с.

Дополнительная

Васильев Л.С. История религий Востока : учеб. пос. для вузов. М. : Кн. дом «Университет», 2006. 704 с.

1. Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока: учеб. пособие / МГИМО (У) МИД России, каф. востоковедения. М. : МГИМО, 1999. 217 с.

2. Льюис Б. Последнее наступление ислама? [Электронный ресурс] / Бернард Льюис // Россия в глобальной политике. 2007. Сентябрь–октябрь. № 5. Режим доступа: Электронная версия журнала «Россия в глобальной политике». URL: <http://www.globalaffairs.ru/printver/8549.html>, свободный.

3. Михеев В. Северо-Восточная Азия: энергетические стратегии безопасности / Михеев В., Якубовский В., Бергер Я., Белокурова Г. Рабочие материалы Московского центра Карнеги. № 6. М. : Carnegie Endowment for International Peace, 2004. 51 с.

4. Наумкин В.В. Фехтование цивилизаций [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2007. Сентябрь–октябрь. № 5. Режим доступа: Электронная версия журнала «Россия в глобальной политике». URL: <http://www.globalaffairs.ru/printver/8550.html>, свободный.

5. Новейшая история стран Азии и Африки XX в. 1900–1945 : учебник : в 3 ч. Ч. 1. / под ред. А.М. Родригеса. М. : Владос, 2005. 367 с.

6. Новейшая история стран Азии и Африки XX в. 1900–1945 : учебник : в 3 ч. Ч. 2 / под ред. А.М. Родригеса. М. : Владос, 2005. 320 с.

7. Новейшая история стран Азии и Африки XX в. 1900–1945 : учебник : в 3 ч. Ч. 3 / под ред. А.М. Родригеса. М. : Владос, 2005. 272 с.

8. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке / под ред. академика РАЕН А.М. Хазанова, академика МАН С.Н. Кузнецова, к.и.н. В.П. Панкратьева; Институт востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 1997. 341 с.

9. Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий : учеб. пособие / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2004. 471 с.

10. Суслов Д.В. Международные экономические отношения и региональная экономическая интеграция в странах Азии : доклад на основе ситуационного анализа // Азиатский многоугольник: конфликтность и потенциал интеграции / Гос. ун-т Высшая школа экономики. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. С. 7–26.

11. Хаас Р. Новый Ближний Восток [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2006. Ноябрь–декабрь. № 6. Режим доступа: Электронная версия журнала «Россия в глобальной политике». URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6676.html>, свободный.

12. Южная Азия: конфликты и геополитика / отв. ред. В.Я. Белокреницкий; Ин-т востоковедения РАН. М., 1999. 174 с.

13. Kakutani M. A Challenge for the US: Sun Rising on the East [Электронный ресурс] / Michiko Kakutani // The New York Times. 8 May 2008. Режим доступа: Электронная версия газеты «Нью-Йорк Таймс». URL: <http://www.nytimes.com/2008/05/06/books/06kaku.html>, свободный.

14. Sanghee L. Realities and Possibilities for a Peace System in Northeast Asia / Lee Sanghee. Wash.: The Brookings Institution, 1 November 2007. 17 p.

РАЗДЕЛ 4. МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

4.1. Список учебно-лабораторного оборудования

Для проведения тестирования необходим компьютерный класс.

4.2. Программные средства обучения

Виртуальная среда обучения Competentium Magister Plus, интегрированная с программой «Электронный деканат».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обмен опытом среди молодых управленцев различных вузов, работающих в сфере общественно-политического образования в г. Москве (30.11.2009)

Тридцатого ноября 2009 г. на факультете политологии МГИМО — Университета состоялся семинар на тему «Опыт работы и проблемы профессионального роста молодых управленцев вузов Москвы в сфере общественно-политических наук».

В семинаре приняли участие молодые преподаватели, исследователи и администраторы (в основном — кандидаты наук в возрасте от 25 до 35 лет) из МГИМО (У) МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, ГУ — ВШЭ, ИМЭМО РАН, Института проблем международной безопасности РАН и Совета по внешней и оборонной политике.

Вопросы, обсуждавшиеся на семинаре, можно разделить на несколько групп:

- стимулы и препятствия карьерного роста молодых управленцев в сфере образования и изучения социальных наук;

- преимущества и недостатки совмещения преподавательской и административной работы;

- карьерные возможности выпускников ведущих российских вузов, реализующих учебные программы в сфере политологии и международных отношений;

- взаимосвязь исследовательского и преподавательского компонента в деятельности молодого специалиста, а также опыт экспертного обеспечения органов государственного управления молодыми учеными и преподавателями.

1. Стимулы и препятствия карьерного роста молодых управленцев в сфере образования и изучения социальных наук

Основным докладчиком по данной теме доцентом МГИМО — Университета

М.А. Троицким было отмечено, что препятствия и стимулы носят общий характер как для молодых управленцев, так и для преподавателей. При этом управление неразрывно связано с преподаванием: подавляющее число молодых управленцев выполняют административную нагрузку в дополнение к преподавательской работе. Другие участники отметили, что административная деятельность в сфере науки и образования является одним из мотивирующих факторов для молодых преподавателей. Многие из них хотят проявить себя на уровне организации исследований и учебного процесса.

В ходе дискуссии были выявлены следующие основные общие стимулы для управленцев и преподавателей:

- 1) расширенные возможности «креативной самореализации». Для преподавателей это возможность создать новый курс и внедрить его на практике. Для управленцев — усовершенствовать учебный процесс в вузе или поставить задачи вверенному исследовательскому подразделению;

- 2) перспектива наиболее полной реализации собственного потенциала, востребованность в вузах и исследовательских учреждениях интеллектуального ресурса, которым обладают молодые преподаватели и управленцы;

- 3) относительно низкий уровень стресса на работе, гибкий рабочий график;

- 4) более «мягкая» внутрикорпоративная конкуренция по сравнению с частным сектором;

- 5) возможность карьерного роста для управленцев и получения признания для преподавателей в зависимости от достигнутых ими успехов. У молодых преподавателей и управленцев существует надежда на то, что критерии успеха в науке, образовании и управлении носят более четкий характер, чем, например, в деловом адми-

нистрировании. При этом проявить себя можно быстрее, чем в других сферах, например на государственной службе;

б) высокая надежность и престиж работы в государственном образовательном или научном учреждении;

7) в ряде вузов — потребность в новых формах, методах и технологическом обеспечении образовательного процесса. Возможности подобного новаторства интересуют молодых преподавателей и управленцев, склонных к использованию подобных технологий и желающих получить за это соответствующее поощрение;

8) тот факт, что управленческая деятельность в дополнение к научной и учебной позволяет расширить круг связей с коллегами, получить представление о приоритетных направлениях развития образования и науки как в конкретном вузе, так и в стране в целом.

Участники семинара проанализировали также специфические препятствия для молодых преподавателей, включающие:

1) консервативную организационную среду. В университетах и НИИ высока роль признанных авторитетов. В таких условиях сложно добиться признания, если кто-либо из авторитетных преподавателей, исследователей или управленцев не одобряет деятельность молодого специалиста. Причем такого рода неодобрение может иногда носить субъективный характер;

2) длительный срок, необходимый, чтобы заслужить признание студентов;

3) недостаточно четкие критерии качества научных исследований, учебных программ и методик преподавания, что затрудняет возможность выдвижения и карьерного роста способных исследователей и преподавателей;

4) усреднение оценок работы преподавателей, неразвитую систему оценки качества преподавания.

По заключению экспертов — участников семинара, специфические препятствия для молодых управленцев включают:

1) низкую скорость ротации кадров в учебном заведении или исследовательском институте. Молодые исследователи часто задаются вопросом о том, каков, например, средний возраст заведующих отделами или кафедрами в их учреждении — при том, что далеко не все из них являются признанными научными авторитетами в своих областях знаний;

2) неясные критерии карьерного роста, отсутствие ясной оценки результатов деятельности молодых управленцев их руководством, иногда — недостаточное поощрение (хотя бы эмоциональное) за достигнутые результаты;

3) недостаток возможностей повлиять на ситуацию, добиться предлагаемых молодым администратором изменений даже в тех случаях, когда целесообразность этих изменений очевидна;

4) отсутствие содержательной дискуссии о путях развития вуза или НИИ с участием молодых преподавателей или исследователей;

5) уровень оплаты труда, не всегда соответствующий квалификации преподавателя и/или управленца;

б) наличие других возможностей трудоустройства, подразумевающих альтернативные карьерные пути.

2. Преимущества и недостатки совмещения преподавательской и административной работы

Основным докладчиком доцентом МГИМО — Университета С.С. Веселовским было отмечено, что административная работа, несомненно, препятствует развитию преподавательской карьеры. Разработка и модернизация курсов, подготовка к занятиям, проверка контрольных работ и т.д. отнимают значительное количество времени. Администратору в сфере образования всем этим, как правило, приходится заниматься в свободное от основной работы время, т.е. по вечерам и выходным. Кроме того, необходимость вести занятия во время рабо-

чего дня, часто весьма напряженного, не лучшим образом сказывается на качестве занятий. Иногда необходимо несколько минут для того, что прийти в себя и вспомнить материал к текущему занятию. В этом, по мнению докладчика, заключается самый очевидный минус совмещения административной и преподавательской работы. Докладчик выделил, однако, и ряд положительных моментов такого совмещения.

1) Административная деятельность позволяет более глубоко понять систему организации учебного процесса. Только благодаря ей преподаватель в достаточной мере может осознать логику всего учебного процесса: от задумки какой-либо магистерской программы до ее практической реализации, что предполагает составление учебного плана, поиск преподавателей, учет имеющейся в библиотеке необходимой учебной литературы, организацию вступительных испытаний, контроль за текущим ходом учебного процесса и даже выпуск студентов.

2) Административная работа дает возможность значительно расширить круг контактов в академической сфере, поближе познакомиться с работой коллег по «преподавательскому цеху». Более того, именно с места администратора эта работа выглядит системной и комплексной — как определенное развитие образовательной траектории студента, где каждый курс должен идти в определенной последовательности, углубляя познания студента в той или иной области. По общему заключению участников семинара, столь же важно перенимать опыт старших коллег, которые используют интересные преподавательские методики, часто выработанные на базе их собственного преподавательского опыта.

3) Административная работа дает широкие возможности установления «обратной связи» со студентами относительно общего качества получаемого ими образования, а также отдельных курсов. При этом недопустимо полностью «ид-

ти на поводу» у студентов, однако студенты часто выдвигают вполне обоснованные замечания, к которым необходимо прислушиваться. В случае длительной неудовлетворенности качеством образовательных услуг студент может перейти на платное обучение в другой вуз. В качестве варианта предоставления студенту возможности выразить свое мнение участниками семинара было предложено анонимное анкетирование студентов на последнем занятии.

3. Карьерные возможности выпускников ведущих российских вузов, реализующих учебные программы в сфере политологии и международных отношений

Основная докладчица по данному вопросу доцент МГИМО (У) МИД России О.В. Лебедева выделила и проанализировала три основных фактора, влияющие на выбор выпускниками будущей профессии.

- 1) социальный статус и престиж;
- 2) материальная составляющая компенсации за труд;
- 3) возможности карьерного роста на избранном профессиональном пути.

Социальный статус и престиж работы

В последние несколько лет наблюдается рост популярности государственной службы и связанный с этим рост популярности службы дипломатической, престиж которой высок традиционно. Данная работа в первую очередь ассоциируется с высокими профессиональными требованиями и выделяется среди других направлений государственной службы.

Участники семинара объяснили этот тренд повышением роли государственной власти в жизни общества, большей социальной защищенностью государственно-служащего и — особенно — дипломата по сравнению с работниками частного сектора экономики, стабильностью заработка (особенно в условиях «сжатия» рынка труда в 2008–2009 гг.).

По мнению докладчицы, в общественном восприятии профессия дипломата выглядит более «гламурной» по сравнению с «серыми буднями» преподавателя, пусть даже и такого престижного учебного заведения, как МГИМО. Поездки в дальние страны, новые впечатления, «великосветский» образ жизни и неразрывно с ним связанное материальное благополучие, воспетые в кино и литературе, сформировали и поддерживают в обществе расхожий стереотип романтики и привилегированности дипломатической службы.

Материальный достаток и социальная защищенность

По заключению участников семинара, выпускник вуза, решивший посвятить себя государственной службе или научно-преподавательской деятельности, скорее всего, не будет рассматривать материальный фактор в качестве главного определяющего при выборе профессии. Однако перспектива роста денежного вознаграждения за работу не может не оказывать определенное влияние. В среднем зарплата молодого преподавателя ниже, чем сотрудника МИД России младшего и среднего звена. Разница становится еще более существенной, когда дипломат получает назначение в загранпредставительство РФ.

Одним из средств повышения престижа государственной службы в целом и дипломатической в частности является повышение заработной платы. МИД России, начиная с 2005 г., несколько раз значительно повышал заработную плату сотрудникам центрального аппарата и загранпредставительств. Кроме того, руководством страны была гарантирована регулярная индексация денежных выплат.

Таким образом, даже если на данный момент уровень заработной платы в вузах и МИД России различается не очень сильно, динамика к повышению в МИД России явно выше, что со временем может сказаться на выборе направления работы выпускником вуза.

Возможность карьерного роста

По общему заключению, карьерный рост — один из ключевых факторов, влияющих на выбор профессии. Докладчицей было отмечено, что для сотрудника МИД России возможности карьерного роста являются более широкими, чем для преподавателя вуза. Количество структурных подразделений в МИД больше, чем в вузе, в их число входят и представительства России за границей. Это дает достаточную возможность для маневра, ротации, выбора более интересного для себя участка, шанс проявить себя на определенном направлении. Помимо этого, кроме работы в системе МИДа, дипломат может продолжить свою карьеру в Администрации Президента, аппарате правительства, аппарате Совета безопасности и других властных структурах. Затем возможно и возвращение в систему МИДа.

По замечанию других экспертов, недостаточно хорошо отработаны возможности и порядок ротации между МИД России и другими государственными ведомствами, с одной стороны, и вузами — с другой. Совмещать научную и преподавательскую деятельность со службой в системе МИДа объективно сложно. Возможностей для молодого ученого или преподавателя опробовать свои научные наработки на практике в министерстве, получив при этом назначение адекватного уровня и реальную возможность проявить себя, нет. Равно как и нет и возможностей для обратной ротации. Выбрав одно направление и посветив ему часть жизни, приходится, из-за слабого взаимодействия между организациями, следовать ему и дальше. В слабости взаимодействия и неотработанной системе ротации и кроется причина того, что для выпускника выбор между столь близкими по своему духу областями деятельности становится весьма сложным и препятствует полной самореализации в качестве как государственного служащего, так и ученого или преподавателя.

4. Взаимосвязь исследовательского и преподавательского компонентов в деятельности молодого специалиста

Докладчиком к.п.н. А.В. Фененко, а также другими участниками дискуссии были выделены несколько основных вопросов в рамках данной темы и намечены пути поиска ответов на данные вопросы.

Во-первых, докладчик выделил несколько сложностей использования результатов научных исследования в учебном процессе:

- 1) ориентация на разный тип информации (научные исследования — гипотезы и проверяемые факты; учебный процесс — устойчивые факты и выводы);
- 2) размывание информации при широком использовании научных гипотез в учебном процессе;
- 3) трудность усвоения студентами обилия не закреплённой в устойчивых схемах информации.

Во-вторых, участники семинара проанализировали основные направления использования результатов научных исследований в различных частях учебной программы:

- 1) базовые курсы — заполнение фактологических лакун и переосмысление ключевых процессов;
- 2) специальные курсы — необходимая основа для построения.
- 3) специфика специальных курсов: отсутствие полноценной учебной литературы, отсутствие общепризнанного терминологического аппарата, отсутствие разработанных программ курсов.

В-третьих, А.В. Фененко суммировал пути использования научных исследований в специальных курсах:

- 1) получение фактологического материала;
- 2) выстраивание логики подачи информации;
- 3) разработка стандарта курса (темы, вопросы, выводы).

В-четвертых, докладчик высветил проблему «идеологической компоненты» научных исследований, включающую:

- 1) представление о науке как альтернативе идеологии;
- 2) новые формы влияния идеологии на науку (глубинная самоцензура);
- 3) появление круга необсуждаемых проблем.

Наконец, экспертами были суммированы пути влияния научных исследований на развитие креативного мышления учащихся:

- 1) построение дискуссий вокруг спорных научных проблем;
- 2) использование научной литературы в учебном процессе;
- 3) помощь в научно-методическом обеспечении спецкурсов.

Докладчик к.п.н. Д.В. Суслов остановился на возможностях и достоинствах привлечения экспертов, обеспечивающих государственные и частные структуры, к преподаванию в вузах. В результате дискуссии участники семинара пришли к следующему основному выводу.

В последнее время преподавательская деятельность играет все большую роль в профессиональной деятельности экспертов, консультирующих органы государственной власти РФ по вопросам внешней политики. Это связано с некоторым сокращением во второй половине 2000-х гг. спроса на независимую внешнеполитическую экспертизу и консалтинг со стороны ведомств, в наибольшей степени формирующих внешнюю политику России. Произошло определенное сужение каналов двустороннего взаимодействия с внешнеполитическими органами государственной власти, а также сокращение возможности активного воздействия на процесс формирования внешнеполитической повестки дня России. Остающиеся сегодня «окна» эффективного воздействия на процесс формирования внешней политики РФ носят, как правило, неформальный характер.

На сегодняшний день в России существуют две основные формы активного и систематического консультирования органов государственной власти по вопросам внешней политики со стороны независимых экспертов, т.е. не являющихся сотрудниками специализированных государственных институтов, созданных для специально для оказания экспертно-аналитической поддержки внешнеполитическим органам государственной власти (Российский институт стратегических исследований): выполнение официальных научно-исследовательских работ (НИР) и оказание консультационных услуг на основе неформальных связей.

Возможности главного внешнеполитического ведомства России — МИД РФ — в части проведения конкурсов по НИР серьезно ограничены (в первую очередь в финансовом плане). В этой связи предмет консалтинга со стороны независимых экспертных организаций в данном аспекте все более смещается в область внешнеэкономической деятельности. В числе клиентов (заказчиков НИР) выступают такие министерства и ведомства, как Минэкономразвития, Минтранс и т.д.

Оказание регулярных консультационных услуг по непосредственно внешнеполитической проблематике на неформальной основе осуществляется, как правило, на безвозмездной основе, а потому требует финансовой поддержки «со стороны». Это означает, что консультирование органов государственной власти не может на сегодняшний день выступать основным направлением профессиональной деятельности российского эксперта-международника. Основной же областью деятельности становится преподавательская и научно-исследовательская работа в вузах и/или научно-исследовательская работа в специализированных научно-исследовательских государственных и негосударственных организациях. Однако успешное совмещение консультирования органов государственной власти по воп-

росам внешней политики и работы в научно-исследовательских организациях также имеет ряд ограничительных факторов.

В современных российских политических условиях систематическое консультирование органов государственной власти со стороны негосударственных экспертных организаций (НКО), значительная доля финансовых средств которых имеет иностранное происхождение (прежде всего, гранты западных фондов), затруднено. Надо сказать, аналогичная ситуация складывается и в других европейских, в том числе западноевропейских, странах. Маловероятно, что данная ситуация изменится в кратко- и среднесрочной перспективе.

Несколько большие возможности существуют у независимых организаций, финансирование которых связано с консультационными и экспертно-аналитическими услугами, оказываемыми ими частным компаниям (предпочтительно — российским). Однако, несмотря на очевидное усиление политического фактора во внешнеэкономической деятельности, спрос именно на внешнеполитическую экспертизу и консалтинг со стороны российского бизнеса на сегодняшний день сохраняется на весьма низком уровне и, как правило, имеет в себе GR-составляющую, что далеко не всегда соответствует целям и задачам экспертных организаций в сфере внешней политики и международных отношений.

Российские негосударственные организации, специализирующиеся на вопросах внешней политики и международных отношений и при этом имеющие преимущественно российское государственное финансирование, как правило, не оказывают серьезного воздействия на формирование повестки дня внешней политики России, в большей степени фокусируясь на разъяснении и популяризации уже имеющейся позиции РФ по тому или иному вопросу.

Работа в государственных научно-исследовательских институтах открыва-

ет большие возможности для регулярного консультирования органов государственной власти по вопросам внешней политики на неформальной основе. Однако она также накладывает определенные ограничения. Прежде всего, финансового характера, что особенно актуально для молодых экспертов-международников. Работа в таких организациях, как правило, стимулирует получение западных грантов (в первую очередь из финансовых соображений), что опять-таки снижает способность регулярного консалтинга органов государственной власти по внешней политике.

На этом фоне преподавательская и научно-исследовательская работа в вузах представляется весьма и даже оптимальным перспективным решением, что подтверждается тем, что все большее число известных «консультантов-международников» становятся сотрудниками тех или иных университетов (прежде всего, МГИМО, МГУ, ГУ — ВШЭ). Тем более что в последнее время университеты уделяют все большее внимание именно научно-исследовательской составляющей. Наглядным примером может служить становление ГУ — ВШЭ «Национальным научно-исследовательским университетом», что повлечет за собой существенное расширение научной составляющей в его деятельности и повышение ее приоритетности. Кроме того, происходит глубокая трансформация факультета мировой экономики и мировой политики ГУ — ВШЭ с целью его превращения в признанный мировой научно-исследовательский и экспертно-аналитический центр, «мозговой трест» по проблемам внешней политики и международных отношений.

Собственно преподавание не может занимать подавляющую часть профессиональной деятельности консультанта-международника в вузе, и в этой связи он, как правило, стремится к тому, чтобы разделить учебную и научно-исследовательскую нагрузку (в рамках научного подразделения университета) в пользу последней или как минимум поровну.

(ГУ — ВШЭ создает в этом плане весьма привлекательные условия. В частности, появляется институт «профессоров-исследователей» — полноценных сотрудников университета, но деятельность которых ориентирована преимущественно на научные исследования.)

Опыт консалтинговой деятельности позволяет серьезно оптимизировать и обогатить содержание преподаваемых дисциплин, а также учебных программ в целом.

Опыт консалтинга позволяет сформировать более точное представление о компетенциях эксперта-международника как профессии, и в этом смысле оптимизировать содержание учебных программ и учебных курсов.

Опыт консультационной деятельности позволяет снабдить преподаваемый материал большим количеством иллюстраций из области практической политики и процесса выработки политических решений.

В целом преподавание тех или иных дисциплин экспертами, обладающими опытом консультирования органов власти по вопросам внешней политики, позволяет студентам получать не только фундаментальные теоретические знания, но и прикладные компетенции, позволяющие профессионально ориентироваться в разного рода практических аспектах международной и внешней политики. Обучающиеся получают представление о том, как на практике «делается политика» в том или ином внешнеполитическом или международно-политическом сюжете или направлении, какие аспекты здесь остаются скрытыми от публичного обсуждения и т.д. Соответствующее расширение компетенций происходит не за счет сокращения фундаментальных дисциплин. Скорее, имеет место органичное взаимообогащение фундаментально-теоретических и практических знаний. Последние при этом служат подтверждением и иллюстрацией первым.

Как правило, приход в вуз экспертов-консультантов по вопросам внешней по-

литики усиливает научную составляющую в учебном процессе и в деятельности соответствующего подразделения в целом. Происходит появление новых научных подразделений, усиливаются требования к научно-исследовательской деятельности студентов и преподавателей.

Привлекая на работу экспертов-международников, консультирующих органы государственной власти, вузы приобретают дополнительную возможность приглашения представителей МИД РФ и других, связанных с внешней политикой, органов государственной власти для проведения мастер-классов, круглых столов со студентами, лекций, или даже для преподавания ими отдельных дисциплин.

Наконец, используя личные связи консультантов-международников, вузы приобретают дополнительные возможности организации стажировок студентов в главных российских внешнеполитических ведомствах.

Специальное заседание, посвященное вопросам теории и практики политико-экономического регулирования мировых и региональных трансформаций, в рамках V Всероссийского конгресса политологов Российской ассоциации политической науки (21.11.2009)

В обсуждении, прошедшем под руководством декана факультета полито-

логии МГИМО профессора А.Д. Воскресенского, приняли участие политики МГИМО (У) МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института философии и права Уральского отделения РАН, Фонда «Таджикистан» и других научных и экспертных организаций.

В центре внимания участников заседания оказался целый ряд актуальных вопросов, связанных с процессами политико-экономического регулирования международно-региональной проблематики. Участники дискуссии сошлись во мнении, что в настоящее время мировая система достигла определенного критического момента в своем развитии и находится на распутье. С одной стороны, текущий финансово-экономический кризис высветил многие слабые стороны западной модели развития, однако, с другой стороны, не ясно, кто из участников мировой системы мог бы предложить альтернативные варианты.

В подобной ситуации России, перед которой стоят весьма серьезные задачи политико-экономической модернизации, необходимо четкое и взвешенное понимание современных процессов как общемирового, так регионального уровня. Это связано с тем, что многие декларируемые российским руководством политические и социально-экономические цели могут быть достигнуты только в контексте эффективного сораствления с окружающими странами и регионами, включая динамично растущую Восточную Азию.

В этой связи основной функцией российского экспертного сообщества является адекватный теоретический анализ происходящих трансформаций и поиск практических выводов, которые могли бы быть востребованы не только самими исследователями и аналитиками, но и политическими кругами страны.

Круглый стол, посвященный наследию 1989 г., в «Горбачев-фонде» (05.11.2009)

Беседа на круглом столе была начата выступлением Михаила Сергеевича Горбачева. Прямой участник и очевидец эпохальных для Европы, России, всего мира событий вспомнил, как они зарождались и проходили. Центральное место было отведено воспоминаниям о падении Берлинской стены, ставшем не только символом единения немецкого народа, но и завершения многолетней холодной войны. Ярким подтверждением важности этого события для Европы стало присутствие на мероприятии многочисленных европейских и в особенности немецких гостей. Первый советский президент сказал и о тех процессах, которые происходили в то время в СССР и сыграли грандиозную роль в определении будущего России и мира: первые выборы, учреждение демократических институтов, политика гласности.

Обсуждение было продолжено Адамом Михником, главным редактором варшавской «Газеты Выборча» — свидетелем и участником тех беспрецедентных перемен. Вслед за ним выступил депутат Европарламента от Партии зеленых Вернер Шульц, отметивший особую роль Международного правозащитного движения в улучшении сотрудничества между Россией и Европой. Центральное место политики гласности в ходе реформ конца 1980-х гг. было подчеркнуто президентом Фонда защиты гласности Алексеем Симоновым. Профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России И.М. Бусыгина в своем выступлении проанализировала уроки событий 1989 г. для демократических реформ в России.

Возможно ли построение «общего дома «Европа»? Россия и Европа — единая цивилизация или разные культуры и разные пути развития? Российская модернизация — принятие европейских технологий или европейской культуры? Все эти вопросы стали объектом дискуссий в ходе второй части круглого стола, в кото-

рой приняли участие в том числе и многочисленные журналисты — среди них были представители СМИ Японии, Испании, Франции и других зарубежных стран.

Круглый стол «Кризис современного общества и пути выхода» в МГИМО — Университете (06.10.2009)

В рамках круглого стола, организованного на базе факультета политологии МГИМО — Университета, состоялась презентация научного и информационно-аналитического гуманитарного журнала «Ценности и смыслы».

Ведущий встречи, декан факультета политологии А.Д. Воскресенский отметил, что такого рода мероприятия являются для факультета традиционными и организуются уже без малого два года. Формат круглых столов гибкий: на них приглашаются специалисты широкого профиля из разнообразных сфер. Присутствуют на круглых столах не только преподаватели, но и аспиранты, магистранты и студенты разных факультетов МГИМО.

Текущий круглый стол был совмещен с презентацией журнала «Ценности и смыслы». Присутствовали главный редактор С.В. Иванова, заместитель главного редактора А.Ю. Бисеров и члены редакционной коллегии: профессор МГУ Г.В. Сорокина, профессор МГИМО О.В. Гаман-Голутвина и профессор ГУ — ВШЭ Ю.В. Ярмак. Представляя свой проект, С.В. Иванова уточнила, что его цель — создание междисциплинарного журнала, в котором могли бы высказаться представители как можно большего числа гуманитарных и социальных наук.

Переходя к основной теме круглого стола, главный редактор журнала «Ценности и смыслы» отметила, что дискуссия в МГИМО позволит задать вектор будущих публикаций. Говоря о кризисе, профессор Ярмак отметил, что в текущей ситуации стоит анализировать не только экономические последствия спада, но и то, как кризис влияет на социум. Профессор кафедры политической теории МГИ-

МО О.В. Гаман-Голутвина высказала свою точку зрения на происходящее. Она отметила, что в последнее время слово «кризис» стало очень популярным не только в СМИ и экономической литературе, но и в научных работах. Это лишний раз подтверждает, что за финансовой рецессией стоит кризис общества, который, в свою очередь, стал результатом кризиса элит — политической, экономической и интеллектуальной. В дальнейшем встает вопрос о кризисе смысла, и пути выхода из сложившейся ситуации О.В. Гаман-Голутвина видит в том, чтобы понять смысл и обнаружить ценность происходящего — в полном соответствии с названием журнала. В формате дискуссии выступили также заведующий кафедрой сравнительной политологии профессор М.В. Ильин, заведующая кафедрой политической теории профессор Т.А. Алексеева и профессор кафедры политической теории А.А. Дегтярев. Профессор М.В. Ильин подчеркнул, что междисциплинарность может возникнуть только на основе фундаментального развития каждой отдельной дисциплины. Профессор Т.А. Алексеева, в свою очередь, пожелала журналу удачи и дальнейшего успешного качественного развития, элементами которого должны стать тщательное рецензирование публикаций и создание объемного портфолио будущих материалов.

Профессор А.Д. Воскресенский подвел итоги дискуссии, отметив, что журнал имеет все основания стать прекрасной площадкой для интеллектуального общения представителей разных социальных дисциплин и гуманитарных исследовательских направлений.

Всероссийская научная конференция «Политическое образование в современном мире: традиции и перспективы» (15–17.10.2009)

15–17 октября 2009 г. состоялась всероссийская научная конференция «Политическое образование в современном

мире: традиции и перспективы». Конференция была приурочена к 20-летию создания первой отечественной университетской кафедры политологии в 1989 г. в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете. Конференция проходила в стенах образованного в 2009 г. факультета политологии под эгидой ректора СПбГУ Н.М. Кропачева. Соорганизаторами выступили Учебно-методический совет по политологии УМО по классическому университетскому образованию, Национальная коллегия преподавателей-политологов, Российская ассоциация политической науки, Академия политической науки. В конференции приняли участие видные отечественные ученые-политологи, аспиранты, магистранты и студенты из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Саратова, Калининграда, Владивостока, а также из Беларуси, Молдовы, Украины. С приветственным словом перед участниками выступили декан факультета политологии СПбГУ С.Г. Еремеев и декан-организатор факультета политологии МГУ А.Ю. Шутов.

Доклады первого дня конференции освещали общие проблемы политологии как научной и учебной дисциплины.

В выступлении, посвященном процессу становления профессионального сообщества политологов, О.Ю. Малинова, президент РАПН и профессор факультета политологии МГИМО — Университета, констатировала развитие новых тенденций в общероссийской исследовательской повестке. С ее точки зрения, такие тенденции были связаны как с трансформацией российской политической системы в 2000-х гг., так и с «кристаллизацией» предметного поля отечественной политологии.

Не менее фундаментальный вопрос поднял в своем докладе П.А. Цыганков (МГУ и МГИМО). Исследователь связал проблематику размежевания мировой политики и теории международных отношений с разнородными и порой проти-

воречивыми подходами отечественных политологов, с одной стороны, к предметным полям, с другой — к субъектам этих дисциплин.

В.А. Гуторов (СПбГУ) сосредоточил внимание на теме воздействия политической культуры на политическое образование. Для него ключевой проблемой стало соотношение «плюрализма» и «индоктринации» в различных образовательных моделях и институтах.

В.И. Коваленко (МГУ) в своем выступлении показал основные вехи развития политической науки в России. Однако он не ограничился лишь исторической ретроспективой и обстоятельно обрисовал круг актуальных требований для отечественных политологов со стороны государственных институтов и бизнес-структур (например, исследование проблем отраслевой политики).

Место и роль этнополитологии в системе социальных наук освещал доклад В.А. Ачкасова (СПбГУ). С его точки зрения, гибридный характер этой пока еще формирующейся субдисциплины позволяет ей претендовать как на комплексное и интегративное, так и на политическое — видение получаемого знания об этнических явлениях и процессах.

Второй день конференции проходил в формате секционных заседаний.

Тематикой выступлений в рамках *первой секции* являлись современные модели политического образования. Теоретико-методологические проблемы развития образовательных моделей рассматривали Л.В. Сморгун (методологический синтез в прикладной политологии) и А.И. Соловьев (спецификация предметного пространства политико-управленческих наук). А.А. Пляйс и Г.Л. Тульчинский обратили внимание соответственно на новые вызовы и инновационные возможности политологического образования в России. Опытом преподавания политологии в непрофильных вузах (техническом, экономическом) поделились Н.А. Баранов и М.М. Галанов. Также ин-

тересными были выступления, посвященные использованию новых технологий в преподавании, например выступление Ф.А. Казина (методология применения интеллектуальных карт). Ряд докладов был посвящен темам взаимодействия политологии с бизнес-структурами (В.А. Ачкасова) и государственными институтами (Р.В. Евстифеев). Завершая выступления первой секции, Р.В. Светлов напомнил об американском опыте политического образования, начинающегося за школьной партой и не заканчивающегося университетской скамьей.

Во *второй секции* рассматривались проблемы политологии в структуре современного образования. С одной стороны, ряд докладов был посвящен обзору политологических дисциплин, с другой — анализу современных политических процессов и институтов.

Среди докладов первой тематики примечателен тезис о теории политики как мультипарадигмальной и полиметодологической субдисциплине (Ю.В. Ирхин). В схожем ключе представил свое видение теории международных отношений в структуре знаний о политике С.А. Ланцов. На современные проблемы источниковедения истории политических учений обратил внимание К.М. Андерсон. Напротив, С.В. Перевезенцев проанализировал политическое самосознание и историю русской политической мысли средневековой Руси XI–XVII вв. Влияние лингвистической философии на политологию описала Т.А. Орлова.

В выступлениях по второй тематике ярко выглядел тезис Н.М. Сироты о глобализации и демократизации как двух взаимосвязанных мегатрендов мирового развития, Б.А. Исаева об исторически организационных эпохах и идеологически доминирующих типах политических партий. Отдельное место в этой секции занял доклад А.Ю. Сунгурова, поделившегося опытом работы в исследовательских комитетах на XXI конгрессе Международной ассоциации политической науки в г. Сантьяго.

В *третьей секции* слушались выступления, посвященные современным концепциям и практике гражданского общества. Ключевыми проблемами в выступлениях по этой теме стали проблемы: 1) политического управления; 2) политической психологии и 3) политической антропологии.

Первая проблема нашла отражение в докладах Н.А. Антановича, сконцентрировавшегося на теоретико-методологических основах политического анализа государственного управления, и А.В. Усягина, поделившегося опытом преподавания политологии при подготовке государственных служащих.

Такие проблемы политической психологии, как влияние современных стилей мышления на политическое образование, особенности блогосферы как политического дискурса, истоки политической психологии как науки и дисциплины, — были представлены соответственно в выступлениях В.Г. Белоуса, А.Б. Бушева, Л.А. Ланцовой.

В ряде докладов по третьей тематике заслуживают внимания предложение Д.З. Мутагирова о внедрении в образовательную программу отечественных вузов учебного курса по правам и свободам человека, тревожное мнение И.В. Радикова об углубляющемся дефиците homo politicus в российском обществе и более оптимистичный прогноз А.В. Павроза о неизбежности формирования института «политических предпринимателей», способствующих демократизации политической системы России.

Также отдельно можно выделить ряд работ, посвященных интеграции, демократизации, федерализму как составляющих процесса политической социализации (А.А. Малькевич, Л.А. Гайнутдинова, И.В. Радиков, В.Н. Купин, А.И. Кольба).

В *четвертой секции* рассматривались региональные аспекты отечественной политологии, такие как: 1) развитие политологии в отдельных регионах в России и мире; 2) оценка транснациональных от-

ношений в различных сферах жизнедеятельности; 3) прикладные проблемы политической регионалистики.

Среди докладов по первой тематике логично выделить, с одной стороны, доклады по истории становления политологического образования, с другой — доклады по перспективам инновационной (в первую очередь коммуникативной) деятельности в этом направлении. Истории становления политологии были посвящены выступления М.В. Берендеева (Калининград), Ю.А. Головина (Ярославль), В. Мошняги (Молдова), Д.Е. Москвина (Екатеринбург). Теоретические аспекты внедрения новых коммуникативных технологий развили Р.И. Гайнутдинов (необходимость мышления инноваций в гуманитарном и «нелинейном» качестве), М.В. Гаврилова (развитие культуры политической коммуникации в образовательном процессе), прикладные — И.Ю. Демин (проблема интеллектуальной собственности и требование развития электронных библиотек), С.А. Панкратов (перспективы политического образования среди молодежи в пенитенциарных учреждениях РФ).

Доклады на тему транснациональных отношений представили С.В. Беспалов (гуманитарные аспекты интеграции постсоветского пространства), З.С. Прудникова (влияние европейской стратегии социальной сплоченности на социальную политику России), Н.А. Комлева (использование государствами частных воинских контингентов).

Выступления в рамках политической регионалистики затрагивали проблемы деградации региональных элит как транзитеров национальных интересов (М.А. Казаков), эволюции электоральных предпочтений в Приморском крае (А.С. Паначева).

В заключение следует отметить, что первая для факультета политологии СПбГУ всероссийская научная конференция удалась во многом благодаря широкому охвату как перспективных, так и

ставших традиционно актуальными для отечественного политического образования тем. И хотя большая часть выступлений на конференции освещала в первую очередь именно российский опыт, хочется верить, что в последующих конференциях такого уровня в Санкт-Петербургском университете не менее достойно будут представлены и достижения зарубежного политологического образования. Все же нельзя не признать, что конференция вызвала существенный резонанс в российском поли-

тологическом сообществе. Материалы конференции (в форме тезисов выступлений участников) были опубликованы в 2009 г. в рамках соответствующего проекта Российского гуманитарного научного фонда.

**Материалы рубрики
подготовлены
М.А. Троицким,
Е.В. Колдуновой,
Е.А. Прониным**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Политология Востока в МГИМО — Университете

Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. 528 с.

Китай в мировой политике / отв. ред. А.В. Торкунов, вступит. слово А.В. Торкунова, отв. составитель А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2001. 528 с.

Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / под ред. А.Д. Воскресенского, Н.П. Малетина. М. : МГИМО — Университет, 2001. 355 с.

Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского; отв. сост. и научн. ред. А.Д. Воскресенский, К.П. Боришполец. М. : РОССПЭН, 2004. 472 с.

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, перераб. и доп., М. : Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с.

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Восток-Запад, 2006. 687 с.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МГИМО, 2007. 1040 с.

Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А.Д. Воскресенский, сост. и научн. ред. В.Я. Белокрыцкий и М.А. Сапронова. М. : МГИМО — Университет, 2005. 576 с.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008. 512 с.

Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО — Университет, 2010. 444 с.

В последнее десятилетие в мировой политической науке прослеживается тенденция к выделению региональных исследований в отдельное научное направление, обладающее собственным предметным полем и особым методологическим инструментарием. В России за последнее десятилетие сделан существенный шаг в разработке этого направ-

ления как на научном, так и на образовательном уровне. В основе направления лежат разработанные на факультете политологии и кафедре востоковедения факультета международных отношений МГИМО — Университета МИД России принципы «структурно-пространственного» («структурно-спатильного») анализа регионально-странового материала,

исходя из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран и регионов мира⁵. Такое определение региона позволяет расположить и исследовать материал в определенной «пространственной» (или «спатальной», если использовать политологический термин) системе координат⁶. Оно также помогает выявить, в какой степени историко-цивилизационные, этноконфессиональные и культурные особенности влияют на специфику эволюции и функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. Такое определение международно-политического региона хорошо соотносится с «расширительным» его определением⁷.

За последние несколько лет в МГИМО — Университете МИД России была

подготовлена целая серия изданий, посвященных комплексному анализу социально-политических проблем в современных регионах Азии и Африки с особым акцентом на сравнительные политологические методы исследования. Обобщающий взгляд на эту группу работ позволяет говорить о том, что рассмотрение специфики функционирования региональных подсистем на Востоке в контексте проблем глобального политического развития стало солидной основой как собственно исследовательского направления, так и, в частности, его учебно-практической составляющей⁸.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в западных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения комплексного сравнительного политического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели к просчетам на уровне практики международного взаимодействия. В этом контексте суть более широкой научной проблемы, вскрытой в анализируемых нами политологических работах, заключается в разработке и применении в конкретном практическом анализе научных принципов

⁵ Воскресенский А.Д. Методологические основы политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии // Мировое комплексное регионоведение и международные отношения : учебно-методический комплекс по регионоведению : в 4 ч. Ч. 4 (т. 1); Магистерская программа «Исследования регионов и стран Азии и Африки» / Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; редкол.: А.В. Торкунов (предс.) и др.; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2005. С. 32.

⁶ Аргументацию см., в частности: Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 494–500; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. С. 3–14; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

⁷ Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО, 2002. С. 9.

⁸ Там же. С. 3–14.

определения соотношения общих (общеполитических) и специфических (региональных/страновых) закономерностей.

Эти дискуссионные вопросы были обозначены в коллективной монографии преподавателей МГИМО — Университета «Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений» и задали вектор дальнейших исследований в данной области.

За последние десятилетия процессы регионализации стали важным аспектом политической и экономической трансформации мировой системы, что подчеркивает значимость востоковедной политологии. Если рассматривать глобализацию как «возникновение новой системы мирового хозяйствования», а регионализацию — как «формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств»⁹, то эмпирический материал двух последних десятилетий показывает, что экономические связи всех видов развивались преимущественно между странами относительно сопоставимого уровня развития и во многом на региональном уровне. В интеграционных группировках наблюдается выход воспроизводства за национальные границы, но поскольку внутри каждой из них государства-члены обладают определенными преимуществами при перемещении капиталов, товаров и услуг, то происходит выход не на мировой, а на региональный рынок. Эффективность такого рода экономических группировок нередко привлекает новых членов, тем самым пространственно расширяя этот сегмент мирового хозяйства. Но большая выгодность, а зачастую и большая безопасность операций внутри объединения из-за ослабления внешней конкуренции и усиления переговорных позиций ведут к опережающему росту внутрирегиональных связей по сравнению с международными. По достижении определенного момента («критической массы») регионализация может начать

сдерживать глобализацию, так как последняя может оказаться менее выгодной и более рискованной, либо бросать ей своеобразный «региональный» вызов, корректируя направление ее развития.

Специалисты МГИМО в анализируемых книгах уделили большое внимание деятельности различных региональных интеграционных группировок, представляющих собой добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило, в сфере экономики. Возникновение региональных объединений в целом накладывает определенные ограничения на мирового лидера, поскольку они, как правило, выступают против «унилатерализма» США. Так, «многополярность — естественная цель асеановского подхода к преобразованию международных отношений»¹⁰, а Группа Рио «сумела занять позицию, ясно показывающую, что любые рецидивы прошлого, связанные с односторонними акциями США... будут встречать противодействие со стороны ведущих стран региона»¹¹.

Проведенный анализ четко продемонстрировал, что существуют различные типы региональных интеграционных группировок. Первый тип (ЕС, МЕРКОСУР) с самого начала преследовал, главным образом, достижение экономических целей. Политическое же взаимодействие лишь способствовало осуществлению этих задач, хотя на дальнейшем этапе развития стало приобретать и самостоятельное значение. Второй тип (ОЭС) ставит во главу угла политические цели, и результативность подобной региональной интеграции весьма сомнительна. В то же время очевидно, что за общим понятием «регионализм» могут скрываться самые различные процессы и явления, а следовательно, от типа (открытый/закрытый) и характера регионализма зависит и его влияние на международные отношения.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 464.

¹¹ Там же. С. 143.

Необходимо отметить, что рост межгосударственного взаимодействия на региональном уровне в качестве значимой тенденции мирового развития определяют не только экономические, но также *политические и культурно-цивилизационные факторы*. В связи с этим весьма вероятен переход мировой системы именно к многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между ними — культурными, экономическими, политическими и иными. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель на данном историческом этапе развития человечества, т.е. она может стать (но может и не стать) препятствием на пути дальнейшего развития этого комплексного макропроцесса. В рамках такого концептуального объяснения макрорегиональные комплексы (Восточная Азия, ЕС и др.) могут выступать в качестве прообразов полюсов новой полицентричной мировой системы.

В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политические принципы определяют на современном этапе функционирование восточных обществ в отдельности и восточных регионов в целом, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы, что определяет тенденции политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспринимают политическую модель «экстралиберальной демократии американского типа», продвигаемую США по всему миру, и какие альтернативные модели политического развития, и, в частности, модели демократии, формируются на Востоке¹². Этот комплекс проблем был рассмотрен в двух книгах коллек-

тивной монографии «**Политические системы и политические культуры Востока**». Раскрытый и глубоко проанализированный материал органично восполнил пробел, связанный с недостатком мировой и отечественной исследовательской политологической литературы, посвященной особенностям политических систем и политических процессов на Востоке. Подача материала в монографии исходит из «внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран»¹³.

Поскольку монография выступает в первую очередь как компаративистское исследование; существенную часть работы занимает обоснование методологических основ классификации политических систем стран Востока по формам правления, типам политической культуры и т.д. Особенности политической культуры стран Востока предстают прежде всего в виде «переплетения черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теории и практики западного мира»¹⁴.

В то же время анализ политической жизни современных стран Востока не мог бы считаться полным без ее международно-политической составляющей. Существенное внимание исследователями МГИМО было уделено генезису и закономерностям развития региональных подсистем. Значимость данного исследовательского направления напрямую обусловлена необходимостью дать существенную оценку нового этапа международных отношений, а также проанализировать проблемы глобального лидерства с учетом региональных тенденций. Данный комплекс проблем рассматривается специалистами МГИМО — Университета в монографиях «**Китай в мировой политике**», «**Азиатско-Тихоокеанский регион и**

¹² Детальная классификация с развернутыми сущностными объяснениями представлена в авторской версии в книге: Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 166–168.

¹³ Политические системы и политические культуры Востока. М. : АСТ: Восток — Запад, 2007. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 118.

Центральная Азия: контуры безопасности», «Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий», «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации».

Подход, в рамках которого основное внимание было привлечено к Северо-Восточной и Центральной Азии, в целом представляется достаточно обоснованным. Китай — крупнейшая полупериферийная страна и региональная держава, которая в настоящее время превращается в центр отдельной подсистемы международных отношений (Большая или Расширенная Восточная Азия и «Большой Китай»)¹⁵, постепенно становясь основным (хотя и гипотетическим) кандидатом на статус второй сверхдержавы. В книге справедливо отмечено, что «именно Китай, скорее всего, способен бросить вызов Западу, и прежде всего США»¹⁶. По объему ВВП (в расчете по паритету покупательной способности) КНР вышла на второе место в мире, Япония переместилась на третье, хотя экономический кризис ставит под сомнение простые количественные параметры развития стран и регионов. Азиатско-Тихоокеанский регион является наиболее динамично развивающимся районом земного шара, и Дальний Восток России — ворота страны в эту бурно развивающуюся макрозону, реформирование которой после экономического кризиса повлияет на всю мировую систему отношений. Экономический потенциал Сибири и Дальнего Востока огромен, именно здесь лежит возможность для РФ стать действительно мощной евразийской державой, но и вызовы для России, исходящие из этого макрорегиона, также нельзя сбрасывать со счетов.

Особую сферу востоковедной политологии образует оформившаяся недавно

проблематика, связанная с рассмотрением специфики развития центральноазиатских обществ. Сложности анализа процессов, происходящих в данном регионе, в немалой степени проистекают из несформированности данной проблематики в советский период. Вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг. центральноазиатские общества рассматривались в основном как часть общесоветского экономического, политического и культурного пространства, внутри которого особенности национального социально-исторического опыта жестко ограничивались общими «закономерностями» эволюции советского социума. Однако возникновение пяти независимых центральноазиатских государств, фактически образовавших новый субрегион на евразийском пространстве, привело к существенным изменениям в международно-политической ситуации и закономерной потребности в адекватном анализе данных процессов, особенно в связи с появлением новой международной региональной организации ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

Пристальное внимание авторов привлекли контуры безопасности и динамика взаимодействий в регионе. За 1990-е гг. республики Центральной Азии стали сильно различаться по самым разнообразным параметрам, включая политические, социально-экономические и культурно-цивилизационные. В этих условиях, как отмечают авторы, на формирование системы региональной безопасности «определенное позитивное воздействие может оказать и в целом стабилизирующий на сегодня внешний фактор: это и влияние многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, и определенная активизация России и Китая в Центральной Азии... и в целом, пусть и не вполне однозначная, роль американского присутствия в регионе»¹⁷.

¹⁵ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО — Университет, 2010.

¹⁶ Китай в мировой политике. М. : РОССПЭН, 2001. С. 481.

¹⁷ Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2004. С. 447.

Наращивание темпов глобализации и обострение связанных с нею проблем, с одной стороны, и усиление региональной составляющей мировых экономических процессов, с другой, актуализирует задачу проведения региональных срезов мировых проблем, к числу которых, бесспорно, относится и проблема энергетической безопасности. Как стоят эти проблемы в региональном измерении? Способствуют ли эти проблемы центростремительным тенденциям в отдельных регионах и подрегионах или, наоборот, ведут к разобщению и дальнейшему разделению по «национальным квартирам»? И если интеграционное начало превалирует на региональном уровне, а глобалистские антикризисные механизмы пробуксовывают, то смогут ли ответить на новые вызовы региональные структуры политической и экономической безопасности?

Пожалуй, одним из центральных концептов монографии «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии», «стягивающим» воедино достаточно разнонаправленный и многоплановый комплекс затронутой в ней проблематики, можно назвать идею о новой роли геэкономической составляющей в международных отношениях постбиполярного периода. Как отмечал один из авторов книги А.Ф. Клименко, «эволюция военной стратегии в условиях глобализации во многом обусловлена сменой геополитической парадигмы на геэкономическую»¹⁸. Иными словами, основным источником противоречий между акторами международных отношений выступают в первую очередь геэкономические факторы, т.е. экономическая составляющая во многих случаях начинает превалировать над военными и политическими интересами. Что же касается геополитических трендов, то в свете «новых угроз» (к числу которых отно-

сятся наркотрафик, исламский терроризм и т.д.), как было подмечено А.Д. Богатуровым, они парадоксальным образом выступают, скорее, объединяющим, гармонизирующим фактором¹⁹.

Новая роль геэкономической повестки дня проявляется, в частности, в переосмыслении ключевых для теории международных отношений концептов. Например, в контексте ключевой для данной работы проблемы энергетической безопасности понятие «сферы влияния» получает трактовку как «гарантированный доступ к ресурсам», обеспеченный прежде всего экономическими и дипломатическими средствами.

Книга структурирована по трем крупным разделам, каждый из которых является собой самостоятельный исследовательский блок, подчиненный собственной логике аналитического повествования. Первый блок, носящий больше концептуально-постановочный характер, посвящен геэкономическим и геостратегическим факторам энергетических измерений, а также обоснованию геопроостранственных аспектов глобальной и региональной энергетической безопасности. Тематика второго блока («Природно-географические и военно-политические факторы и риски») смещена в сторону военно-политической ситуации в Большой Восточной Азии и отдельных ее подрегионах, с упором на энергетическую проблематику в повестке дня международных структур региональной безопасности. Наконец, третья, заключительная часть книги знакомит читателя с регионально-страновыми аспектами проблемы энергетической безопасности, делая упор на ситуацию внутри Китая, Японии и Индии, являющихся основными акторами и партнерами России по энергетическому диалогу.

Безусловно, артикулированная в монографии тематика «энергетических измерений» международных отношений не ограничивается узкосмысловым либо технократическим аспектами. Ясно, что,

¹⁸ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 108.

как отмечала И.Д. Звягельская на примере Кавказа и стран Центральной Азии, экономические проекты во все большей степени зависят от политической конъюнктуры²⁰. В этой связи большое, а в некоторых главах и центральное место занимает конкретика политической ситуации в странах региона, исторический бэкграунд их взаимоотношений, даже особенности политической культуры (например, в странах Центральной Азии). В частности, глава о восточноазиатской «сфере процветания», написанная В.А. Корсуном, позволяет более выпукло взглянуть на современную проблему японо-китайского соперничества за энергетические ресурсы, имеющую глубокую историческую подоплеку.

Естественным для подобного рода работы является «россиецентричный» взгляд на проблему энергетической безопасности, предполагающий выбор в качестве точки отсчета сферы национальных интересов России как страны-поставщика энергетических ресурсов на мировые рынки. И это выглядит естественным. Именно благодаря положению «мировой углеводородной державы», обладающей ядерными ракетами, Россия де-факто восстановила свой мировой статус, сырьевое и ядерное «качество» которого, впрочем, явно не устраивает значительную часть российской политической элиты²¹. Вместе с тем сам характер внешнеэкономических связей России, отражающий сырьевую однобокость ее экономической специализации, диктует ее заинтересованность в нахождении максимально кооперативистских подходов к решению проблемы, в обеспечении прозрачности, открытости и предсказуемости энергетических рынков, становлении справедливых и равноправных механизмов региональной интеграции. Важно закрепить эти механизмы на многостороннем уровне, обеспечив на их основе стратегию «энергетического соразвития»

(термин В.В. Михеева)²². С этой точки зрения пристального внимания заслуживают содержащиеся в монографии конкретные предложения по развертыванию такого сотрудничества, например, по созданию коллективных стратегических запасов нефти, защите окружающей среды и задействованию механизмов Киотского протокола, предотвращению конфликтов на базе энергетического сотрудничества и проч.²³.

Монография представляется крайне востребованной и в связи с тем обстоятельством, что стратегическое планирование нефтегазовой отрасли России оказывается невозможным без учета процессов энергетического сотрудничества в восточноазиатском регионе, который приобретает все большее значение во внешнеэкономических связях Москвы и принятой ею долгосрочной стратегии развития энергетической отрасли. Россия намерена уделять странам АТР все большее внимание именно по той причине, что именно этот регион является наиболее активным покупателем энергоресурсов, обеспечивая до 45% перспективного прироста мирового спроса на нефть. Реальная постановка для России вопроса об «энергетических измерениях» заключается не в том, чтобы позиционировать Дальневосточный и Восточносибирский регионы в качестве сырьевого придатка ее восточных соседей, а в том, чтобы использовать энергетические связи со странами Северо-Восточной Азии в качестве ресурса для развития Востока России.

С этой точки зрения требует дальнейшей проработки вопрос о переориентации энергетических отношений России со странами региона, развивающихся пока в основном в плоскости отношений поставщика и покупателя энергоресурсов, в направлении технологического сотрудничества с ними. На передний план наших взаимоотношений в сфере энергетики должны выходить проекты сотруд-

²⁰ Там же. С. 370.

²¹ Там же. С. 46.

²² Там же. С. 66.

²³ Там же. С. 187–190.

ничества в сфере энергосбережения, реализация которых позволила бы России достичь реального снижения энергозатрат на производство единицы ВВП и повышения эффективности энергопользования. В этой связи пристального внимания заслуживает, например, формат и содержание действующих межправительственных соглашений Японии с азиатскими странами, регулирующих вопросы сотрудничества в области энергосбережения.

Поднятый в монографии комплекс проблем заставляет задуматься и о конфронтационном потенциале, заложенном в естественных противоречиях между интересами стран-поставщиков энергосырья (России) и его покупателями. В книге отмечается, что процесс постепенной интеграции стран ВА в энергетической сфере, целесообразный с точки зрения преимуществ крупномасштабного производства, требует от стран региона выработки общих или достаточно близких принципов обеспечения энергетической безопасности, которые бы непосредственно отражали интересы Восточной Азии на международном рынке²⁴. Особую актуальность данный вопрос приобретает и в свете того, что в отдельных сегментах мирового рынка углеводородов, например на рынке сжиженного природного газа (СПГ), наблюдается превышение предложения над спросом, что создает ситуацию «рынка покупателя»²⁵. Применительно к региону БВА ситуация «диктата покупателя» пока еще не проявила себя в полной мере, и можно говорить пока лишь об успешных попытках добиться консенсуса по политическим аспектам энергетической безопасности²⁶. Однако даже с учетом уже достигнутого, пока еще не слишком высокого, уровня институционализации азиатской региональной интеграции Россия должна быть готова к тому, что новые экономические структуры в регионе (например, «восточноазиатский саммит» или

«АСЕАН плюс три»), помимо координации энергетической политики и технологического сотрудничества, объективно возьмут на себя функцию субъекта переговорного процесса с поставщиками энергоресурсов, отстаивающего консолидированную позицию региона-потребителя. Этому учит, в частности, пример Европы, где в сфере поставок газа России приходится иметь дело с консолидированной позицией блока стран — членов ЕС.

Еще одному важному аспекту социально-политической ситуации в странах современного Востока посвящена коллективная монография «Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные». Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Природа конфликтов и специфика их манифестаций помогают понять многие явления внутривнутриполитической жизни и межстрановых отношений стран современного Востока. По мнению Б. Бузана, вопрос об этнической идентичности, если он поднят на достаточно высоком уровне, может трансформироваться в политические вопросы о правах этнической группы и ее автономии внутри государства, о легитимности правительства, политическом участии и даже целостности государства²⁷.

Бесспорно, обобщение феномена этноконфессиональных конфликтов, выделение его специфических характеристик крайне затруднено в силу гетерогенности социально-политической среды на Востоке, многовариантности и неоднозначности условий и факторов конфликтогенеза. К их числу следует, возможно, отнести волатильность состава самих этнических групп, неустойчивость систем политической власти, взаимодействие этноконфессиональных и т.д. Следует также учитывать достаточно малый, по историческим меркам, путь большинства стран Востока

²⁴ Там же. С. 164.

²⁵ Там же. С. 773.

²⁶ Там же. С. 164.

²⁷ Подр. см.: Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J., 1998. *Security — A New Framework for Analysis*, Lynne Reiner Publishers, Boulder, Colorado. 1998, pp. 119–140.

ка, которые, обрета независимость, так и не сумели, по словам российского исследователя В.В. Наумкина, адаптироваться к индустриальным и рыночно-капиталистическим условиям, приспособить к ним собственные культурные традиции²⁸, что создает дополнительные трудности для типологизации конфликтов и подгонки их под единые теоретико-схематические стандарты. По этой причине предпринятые в монографии попытки умеренного обобщения с использованием единых для всего региона критериев конфликтов не претендуют на универсализм.

Проблема этноконфессиональных конфликтов рассматривается в привязке к двум макрорегионам: Африки и Большого и Среднего Востока и Большой Восточной Азии. Типология конфликтов основана как на ретроспективном анализе этноконфессиональных, политических, социально-экономических корней, так и с помощью конъюнктурных срезов нынешней ситуации в отдельных странах и регионах. Так, межэтнический конфликт в Ираке, проявляющийся ныне в кровопролитной межконфессиональной войне, становится более понятным с учетом традиционной оппозиционности шиитов к любой власти, имеющей глубокую историческую подоплеку. Подробное изложение темы этногенеза курдского народа и его истории позволяет получить более полное представление о современной постановке проблемы Курдистана на внутривосточной и международной повестке дня стран всего региона Среднего Востока.

Особенность каждой из конфликтных ситуаций показана прежде всего в контексте конкретной политической ситуации. Например, в разделе, посвященном палестино-израильскому конфликту, указывается на его асимметричность с точки зрения состава участников, в число которых входят и части регулярной армии, и нерегулярные вооруженные формирования, и многочисленные общественные

движения. Специфика конфликтов показана также в особенностях динамики их протекания и взаимосвязи различных их состояний. Так, тот же палестинский конфликт, имея природу этнотерриториального и этнополитического, в результате прихода к власти радикальных религиозных кругов приобретает этноконфессиональное измерение.

Существенное место в монографии занимает так называемая буферная зона — страны Центральной Азии в лице Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, а также Пакистан (раздел БВА) и Афганистан в разделе Большого Среднего Востока. Тесное переплетение межэтнических и межконфессиональных связей, их сложность и противоречивость генерируют высокий потенциал конфликтности в данном регионе, имеющем для России стратегическое значение. В этой связи монография имеет большое прикладное значение не только в плане обеспечения учебного процесса, но с точки зрения информирования тех звеньев российского политического истеблишмента, которые занимаются практическими задачами по разработке и реализации государственной политики на Востоке.

Другое перспективное направление исследований в рамках «востоковедной» политологии — анализ мирополитического взаимодействия и макрорегиональных трансформаций в регионах мира, предложенный вниманию читателя в книге **«Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации»**, посвященной анализу актуальных международно-политических и экономических тенденций развития этого одного из самых перспективных макрорегионов мира. В ней комплексно освещаются проблемы политических и экономических изменений, геополитических рисков, аспекты энергетической безопасности, вопросы военно-технического сотрудничества, вопросов, связанных с появлением новых угроз и вызовов безопасности, интеграционных трендов, которые позво-

²⁸ URL: www.globalaffairs.ru/books/11233.html

ляют говорить о процессах «стяжения» субрегионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии в единый макрорегиональный комплекс «Большой Восточной Азии». Также подробно анализируются центробежные и центростремительные тенденции в Восточной Азии, освещается роль многосторонних диалоговых структур. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с перспективами интеграции России в формирующийся макрорегион. Рассматриваются перспективы выстраивания эффективной российской внешней политики на восточноазиатском направлении.

Как и в предыдущих исследованиях, результаты этого политологического проекта могут быть рекомендованы к использованию в учебном процессе. Его целью является выработка у магистрантов знаний, умений и навыков, необходимых для профессионально-экспертного анализа роли и места Большой (в другой терминологии — расширенной) Восточной Азии в современных международных отношениях и мировой политике, политики основных государств региона (РФ, КНР, США, Японии, КНДР, Республики Корея) в условиях новых макрорегиональных трансформаций, вызванных геополитическими потрясениями конца XX в., усилением как мировых глобализационных трендов, так и их региональной составляющей и региональным противодействием, а соответственно, процессами региональной интеграции как составной части мирополитического взаимодействия. Особое внимание в этой связи обращается на ликвидацию существующих и предупреждение новых и нетрадиционных угроз и вызовов развитию региона. Подробно, в дискуссионном плане, освещается восточноазиатская политика России, ее сильные стороны и «узкие места», а также возможные пути укрепления позиций РФ в Восточной Азии.

Подводя итог, можно отметить следующее. Коллективные работы политологов-востоковедов МГИМО, представ-

ленные в настоящем обзоре, не только являются весьма значимыми и полезными для учебного процесса, хотя бы только потому, что им просто очень трудно найти аналоги на рынке исследовательской и образовательной литературы России, они также вносят существенный вклад в теоретическое осмысление процессов, проходящих в многообразном постбиполярном мире, формируя тем самым целый комплекс учебной литературы нового типа, со значительным, а в большинстве случаев и превалирующим исследовательским компонентом. Книги довольно легко читаются, отличаясь при этом глубокой фундированностью и высоким качеством подготовки. Все это позволяет рассчитывать как на достаточно широкую для такого рода изданий аудиторию, так и на большой интерес специалистов и политиков, о чем свидетельствует их быстрая раскупаемость и востребованность читательской аудиторией.

**Д.В. Стрельцов,
С.И. Лунев,
Е.В. Колдунова**

В.В. Михеев. Китай — Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М. : ИМЭМО РАН, 2009. 360 с.

В настоящее время Япония и Китай являются ключевыми акторами в регионе Восточной Азии, где они предстают в виде двух полюсов, определяющих региональный баланс сил и формирующих региональную подсистему международных отношений. Таким образом, в процессе взаимодействия два государства оказывают большое влияние не только друг на друга, но также и на состояние восточноазиатского регионального контекста в целом.

Японо-китайские отношения имеют продолжительную историю и характеризуются разнообразием противоречивых и

взаимодополняющих тенденций, изменяющихся под воздействием множества разнонаправленных факторов. Они отличаются высокой степенью многомерности, включая в себя не только политическое и экономическое измерение, но и отношения в сферах безопасности, энергетики, экологии, культуры.

Для России, которая также является частью Восточноазиатского региона, отношения между Японией и Китаем представляют чрезвычайную важность. Представляется, что без их анализа и учета, в качестве важного внешнеполитического фактора, невозможно сформулировать полноценную региональную стратегию, равно как и проводить конструктивный внешнеполитический курс в отношении каждого из этих государств.

В самих Китае и Японии существует достаточно большое количество исследований, посвященных как проблемам двусторонних отношений, так и вопросам их взаимодействия в региональном масштабе, а также месту и роли в контексте глобальной системы международных отношений. Ряд работ, касающихся различных аспектов японо-китайских отношений, в разное время был выпущен также в США и странах Западной Европы.

Что касается российской политической науки и историографии, то вплоть до настоящего времени в их рамках существовало достаточно малое количество работ по рассматриваемой проблематике. За исключением монографий З.Д. Катковой и Ю.В. Чудодеева «Китай — Япония: любовь или ненависть?», А.В. Загорского «Япония и Китай: пути общественного развития в оценке японской историографии», а также статей А.В. Семина, Г. Кунадзе и М. Потапова в различных периодических изданиях, трудов, посвященных японо-китайским отношениям, опубликовано не было. На протяжении долгого времени в российской международно-политической науке отсутствовало комплексное фундаментальное исследование, в котором бы проводился анализ различных

измерений, существующих в отношениях между Японией и Китаем, на различных уровнях международной системы. В этой связи монография члена-корреспондента РАН, заведующего сектором экономики и политики Китая и Японии ИМЭМО РАН Василия Васильевича Михеева «Китай — Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире» призвана заполнить указанный пробел. Это первая в российском научном сообществе комплексная работа, посвященная японо-китайским отношениям.

Монография В.В. Михеева структурно разделена на три части: методологическую, в которой автор излагает основные положения собственной теоретической концепции, на основании которой строится все дальнейшее исследование; аналитическую, содержащую анализ отношений между Китаем и Японией на глобальном уровне, в Восточной Азии, а также в Центральноазиатском регионе и в Корее; прогностическую, в которой автор представляет свой взгляд относительно будущего японо-китайских отношений в свете глобальных и региональных тенденций, а также дает рекомендации по поводу новой стратегии соразвития двух государств в контексте глобализирующегося мира.

В первой части монографии В.В. Михеев подробно описывает разработанную им теорию «Безопасности и развития в свете потребностей и интересов Личности», которая базируется на исследовании потребностей человека в сфере личной безопасности, а также на экономических, гуманитарных потребностях и потребности в межличностном общении. Автор выводит новый подход к анализу международных отношений на основе понятия о «человеке интернациональном» (*Homo International*), потребности которого должны быть удовлетворены не только за счет национального государства, но и международного сообщества в целом. На основе разработанного подхода В.В. Михеев формулирует такие понятия, как «потен-

циал агрессивности» и «компромиссное мышление», постулируя, что «компромиссное мышление на основе закона» — это высшая форма политического мышления (с. 12–42).

Отмечая тенденции к персонификации международных отношений в контексте глобализации, автор формулирует суть и характерные особенности потребности в «интеграционной мотивации», анализируя ее с точки зрения потребностей «человека интернационального», как стремления формулировать свои интересы и искать способы их осуществления с помощью компромисса и сотрудничества в противовес «агрессивному мышлению» (с. 43–66).

В последней главе методологической части В.В. Михеев анализирует теорию глобализации как новую объективную тенденцию развития мирового сообщества, оказывающую влияние на все сферы отношений между государствами, акцентируя внимание на экономике, и явление антиглобализма как антитезис глобализации (с. 67–102).

Смысловым центром второй части монографии является дилемма «сотрудничество — соперничество», вокруг которой проводится анализ современных отношений между Китаем и Японией. Прежде всего автор рассматривает данный вопрос на глобальном уровне, в таких сферах, как безопасность, экономика и энергетика. При этом он основывается на предпосылке, что главное стратегическое направление развития всего мира — это рыночная демократия и новая мировая архитектура «безопасности через соразвитие». Характеризуя Китай и Японию как «стран-новичков», ищущих собственное место в новой глобальной архитектуре безопасности, мировых экономических процессах, стремящихся выйти на ранее недоступные им мировые энергетические рынки, В.В. Михеев отмечает рост их «агрессивного потенциала» и «потребности в доминировании», направленных как в отношении друг друга, так и всей Восточ-

ной Азии, а также других регионов. Вместе с тем, по мнению автора, набирают силу тенденции к «интеграционной мотивации» и «потребности в сотрудничестве», которые представляют собой главный ресурс для благоприятного развития отношений между двумя странами.

Особый интерес представляет раздел о взаимном восприятии государствами друг друга, в котором присутствует интерес к взаимодействию, — с одной стороны, и враждебность — с другой. Здесь впервые в российской науке автором проводится глубокий анализ взаимных представлений различных групп китайской и японской элиты (политической, военной и интеллектуальной).

В качестве причин продолжающегося негативизма в восприятии Китаем и Японией друг друга В.В. Михеев выделяет значительные различия в интерпретации собственных национальных интересов и подъем патриотически-националистического воспитания в обеих странах (с. 104–140).

В пятой главе автор исследует Восточную Азию как единое экономическое пространство, описывая различные форматы, в рамках которых происходит интеграционное взаимодействие (АТЭС, АСЕМ, АРФ, а также новые форматы: СВА-3 — в составе Японии, Китая и Южной Кореи; зону свободной торговли АСЕАН; АСЕАН плюс три; зону свободной торговли АСЕАН с Китаем и Японией, Азиатский валютный союз и другие).

Давая прогноз о развитии многоформатной и многоуровневой интеграции в Восточной Азии, В.В. Михеев отмечает необходимость для России участвовать в трудоемкой работе по трансформированию регионального пространства. Только так, по мнению автора, можно гарантировать устойчивое развитие Дальнего Востока, учитывая его территориальное положение (с. 141–163).

Кроме того, В.В. Михеевым разрабатываются теоретические и практические основы понятия «новой экономики» Вос-

точной Азии. Им приводятся подробные статистические данные о степени развития в регионе «экономики, основанной на знаниях», представляющей собой значительный потенциал кооперационного взаимодействия, движущей силой которого выступают в первую очередь Япония и Южная Корея, и в меньшей степени Китай (с. 163–177).

В данной части исследования автором делается важный вывод о том, что в регионе назрела потребность в выдвижении лидера, который был бы способен управлять происходящими внутренними процессами. В свою очередь, данный фактор создаст питательную среду для развития и роста политических амбиций Китая и Японии, представляющих собой наиболее мощные региональные центры, что также обуславливает их соперничество. При этом такая ситуация во многом отвечает политическим устремлениям других региональных субъектов. Так, В.В. Михеев отмечает, что государства региона готовы принять совместное японо-китайское лидерство в концептуальной, научно-технической и финансовой сфере, но не готовы в политической, так как им выгодно использовать противостояние двух главных акторов для реализации своих национальных интересов (с. 178–179).

В заключительной главе второй части автор акцентирует внимание на процессах, происходящих в Центральной Азии и на Корейском полуострове, которые рассматриваются как основные региональные пространства совпадения и столкновения интересов Китая и Японии. Характеризуя Центральную Азию как «регион приоритетного влияния» России и «стратегический тыл» Китая, В.В. Михеев подробно рассматривает роль различных акторов в этом регионе, а также их отношение к ШОС и ее будущему (с. 179–214). Далее, анализируя ядерный кризис на Корейском полуострове и механизм шестисторонних переговоров, автор предлагает свой выход из этой проблемы, который предполагает совместные усилия всех

стран-участниц и сотрудничество Китая и Японии (с. 214–240).

В третьей, заключительной части монографии В.В. Михеев рассматривает экономическую модель Китая прежде всего с точки зрения ее совместимости с японской. В этой связи исследователем отмечается, что «традиционно понимаемая совместимость» более отсталой экономики с более развитой начинает размываться с развитием первой, а для совместимости нового уровня необходима координация экономических стратегий, а также выравнивание внутренних правовых и административных условий хозяйствования, что является амбициозной задачей для правительств обеих стран (с. 242–286).

В восьмой главе автор касается политической системы Китая с точки зрения потребности ее населения в демократии и стабильности. По его мнению, Китай путем развития внутрипартийной и «низовой» демократии, а также путем повышения роли закона постепенно будет продвигаться в направлении «всемирной демократии» (с. 288–307).

В заключительной главе третьей части автор разрабатывает «стратегию не дестабилизирующего неравенства», которая базируется на глобальном консенсусе о путях мирового развития на основе новых принципов, таких как демократия и рыночная экономика, власть закона, трансграничное право и планетарные институты управления глобальной экономикой и экологией. Глобальное развитие, по мнению автора, должно основываться на «глобальном демократическом проекте» и «стратегии не дестабилизирующего развития», которая заключается в поддержке «в обществе такого неравенства, которое не приводит к социально-политической дестабилизации» (с. 312).

В.В. Михеев также исследует тенденции и перспективы развития региона Восточной Азии, который обладает одновременно «потенциалом конфликтности» и «ресурсом совместного развития», отмечая, что тенденции ста-

бильности в 2000-х гг. преобладают над тенденциями дестабилизации и отношениями соперничества. Автор предлагает эти концепции как новую основу взаимодействия для Китая и Японии в Восточной Азии. Приводя в своей монографии мнения других ученых по этому вопросу, В.В. Михеев заключает, что, несмотря на существующие проблемы и противоречия, объективно существующие тенденции глобализации и выгоды интеграции будут подталкивать страны к поиску компромиссных вариантов сближения и взаимодействия.

Определяя национальные интересы как существующие в интерпретации людей, автор видит возможность в формулировании их на основе «компромиссного мышления» таким образом, что противостояние и соперничество уйдет на второй план, уступив место интеграционному сотрудничеству и совместному развитию. Именно сознательное изменение интерпретации национальных интересов и взаимного видения различных групп элит может привести к налаживанию широкого и постоянно действующего диалога, который уже, в свою очередь, приведет к преобладанию тенденции к сотрудничеству в китайско-японских отношениях (с. 308–345).

Невозможно не согласиться с автором, что потенциал китайско-японского взаимодействия может быть реализован только при наличии воли у элит обеих стран, политической воли руководства и позитивного восприятия народами друг друга, а для этого необходимо приложить целенаправленные усилия.

В заключение В.В. Михеев выдвигает общеизвестный, но, к сожалению, часто забываемый принцип: сотрудничество выгоднее соперничества — и призывает элиты и народы двух стран использовать его в развитии китайско-японских отношений в конструктивном ключе. Особую ценность представляют выводы автора о последствиях различных вариантов дальнейшего развития китайско-япон-

ского взаимодействия для России. Потенциальное сближение Китая и Японии представляет собой и угрозы, и возможности для российской стороны. Главные риски действительно заключаются в том, что Россия может оказаться вне интеграционных процессов, происходящих как в сфере политики и безопасности, так и в экономике Восточной Азии, и здесь возникает первостепенная «угроза недополученной выгоды». Можно лишь согласиться с автором, что только новая модель параллельного соразвития России с Европой и Восточной Азией на базе принятия новой «Большой азиатской стратегии России» сможет в полной мере реализовать российский потенциал и привести к устойчивому развитию всей территории страны, включая Дальний Восток, где многое зависит от взаимодействия нашего государства с Китаем и Японией.

Данная монография может быть использована для изучения японо-китайских отношений и региона Восточной Азии как историками, экономистами, политологами, специалистами по международным отношениям и зарубежному комплексному регионоведению, так и широким кругом специалистов, интересующихся международными отношениями в целом, регионом Восточной и Центральной Азии, ядерной проблемой на Корейском полуострове, внешней политикой Китая, Японии или России в частности. Методологический раздел и авторская концепция могут быть использованы в исследованиях в области экономики, политики, социологии, международных отношений, зарубежного комплексного регионоведения, а также для анализа отношений двух стран, между которыми существует дилемма сотрудничество — соперничество.

**Е.В. Колдунова,
А.А. Киреева**

Нобуо Симотомай. Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961 гг.): монография / пер. с японского под общ. ред. д.и.н. Д.В. Стрельцова. М. : Издательство «МГИМО — Университет», 2010. 332 с.

Известный японский политолог и историк, профессор Университета Хосэй Нобуо Симотомай написал интересную монографию о политической истории Северной Кореи. Автору удалось привлечь к подготовке исследования уникальные советские архивные документы и материалы, показывающие роль СССР в становлении политического режима в Северной Корее, причины и ход Корейской войны (1950–1953 гг.), послевоенное развитие КНДР и сложные перипетии борьбы в партийно-государственном руководстве страны, формирование тоталитарной системы в Корейской Народно-Демократической Республике. Значительное место в работе отводится советско-северокорейским отношениям 1940-х — начала 1960-х гг., вопросам, связанным с заключением Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР 1961 г., а также отношениям КНДР — КНР.

Заметим, что многие события и факты политической истории КНДР указанного периода хорошо известны в нашей стране. Российские ученые приложили немало усилий и знаний и проявили творческое вдохновение при исследовании северокорейского пласта корееведения. В этой связи весьма любопытны взгляды, оценки и выводы, предоставленные Нобуо Симотомай в монографии. Прямо скажем, что ряд авторских оценок роли СССР в Корее нам кажутся неприемлемыми. Во-первых, хотелось бы напомнить, что 15 августа 1945 г. Советская Армия освободила Корейский полуостров, разгромив Квантунскую группировку. Вооруженные силы других государств не участвовали в боях за освобождение Кореи. Войска США высадились на юге полуострова 9 сентября

1945 г., т.е. спустя 25 дней после того, как японские силы в Корее были разбиты частями 25-й Советской Армии под командованием генерал-полковника И.М. Чистякова и капитулировали.

Во-вторых, СССР не устанавливал в освобожденных районах Северной Кореи «режим советской оккупации» (с. 27), как указывает автор. Советский Союз освободил Корею от 40-летнего японского колониального господства. Естественно, для нормализации экономической и политической жизни в Северной Корее были созданы соответствующие структуры, действовавшие под контролем советской военной и гражданской администрации. Работали также органы местного самоуправления, руководимые бюро пяти северных провинций Кореи.

В-третьих, нельзя согласиться с профессором Симотомай в вопросе о реализации решений Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1948 г.). Автор возлагает всю ответственность за неудачу в установлении опеки над Кореей на Советский Союз, его жесткую позицию в совместной советско-американской комиссии. Жесткость в поведении на заседаниях совместной комиссии проявляли обе стороны — и СССР, и США. Каждая из сторон поддерживала своих кандидатов в состав временного корейского правительства. Все это, как очевидно, свидетельствовало о нарастании противоречий между СССР и США на Корейском полуострове, что впоследствии затронуло и другие регионы мира, наступал период биполярного противостояния.

Именно конфронтация между СССР и США, двумя системами, в конечном итоге привела к расколу Кореи. Но не только этот фактор способствовал расчленению Корейского полуострова. Значительная доля ответственности лежит на молодых политических элитах Северной и Южной Кореи, на политических лидерах обеих Кореи, которые ставили свои амбиции выше национальных интересов.

Проамериканский деятель Ли Сын Ман был ярким сторонником конфронтации с левыми силами Кореи, требовал создания еще в 1947 г. сепаративного южнокорейского государства.

Раздел о корейской войне написан автором на основе широкого использования советских архивных материалов. Вообще, корейский конфликт достаточно глубоко и всесторонне исследован в российской исторической науке. Только учеными МГИМО (У) написан ряд монографий на эту тему. Прежде всего, это интересный труд А.В. Торкунова «Загадочная война. Корейский конфликт 1950–1953 гг.», А.В. Торкунова и Е.П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд» и др.

В монографии представляют интерес взаимоотношения северных корейцев и китайцев, Ким Ир Сена и маршала Пэн Дэхуая в ходе корейской войны. Китайский военачальник, как пишет японский исследователь, открыто критиковал Верховного главнокомандующего Ким Ир Сена за ошибки, допущенные им в ходе Корейской войны. Ким требовал от Пэн Дэхуая не оставлять освобожденный китайцами в январе 1951 г. Сеул и не отходить к 38-й параллели, но китайский маршал не внял этим требованиям. Пэн Дэхуай прямо обвинял Ким Ир Сена в непрофессионализме. «Вы, — говорил он, обращаясь к Ким Ир Сэну, — пытаетесь выиграть эту войну, полагая на везение... Вы играете судьбой своего народа и приносите ему в результате новые горести...» (с. 134). К большому сожалению, огромные горести и страдания народа КНДР продолжают и по сей день.

Невысокого мнения о Ким Ир Сэне был и Мао Цзэдун. На встрече с А.И. Микояном в Пекине в сентябре 1956 г. Мао заметил, что Ким — «заурядный человек, начавший глупую войну, и его нужно сместить» (с. 260). Однако во время встречи с Ким Ир Сэном в Москве в ноябре 1957 г. китайский лидер извинился перед северокорейским вождем за «вмешательство во внутренние дела ТПК», заявив,

что главным инициатором вмешательства был маршал Пэн Дэхуай, выведенный уже к этому времени из состава высшего китайского руководства.

Кровопролитная трехлетняя война принесла не только человеческие страдания (по разным данным, от двух до четырех миллионов корейцев погибло, пропало без вести и ранено в той войне; миллион китайских добровольцев навсегда остались лежать в корейской земле). Северная Корея была полностью разрушена. Огромные людские потери, разруха и голод в стране вызвали ожесточенную борьбу в правящей верхушке. Наличие четырех фракций — партизанской во главе с Ким Ир Сэном, просоветской во главе с Хо Га И и Пак Чхан Оком, прокитайской во главе с Ким Ду Боном и Цой Чан Иком и внутренней во главе с Пак Хон Еном, естественно, усилило противостояние в верхах, борьбу за власть, выбор пути развития страны. Эта тема нашла широкое освещение в монографии профессора Симотомай. Автор подробно описывает «августовский инцидент» 1956 г., попытку просоветской и прокитайской группировок «свалить» Ким Ир Сэна за его культ личности, диктат, создание «нездоровой обстановки в партии и государстве» (с. 234). Однако эта попытка окончилась неудачей. Кимирсеновцам удалось нейтрализовать своих оппонентов, а затем подвергнуть их репрессиям. Не удалась также совместная советско-китайская миссия (А.И. Микоян — Пэн Дэхуай) помирить Ким Ир Сэна и его оппонентов. Пообещав А.И. Микояну и Пэн Дэхуаю восстановить фракционеров на прежних постах, Ким Ир Сен не выполнил свое обещание.

В мае 1957 г. Политкомитет ЦК ТПК принимает решение «О превращении борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение». При ЦК ТПК создается специальный орган во главе с Ким Ен Дю, родным братом Ким Ир Сэна, по выяв-

лению врагов революции. Аналогичные структуры были сформированы при провинциальных, городских и уездных партиях. Деятельность этих комитетов была довольно «успешной». В стране было «выявлено 10 тыс. членов ТПК, замешанных в контрреволюционной деятельности» (с. 291).

Весьма ловко избежал Ким Ир Сен внутрипартийной дискуссии по вопросу культа личности И.В. Сталина, итогам XX съезда КПСС. Как отмечает японский историк, победа кимирсеновской фракции обусловила «переход страны к диктаторскому правлению» (с. 280), формированию тоталитарного режима, опирающегося на идеологическую систему «чучхе» (в переводе означает «сам себе хозяин»).

В заключительном разделе монографии японский историк затрагивает вопрос о советско-северокорейском Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенном в Москве 6 июля 1961 г. Опираясь на советские архивные документы, автор подробно описывает перипетии вокруг договора и делает вывод, что этот документ является «фальшивым союзным договором» (стр. 310). Такая оценка советско-северокорейского договора, на мой взгляд, неверна. Несмотря на все трудности, которые сопровождали подписание этого документа и его действие на протяжении 35 лет, Договор 1961 г. имел важнейшее значение как инструмент поддержания мира и безопасности на Корейском полуострове и вокруг него в эпоху холодной войны. Договор не раз отрезвлял «революционные головы» северокорейских руководителей, пытавшихся использовать наличие взаимных договорных обязательств для решения проблемы объединения Кореи. Именно Договор 1961 г. стал тем инструментом, который способствовал разрешению корейского кризиса 1968 г. (захват северокорейцами американского разведывательного судна «Пуэбло»), когда мир стоял на пороге ракетно-ядерного конфликта между СССР

и США. И позже Договор 1961 г. не раз выводил ситуацию на Корейском полуострове из состояния кризиса, не допускал нового военного конфликта в этом беспокойном районе мира.

В работе профессора Симотомаи присутствуют и другие субъективные оценки и выводы. Тем не менее книга заслуживает самого серьезного внимания со стороны не только российского корееведческого сообщества, но и всех тех, кто проявляет интерес к такой закрытой стране, как КНДР, ее внутренней и внешней политике, а также к советской политике на Корейском полуострове в эпоху холодной войны.

В.В. Денисов

ХРОНИКИ ДРУЖБЫ

Размышляя над сборником документов «Советско-китайские отношения. 1949–1951»²⁹

В России/СССР в 1960–1970-х гг. XX в. возникает устойчивая научная школа исследований взаимоотношений России и Китая, формальными и неформальными лидерами которой в течение многих лет являются академики С.Л. Тихвинский и В.С. Мясников — ответственный редактор и редактор-составитель многотомной фундаментальной серии «Русско-китайские отношения»³⁰ и члены редколлегии

²⁹ Советско-китайские отношения. 1949–1951 : сб-к док-в. Чебоксары : ООО «КронаЮ», 2009. 284 с.

³⁰ Русско-китайские отношения в XIX веке / отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. Т. 1. 1803–1807. М. : Наука, 1995; Русско-китайские отношения в XVIII в. / отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. Т. 2. 1725–1727. М., 1990; Русско-китайские отношения в XVIII в. / отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников Т. 1. 1700–1725., М., 1978; Русско-китайские отношения в XVII в. / отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. Т. 2. 1685–1691. М. : Наука,

с российской стороны рецензируемого сборника документов «Советско-китайские отношения. 1949–1951», а С.Л. Тихвинский — также и непосредственный участник взаимоотношений СССР/России и Китая, факсимильное воспроизведение документов с подписью которого можно увидеть, в частности, на фотовкладке рецензируемого издания.

С выходом в свет данного сборника документов сделан новый и, надеемся, не последний шаг на направлении расширения публикаций российских и китайских документов. Как известно, китайские документы и материалы по событиям XX в. «разделены проливом»: находятся в архивах материкового Китая (Китайской Народной Республики) и Тайваня (Китайской Республики на Тайване), и их «соединение» в одной документальной публикации — дело будущего. В данной публикации, учитывая ее фактически официальный характер, с китайской стороны привлекаются документы, хранящиеся в КНР в Архиве МИДа и в Центральном архиве.

Таким образом, при публикации документов в данной сфере внешнеполитического знания всегда существуют методологические проблемы и практические трудности в разработке концептуальной основы документальных публикаций разделенных государств, поскольку нужно показать, как формировалась линия внешней политики государства и/или стержень межгосударственных отношений в реальной комплексности и сложности, т.е. тонкая грань между сухой историей, абстрактной концепцией, прикладной политикой и историей внешней политики, а следовательно, и между исследователем и публикатором международной политики и субъектом международной политики становится если и не полностью размытой, то очень трудно различимой.

Не менее труден для анализа и выработки концептуального подхода комплексный характер факторов, оказывающих влияние на поведение государств на международной арене. Происходящее внутри государства, как правило, косвенно влияет на манеру проведения внешней политики данного государства, т.е. в определенной степени оказывает влияние на отношения между государствами. К таким факторам влияния относится идеологический фактор характера политической системы, наличия или отсутствия многопартийной системы, наличия единственной правящей партии, интересы которой могут в некоторых случаях даже полностью перекрывать интересы всех страт общества, включая общегосударственные, и даже субъективно-личностный фактор.

Если исследователь или публикатор сумеет преодолеть эти трудности, то он тут же начинает сознавать, что наиболее достоверные данные в то же время являются и наиболее чувствительными. В силу «особого» характера таких данных публикаторы документов и исследователи могут быть ограничены сознательным решением о закрытии определенной информации или ограничении доступа к ней на достаточно долгий период времени. На современном этапе российской истории, когда открылась большая часть архивов советского периода, появилось много возможностей для расширения источниковой базы фундаментальных обществоведческих исследований, а следовательно, и для пересмотра многих прежних концепций, либо существенного дополнения или коррекции уже существующих.

Документы из российских архивов с большой полнотой начали вводиться в научный оборот при публикации много томной серии «Российско-китайские отношения»³¹. Среди относительно недав-

1969; Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1. 1608–1683 / отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред. В.С. Мясников. М. : Наука; Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы сост. П.Е. Скачков и В.С. Мясников. М. : Наука, 1958.

³¹ Советско-китайские отношения. Т. 4. Кн. 1. 1937–1944; Кн. 2. 1945 / сост. А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников; ответ. ред. акад. С.Л. Тихвинский, ред. акад. В.С. Мясников. М. : Памятники исторической мысли, 2000.

них публикаций архивных материалов в России и Китае следует отметить упомянутые новые тома серии «Российско-китайские отношения»; тома фундаментальной серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай»³², а также зарубежные публикации — «Сборник материалов по советско-китайским межгосударственным отношениям. 1917–1924»³³ и материалы проекта «Холодная война в Азии»³⁴. Это чрезвычайно важные для исследователей первоисточники.

Публикация рецензируемого сборника документов, безусловно, знаменует новый этап в формировании документальной базы взаимоотношений России и Китая прежде всего потому, что он является первой специальной публикацией документов о самом раннем, ключевом для становления КНР как независимого и самостоятельного государства этапе советско-китайских отношений. Конечно же, нельзя сказать, что документы по этому периоду истории СССР и КНР совсем не публиковались (это хорошо видно по «легендам» ко многим документам рецензируемого сборника), но в целом никогда раньше документы по самому раннему этапу советско-китайских отношений не публиковались в специальном сборнике с такой представительной редколлекцией (среди ее членов с российской стороны следует упомянуть С.В. Лаврова,

А.Н. Бородавкина, К.В. Внукова, В.П. Козлова, В.С. Мясникова, К.К. Провалова, С.С. Разова, И.А. Рогачева, С.Л. Тихвинского, А.А. Чурилина, а с китайской — Ян Цзечи, Ван Гуанъя, Сун Тао, Ян Дунцюаня, Ли Хуэя, Ян Шэньцюня, Цяо Цзунхуая, Лю Гучана, Ли Фэнлиня и других известных дипломатов и ученых) и с такой полнотой.

Кроме того, совсем недавно в Москве и Пекине прошли торжества по случаю 60-й годовщины установления дипломатических отношений между СССР и КНР, и символично, что именно в юбилейном 2009 г. вышел в свет сборник «Советско-китайские отношения. 1949–1951», подготовленный совместно учеными и специалистами двух стран по договоренности между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики. Российское издание подготовлено Историко-документальным департаментом МИД России в соответствии с Протоколом о совместном издании сборника документов о двусторонних отношениях, подписанным министрами иностранных дел двух стран 21 апреля 2004 г.

Характер опубликованных в сборнике документов и материалов многообразен — это записи бесед высших руководителей Советского государства с высшими и ответственными представителями Китая, советско-китайских отношений в целом, роли Советского Союза в становлении на международной арене нового китайского государства (КНР), записи бесед политиков и дипломатов, тексты не публиковавшихся ранее соглашений и другие уникальные дипломатические документы. Том включает 129 документов, хотя фактически их значительно больше за счет того, что некоторые из них состоят из целой подборки писем, телеграмм и министерских нот. Например, Соглашение об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской

³² ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы (1994). Т. 1. 1920–1925. М.: АО «Буклет»; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы (1996). Т. 2 (в 2 ч.). 1926–1927; М.: АО «Буклет»; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы (1999). Т. 3 ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае): в 2 ч. 1927–1931. М.: Полигран.

³³ Чжун-Су гоэця гуаньси цзыляо хуэйбянь. 1917–1924 (Собрание материалов по китайско-советским межгосударственным отношениям, 1917–1924) / под ред. Сюэ Сяньтяня, Ли Цзягу, Хуан Цзиньляня, Ли Юйчжэня, Пекин: Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1993.

³⁴ The Cold War in Asia (1995/1996) Bulletin. Cold War International History Project. Issues 6–7 (Winter), Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars.

Народной Республикой было достигнуто в форме обмена письмами³⁵. Уникальность этого издания еще и в том, что около 30 документов на китайском языке, предоставленных Архивом МИД КНР и Центральным архивом КНР, были переведены на русский специально для данного сборника. Многие из них публикуются впервые в данном издании.

Документы расположены в хронологическом порядке, сборник снабжен системой перекрестных ссылок, упрощающей поиск документов по конкретной тематике. Подготовка текстов документов полностью соответствует международным стандартам публикаций такого рода документов. Публикация предваряется обращениями министров иностранных дел РФ и КНР С. Лаврова и Ян Цзечи к читателям, а заканчивается указателями имен упоминаемых в документах исторических деятелей.

Авторский коллектив создал подборку документов, охватывающую наиболее важные аспекты двусторонних отношений периода 1949–1951 гг., а именно: установление дипломатических отношений между СССР и КНР и подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой, подготовку и проведение визита Мао Цзэдуна в СССР, заключение соглашений о торговле и кредитах, предоставление Китаю технической помощи и направление советских специалистов, а также по различным вопросам сотрудничества и вопросам консульского характера.

Отдельно следует остановиться на международной составляющей двусторонних отношений, учитывая, что в тот период Советский Союз предоставил Китаю не только экономическую, но и дипломатическую помощь. Опубликованные документы ярко иллюстрируют, как Со-

ветский Союз в те годы отстаивал интересы КНР в ООН.

Дело в том, что и после 1 октября 1949 г. (т.е. после провозглашения Китайской Народной Республики) место законного представителя Китая в Совете Безопасности и других структурах ООН занимал представитель правительства Китайской Республики (КР), войска которой были разбиты на материке красными бойцами НОАК и правительство которой вместе с сочувствующим населением, армией и бюрократией откочевало на остров Тайвань и укрепились там. Конечно, правительство КНР прилагало усилия для разрешения этого противоречия: министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направлял телеграммы Генеральному секретарю ООН Трюгве Ли³⁶ и председателю Генеральной Ассамблеи ООН Карлосу П. Ромуло³⁷, в которых сообщал, что Центральное народное правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим население всего Китая. Однако КНР не в силах была решить этот вопрос в одиночку. Появлять на ситуацию мог только международный вес СССР, который устами своего министра иностранных дел А.Я. Вышинского на заседании политического комитета V сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что «не к лицу Организации Объединенных Наций, — таким ее авторитетным органам, как Политический комитет, Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея, — поощрять покровительственные действия США в отношении... кучки бунтовщиков и заговорщиков против законного китайского правительства»³⁸.

Проблема представительства Китая сразу же привела к тупиковой ситуации в ООН, выхода из которой не видел даже Трюгве Ли, информировавший об этом советское руководство во время своего визита в Москву в мае 1950 г. По свидетельству А.А. Громыко, Ли сооб-

³⁵ Советско-китайские отношения. 1949–1951 : сб-к док-в. Чебоксары : ООО «Крона», 2009. С. 13.

³⁶ Там же. С. 49.

³⁷ Там же. С. 50.

³⁸ Там же. Док. № 106. С. 205.

шил, что США сначала упомянули о своем возможном согласии на допуск в ООН представителей КНР, а затем отказались³⁹, не признавая правительство КНР в качестве единственно легитимного, поскольку на острове Тайвань продолжало существовать в полном составе Правительство Китайской Республики, созданной в 1911 г. Правительство КНР надеялось с помощью СССР уладить вопрос своего представительства в ООН до V сессии Генеральной Ассамблеи. В тот момент сделать этого не удалось, так как началась война в Корее, «возмутительное, вопиющее преступление против мира» (по выражению А.Я. Вышинского)⁴⁰, но КНР чувствовала поддержку Советского Союза, который, возможно в ущерб своим государственным интересам, начал информационную войну с США в рамках дискуссий в Совете Безопасности и пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи⁴¹. Представленные документы отражают все нюансы и хитросплетения закулисной стороны совместной работы дипломатических представителей СССР и КНР. Особенно показательными в этом плане являются записи бесед советских и китайских дипломатов.

В сборнике опубликован документ, имеющий отношение и к военным планам двух стран, — это докладная записка главного советника при ЦК КПК И.В. Ковалева председателю Совета министров СССР И.В. Сталину⁴². В ней показано, как КНР начала разработку плана операции по прорыву блокады вокруг Шанхая и захвату Тайваня, и решила согласовать эти планы с советским правительством, чтобы заручиться его поддержкой, без которой это военное мероприятие не могло увенчаться успехом. Для этого в СССР была направлена специальная делегация в составе военных советников во главе с командующим ВВС

КНР Лю Ялоу. Формально же, как всегда считалось, целью визита генерала Лю была выработка соглашений по созданию совместного акционерного общества гражданской авиации, которое собственное и было создано 27 марта 1950 г.⁴³

Очень интересна подборка документов по различным вопросам двустороннего сотрудничества в конкретных сферах, таких как направление в Китай советских специалистов⁴⁴. В рассматриваемый период работа с ними находилась под контролем финансово-экономического комитета Государственного административного совета КНР, подотчетного лично Чжоу Эньлаю. Этому аспекту отношений уделялось внимание на самом высоком уровне, и каждое положение скрупулезно обсуждалось, что показывает, как тщательно Китай и СССР относились к юридической базе своего сотрудничества, уже тогда предусматривая разные варианты развития событий. Для современных дипломатов и политиков поучительно, как КНР, которая пережила японскую агрессию и гражданскую войну, экономика которой была разрушена войной, находясь на самой ранней стадии становления политического режима и нуждаясь в поддержке СССР, тем не менее выдвинула когорту дипломатов, которые даже в переговорах с ближайшим союзником достойно отстаивали национальные интересы своей страны в первую очередь.

В целом отношения двух стран в тот исторический момент, судя по опубликованной подборке документов, можно охарактеризовать как прагматичную дружбу. Взоры СССР и Китая были обращены в одну сторону, потому что они считали, что у них есть общий враг — американский империализм. Без поддержки СССР период становления нового китайского государства был бы еще более сложным и долгим, а возможно, и неочевидным. В то время Мао еще не смотрел на Советский Союз сквозь призму собственных поли-

³⁹ Там же. С. 160.

⁴⁰ Там же. С. 200.

⁴¹ Там же. Док. № 107, 110.

⁴² Там же. Док. № 52. С. 79.

⁴³ Там же. Док. № 81. С. 145.

⁴⁴ Там же. Док. № 75, 76, 78.

тических амбиций, а советское руководство еще не осознавало, в какую сторону вскоре начнет эволюционировать взгляды Мао Цзэдуна.

Это был период прагматичного позитива в двусторонних отношениях, страны были открыты к сотрудничеству по всем направлениям, о чем упомянул премьер Государственного административного совета КНР, министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай по прибытии в Москву 20 января 1950 г.: «...при твердом проведении председателем Мао Цзэдуном политики сотрудничества между Китаем и СССР никакая сила не может препятствовать тому, чтобы наши два великих государства шли рука об руку вперед»⁴⁵. К тому же у СССР и КНР была и колоссальная политическая заинтересованность в поддержании стабильных доверительных отношений: СССР нужен был надежный идеологический союзник, а молодому китайскому государству требовалась всесторонняя поддержка на ста-

дии становления нового политического режима.

Данный сборник — иллюстрация искренне-прагматичного, но короткого по времени, практически полного единодушия во взаимоотношениях руководства СССР и КНР. Одновременно, перечитывая формулировки многих документов и зная, как развивались отношения дальше, понимаешь, как в отношения закладывались зерна будущего раздора. Используя этот исторический опыт и не повторяя прежних ошибок, Россия и Китай сегодня располагают уникальными возможностями для выстраивания оптимальной модели взаимоотношений, и этот шанс нельзя упускать.

Авторским коллективом проделана огромная работа, остается пожелать, чтобы юбилейный год стал стимулом для ее продолжения.

**А.Д. Воскресенский,
Е.А. Смирнова**

⁴⁵ Там же. Док. № 54. С. 83.

*Современные сравнительные
исследования политических систем
и политических культур стран мира*

Политические системы и политические культуры : сб-к учебных материалов / МГИМО (У) МИД России. М. : МГИМО — Университет, 2008. 424 с.

Данный сборник учебных материалов подготовлен преподавателями кафедры сравнительной политологии МГИМО и основан на лекционном курсе «Сравнительная политология. Политические системы и культуры». Основная цель публикации — облегчить для студентов восприятие сложного курса, способствовать комплексному усвоению ими материала о политических традициях и системах современного мира в сравнительной перспективе. В задачу авторов входило рассмотрение как ряда значимых политических традиций, так и некоторых особенных, уникальных случаев.

Сборник предназначен для студентов-политологов и международников, преподавателей этих дисциплин, а также для всех, кто интересуется либо отдельными политическими системами и традициями, либо их сравнительным анализом.

Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М. : МГИМО — Университет, 2007.

В книге представлены результаты инновационного научно-исследовательского проекта «Политический атлас современности», реализуемого МГИМО (У) МИД России совместно с Институтом общественного проектирования и при поддержке журнала «Эксперт». В рамках проекта осуществлено глобальное сравнительное исследование 192 суверенных

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

государств современного мира, разработаны их типологии на основе многомерного статистического анализа. Книга содержит обзор прецедентов использования количественных методов в сравнительном изучении политических систем, описание методологического аппарата исследования и основные результаты исследования. Результаты представлены в виде рейтингов стран по пяти индексам (государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни, институциональных основ демократии), в виде многомерной классификации и разномасштабной кластеризации стран мира и отражены в виде таблиц, графиков, карт. Отдельная глава посвящена месту России в мире в сравнении с другими государствами. Книга предназначена для исследователей, политиков, журналистов, а также всех, кто интересуется современными проблемами государственности, демократии, международных отношений и последними достижениями политической науки. Может использоваться в учебном процессе в высшей школе.

Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО (У) МИД России; под ред. А.Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Восток-Запад : АСТ, 2007. 827 с.

Данная книга, подготовленная в рамках совместного проекта МГИМО — Би-Пи, позволяет сравнить пути формирования и эволюции политических систем, понять взаимодействие и борьбу различных политических сил, оценить степень зрелости гражданского общества, элементов демократической политической системы в странах Азии и Африки.

Ориентирована на широкий круг просвещенных читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2007. 190 с.

В книге прослежены пути эволюции политических систем и политических режимов стран Востока, связанные со спецификой их политической культуры, а также развернута пространственно-аналитическая концепция сравнительного анализа политических систем Востока. Показаны разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической системы стран Востока, проанализированы модели демократии, и раскрыта сущность и содержание модели азиатской демократии. Для широкого круга читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

*Исследования проблем
международной безопасности*

Кулагин В.М. Международная безопасность : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2007. 318 с.

Первое отечественное учебное пособие по всему комплексу современной военно-политической безопасности, которое призвано дать целостное представление о разнообразных процессах в этой области. Анализ ведущих тенденций формирования новой системы международной безопасности в наши дни сочетается с детальным рассмотрением конкретных проблем терроризма, распространения оружия массового уничтожения, вооруженных конфликтов, контроля над обычными и ракетно-ядерными вооружениями. Подробно рассматривается современная военно-политическая ситуация в ключевых регионах мира.

Для студентов, преподавателей гражданских и военных высших учебных заведений, где изучаются международные отношения, проблемы войны и мира. Книга может представлять интерес для более широкого круга читателей, интересую-

щихся военной составляющей современной мировой политики.

Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М. : Навона, 2009. 272 с.

В книге рассматриваются причины, особенности и эволюция транснационального терроризма, а также усиления международных организаций по борьбе с ним. Анализируются возможности и проблемы антитеррористической деятельности.

Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям вузов и всем, кто занимается изучением данной темы. Издание учебного пособия осуществлено в рамках реализации проекта МГИМО — Би-Пи.

Колдунова Е.В. Сравнительный анализ региональных особенностей новых угроз безопасности : учеб. пособие. М. : Проспект, 2009. 128 с.

Учебное пособие посвящено рассмотрению трансформаций в понимании безопасности в постконфронтационном мире и анализу данных процессов на примере различных регионов мира. Пособие является составной частью учебно-методического комплекса по курсу «Сравнительный анализ региональных особенностей новых угроз безопасности». Для студентов и магистрантов, обучающихся по направлениям «зарубежное регионоведение», «политология», «международные отношения». Книга также может представлять интерес для широкого круга читателей.

Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М. : Навона, 2009. — 200 с. ISBN 978-5-91798-006-5.

Монография посвящена анализу стратегий Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества в области региональной безопасности на постсовет-

ском пространстве. Отдельное внимание уделено территориям региональной интеграции, представлены малоизвестные российским читателям подходы. Для специалистов, студентов и аспирантов, интересующихся проблематикой региональной безопасности на постсовет-

ском пространстве. Издание подготовлено в рамках Проекта сотрудничества МГИМО — БиПи.

**Материалы рубрики
подготовлены
Е.В. Колдуновой**

ОБ АВТОРАХ

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН

Воскресенский Алексей Дмитриевич — доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), профессор, декан факультета политологии МГИМО — Университета, главный редактор журнала «Сравнительная политика»

Денисов Валерий Иосифович — доктор исторических наук, профессор МГИМО — Университета и РГГУ

Ефремова Ксения Александровна — кандидат политических наук, доцент, координатор магистратуры «Комплексный анализ зарубежных регионов» МГИМО — Университета

Киреева Анна Андреевна — сотрудник Кабинета зарубежного регионоведения МГИМО — Университета

Лунев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор МГИМО — Университета

Пронин Евгений Александрович — специалист по международным отношениям, сотрудник деканата Факультета политологии МГИМО — Университета

Смирнова Екатерина Александровна — студентка МГИМО — Университета

Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, заведующий Кафедрой востоковедения МГИМО — Университета

Троицкий Михаил Алексеевич — кандидат политических наук, доцент МГИМО — Университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами

- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц

- иные материалы и материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала

- размер шрифта основного текста 14

- сноски можно печатать через 1 интервал

- размер шрифта 12

- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см

3. При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница.

4. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е. например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представ-

ление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

5. Все сноски размещаются внизу страницы. Нумерация сноска сквозная (1, 2, 3 ...)

6. Авторам рекомендуется тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания терминов.

7. На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: Доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

8. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал.

Здесь же приводятся:

- Фамилия, имя, отчество автора (полностью)

- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.)

- ученая степень (при наличии)

- точные контактные данные:

- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом

- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом)

- адрес электронной почты

9. Статьи и материалы принимают при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

10. Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@ibb.ru и sravnitpolit@mail.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.